

РАШИНСАЙНС

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№1 2022

Казань - 2022

УДК 08
ББК 72
К4 94

К4 94 Казанская наука. №1 2022г. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2022. – 162.

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (реестровая запись от 08.05.2019 серия ПИ № ФС 77 – 75730).

Журнал размещен в открытом бесплатном доступе на сайте www.kazanscience.ru.

Журнал включен ВАК РФ в перечень научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» № E11209.

Главный редактор А.Р. Шагимуллин

Редакционная коллегия

*Р.Ф. Бекметов – д.филол.н., доцент; В.В. Кондратьев – д.пед.н., профессор;
О.В. Чевела – д.филол.н., доцент; А.М. Саяпова – д.филол.н., профессор;
Р.Р. Хуснулина – д.филол.н., профессор.*

В журнале отражены материалы по теории и практике направлений науки, наиболее интенсивно развивающихся в настоящее время. Представлены труды ученых и специалистов вузов, институтов РАН, организаций, учреждений и предприятий, представителей органов власти.

Материалы журнала будут полезны преподавателям, научным работникам, специалистам научных предприятий, организаций и учреждений, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

УДК 08
ББК 72

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

© Рашин Сайнс, 2022 г.

СОДЕРЖАНИЕ

10.01.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

<i>Е.Е. Иванов, О.Ю. Юрьева</i> УДАР КАК НЕОЧЕВИДНАЯ СМЫСЛОВАЯ СТРУКТУРА «ПРИСУТСТВИЯ ИНОГО» В ОНТОПОЭТИКЕ Г. ГАЗДАНОВА	9
<i>В.А. Пржигоцкий</i> СБОРНИК РАССКАЗОВ СИБИРСКОГО ПИСАТЕЛЯ-ЧИНОВНИКА Н. И. НАУМОВА «В ЗАБЫТОМ КРАЮ»	13
<i>О.В. Родикова</i> РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР В ИНТЕРПРЕТАЦИИ К.К. ПАВЛОВОЙ	19

10.01.10 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА

<i>М.В. Елкина, А.Д. Паутов, Л.Г. Пушкарева</i> СПЕЦИФИКА КОНТЕНТА СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ О КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ	22
<i>А.У. Киньябулатов, С.Г. Аксенов, С.Ш. Сабирзянов, Р.А. Гайнуллин, В.Ф. Усманов, В.Д. Чистонов, Э.Г. Усманов, А.С. Султанмуратова, Ф.Б. Рахматова</i> ВКЛАД ЖУРНАЛИСТА, ЗАСЛУЖЕННОГО РАБОТНИКА ПЕЧАТИ И МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН Р.А. АЮПОВА В РАЗВИТИЕ ПРОПАГАНДЫ СПОРТА И ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ	25
<i>А.У. Киньябулатов, С.Г. Аксенов, С.Ш. Сабирзянов, В.Д. Чистонов, В.Ф. Усманов, А.С. Султанмуратова, Р.А. Гайнуллин, Э.Г. Усманов, Ф.Б. Рахматова</i> ЗНАЧЕНИЕ СПОРТИВНЫХ ГАЗЕТ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ, СПОРТА И МЕДИЦИНЫ БАШКОРТОСТАНА НА РУБЕЖЕ XX—XXI ВЕКОВ	28

10.02.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК

<i>Аль-хадитхи Басим Хашиа Абдулраззак</i> ТЕТЯ, ТЕТКА, ТЕТЕНЬКА, ТЕТЕЧКА, ТЕТУШКА, ТЕТЕХА В ФУНКЦИИ ОБРАЩЕНИЯ	31
<i>О.А. Глущенко</i> РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА В ЭКСПРЕССИВНОЙ НОМИНАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ НАЗВАНИЙ СЕРТИФИКАТА О ВАКЦИНАЦИИ ОТ COVID-19 И QR-КОДА)	34
<i>И.А. Дини, Д.А. Решетняк, Е.Г. Шапаренко</i> НЕКОТОРЫЕ КРИТЕРИИ ПРАГМАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТОВ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ К ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ	37
<i>В.В. Егорова, О.О. Хасанова</i> СИСТЕМА АРТЕМ В МАЛОЙ ПРОЗЕ Е.А. КАТИШОНОК	40
<i>А.Н. Ерёмин</i> К ВОПРОСУ О ЛЕКСИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ И ТИПАХ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВ	43
<i>Е.С. Константинов</i> ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОПИСАТЕЛЬНЫХ ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫХ ОБОРОТОВ В ЛЕТОПИСНЫХ ТЕКСТАХ XIII–XV ВЕКОВ	46
<i>С.В. Минибаева, Т.В. Желтикова</i> СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КАК ЧЕРТА ИДИОСТИЛИЯ ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТА РОМАНА «ЖИЗНЬ НАСЕКОМЫХ»)	49
<i>Е.А. Неклюдова</i> СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИКА (НА МАТЕРИАЛЕ УСТНОЙ РЕЧИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)	53
<i>А.А. Немыка, Е.Н. Рожик, С.С. Камишук</i> ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОСМОНИМОВ В СОВРЕМЕННОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ ПЕСЕННЫХ ТЕКСТОВ): ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ	59

Ж.Ю. Шацкая	МЕТОНИМИЯ КАК ЯЗЫКОВАЯ ФОРМА ОПИСАНИЯ ОБРАЗНОГО КОМПОНЕНТА КОНЦЕПТА «МОДА»	62
И.В. Шерстяных	ВЕРБАЛИЗАЦИЯ МЕТАПОКАЗАТЕЛЯ «ШУТКА»: ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	65

10.02.04 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

Т.В. Алейникова, Н.В. Горохова, И.Н. Третьякова	РЕТЕРМИНОЛОГИЗАЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕРМИНОВ НЕФТЕГАЗОВОГО ДИСКУРСА)	69
Е.В. Бутенко, Г.А. Циммерман	СТИЛЕВАЯ ЦИТАЦИЯ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В КИНОДИАЛОГЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)	72
В.Е. Глызина, И.В. Пашаева, А.В. Федорюк	ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ИНТЕНСИФИКАТОРОВ В ДИСКУРСЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ	75
И.Т. Закиева	ОСОБЕННОСТИ АВТОРСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КУРТА ВОННЕГУТА “КОЛЫБЕЛЬ ДЛЯ КОШКИ” И “СИРЕНЬ ТИТАНА”	78
Н.М. Залесова, Е.Ю. Баженова, Т.Ю. Ма, М.А. Зуева	ИСЛАМСКИЕ РЕАЛИИ И ИХ РОЛЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Х. ХОССЕЙНИ «THE KITE RUNNER»)	82
Е.В. Комлева	ИНТЕРМЕДИАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР АПЕЛЛЯТИВНОСТИ В ТЕКСТАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)	86
А.В. Копанева	ПРАГМАФОНЕТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ АКЦЕНТНОЙ ВЫДЕЛЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	89
Е.Г. Котова, Е.А. Линева, Е.Б. Савельева, А.В. Леонтьева	ЭТИМОЛОГИЯ АНГЛИЙСКИХ ИДИОМ С КОМПОНЕНТОМ ДЖЕК	96
З.В. Маньковская	КУЛЬТУРНО-ЗНАЧИМАЯ ИНФОРМАЦИЯ В РАССКАЗАХ РОАЛЬДА ДАЛЯ	99
С.С. Шумбасова	БИБЛЕИЗМЫ В ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ	103

10.02.19 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

П.М. Алиева, Э.Г. Оздоева	СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕРМИНОВ РОДСТВА ВО ФРАНЦУЗСКОМ И ИНГУШСКОМ ЯЗЫКАХ	106
С.В. Будажапова, Л.Д. Раднаева, Б.В. Соктоева, И.В. Хубракова, С.Д. Цыренжапова	АКУСТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ РЕАЛИЗАЦИЙ ЗВУКОВЫХ ЕДИНИЦ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	110
Л.Г. Васильев, В.В. Неборская, Н.В. Обухова	СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РЕЧЕВОЙ АРГУМЕНТАЦИИ	114
Л.М. Гиниятуллина, М.М. Шакурова	ОСОБЕННОСТИ СЛОЖНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ЦЕЛЫХ В ТЕКСТАХ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОГО СТИЛЯ	118
Н.В. Зененко, Л.П. Сон	ИСПАНСКИЕ ПАРЕМИИ: ПРОЯВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА И СОХРАНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	122
Н.Г. Иванова, А.В. Кириллова, Д.Е. Меренкова, М.В. Шурупова	РОЛЬ АББРЕВИАТУРЫ В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	126
С.Г. Ларина, О.Н. Поддубская, А.В. Сахарова	К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ СУБЪЕКТИВНОЙ СФЕРЫ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ	129

<i>К.А. Мельникова</i> РАЗЛИЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЙ «ДИСКУРС» И «МЕДИАДИСКУРС»	132
<i>Р.Ф. Мирхаев</i> К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	135
<i>О.П. Мотина</i> ТИПОЛОГИЯ ПАРОНИМОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ПО ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОМУ ПРИНЦИПУ	138
<i>Э.Г. Оздоева, П.М. Алиева</i> СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФОРМ ГЛАГОЛА В ИНГУШСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ	141
<i>А.М. Туктамышова</i> ОТНОШЕНИЕ УЧИТЕЛЕЙ НАЧАЛЬНЫХ ШКОЛ К МНОГОЯЗЫЧИЮ И ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКЕ: ТАТАРСТАН, РОССИЯ	145
<i>Р.А. Эфендиева, Э.Ю. Улимбаева, Л.Х. Дзасежеева</i> СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ БАЗА ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ	149
АННОТАЦИИ	152

THE RELEASE MAINTENANCE**10.01.01 – PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LITERATURE**

<i>E.E. Ivanov, O.Y. Yureva</i> UDAR AS A NON-OBVIOUS SEMANTIC STRUCTURE OF THE "PRESENCE OF THE OTHER" IN THE ONTOPOETICS OF G.GAZDANOV"	9
<i>V.A. Przhigotskiy</i> THE COLLECTION OF THE SIBERIAN WRITER-OFFICIAL N. I. NAUMOV "IN THE FORGOTTEN LAND"	13
<i>O.V. Rodikova</i> INTERPRETATION OF THE RUSSIAN FOLKLORE BY K.K. PAVLOVA	19

10.01.10 – PHILOLOGICAL SCIENCES – JOURNALISM

<i>M.V. Elkina, A.D. Pautov, L.G. Pushkareva</i> SPECIFICS OF SOCIAL ADVERTISING CONTENT ABOUT CORONAVIRUS INFECTION IN A PANDEMIC	22
<i>A.U. Kinyabulatov, S.G. Aksyonov, S.Sh. Sabirzyanov, R.A. Gainullin, V.F. Usmanov, V.D. Chistonov, E.G. Usmanov, A.S. Sultanmuratova, F.B. Rakhmatova</i> CONTRIBUTION OF A JOURNALIST, HONORED WORKER PRESS AND MASS MEDIA OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN R.A. AYUPOV IN THE DEVELOPMENT OF PROMOTION OF SPORTS AND HEALTHY LIFESTYLES	25
<i>A.U. Kinyabulatov, S.G. Aksenov, S.Sh. Sabirzyanov, V.D. Chistonov, V.F. Usmanov, A.S. Sultanmuratova, R.A. Gainullin, E.G. Usmanov, F.B. Rakhmatova</i> THE IMPORTANCE OF SPORTS NEWSPAPERS FOR THE DEVELOPMENT OF PHYSICAL CULTURE, SPORTS AND MEDICINE OF BASHKORTOSTAN AT THE TURN OF THE XX-XXI CENTURIES	28

10.02.01 – PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LANGUAGE

<i>Al-hadithi Basim khashea Abdulrazzak</i> WORD-FORMATION VARIANTS OF THE LEXEME 'AUNT' : THE ADDRESSING FUNCTION	31
<i>O.A. Glushchenko</i> REPRESENTATION OF SOCIAL PROTEST IN AN EXPRESSIVE NOMINATION (USING THE EXAMPLE OF THE NAMES OF THE COVID-19 VACCINATION CERTIFICATE AND QR CODE)	34
<i>I.A. Deeney, D.A. Reshetnyak, E.G. Shaparenko</i> SOME CRITERIA FOR PRAGMATIC ANALYSIS OF TEXTS SUBMITTED FOR LINGUISTIC EXPERTISE	37
<i>V.V. Yegorova, O.O. Hasanova</i> THE ARTEM SYSTEM IN SMALL PROSE BY E.A. KATISHONOK	40
<i>A.N. Eremin</i> ON THE QUESTION OF LEXICAL MEANING AND TYPES OF MEANINGS OF WORDS	43
<i>E.S. Konstantinov</i> FUNCTIONING OF A VERBAL-NOMINAL PHRASES IN CHRONICLE TEXTS XIII-XV CENTURIES	46
<i>S.V. Minibaeva, T.V. Zheltikova</i> SEMANTIC TRANSFORMATION AS A FEATURE OF VICTOR PELEVIN'S IDIOSYNCRASY (BASED ON THE TEXT OF THE NOVEL «INSECT LIFE»)	49
<i>E.A. Neklyudova</i> STRATEGIES AND TACTICS OF COMMUNICATIVE BEHAVIOR OF THE VOLOGDA REGION POLITICIANS	53
<i>A.A. Nemyka, E.N. Rozhik S.S. Kamshuk</i> FUNCTIONING OF COSMONIMS IN MODERN IMAGINARY LITERATURE DISCOURSE (ON THE EXAMPLE OF RUSSIAN SONG'S LYRICS): LINGUOCULTURAL AND LINGUODIDACTIC ASPECTS	59

<i>Zh.Yu. Shatskaya</i> METONYMY AS A LANGUAGE FORM OF DESCRIBING IMAGE COMPONENT OF THE CONCEPT «MODA»	62
<i>I.V. Sherstyanykh</i> VERBALIZATION OF THE «JOKE» META-INDICATOR: LEXICOGRAPHIC ASPECT	65

10.02.04 – PHILOLOGICAL SCIENCES – GERMANIC LANGUAGES

<i>T.V. Aleinikova, N.V. Gorokhova, I.N. Tretyakova</i> RETERMINOLOGISATION PROCESS OF LEXICAL UNITS IN OIL AND GAS DISCOURSE	69
<i>E.V. Butenko, G.A. Tsimmerman</i> STYLISTIC CITATION OF PAREMIOLOGICAL UNITS IN FILM DIALOGUE (BASED ON THE EXAMPLES IN RUSSIAN AND ENGLISH)	72
<i>V.E. Glyzina, I.V. Pashaeva, A.V. Fedoryuk</i> THE FUNCTIONING OF PHRASEOLOGICAL INTENSIFIERS IN THE LINGUISTIC PERSONALITY DISCOURSE	75
<i>I.T. Zakieva</i> PECULIARITIES OF AUTHORIAL NEOLOGISM IN NOVELS OF KURT VONNEGUT “CAT’S CRADLE” AND “THE SIRENS OF TITAN”	78
<i>N.M. Zalesova, E.Y. Bazhenova, T.Y. Ma, M.A. Zuyeva</i> ISLAMIC CULTURE-SPECIFIC CONCEPTS AND THEIR ROLE IN THE CLASSIC NOVEL (AT THE EXAMPLE OF H. HOSSEYNI NOVEL “THE KITE RUNNER”)	82
<i>E.V. Komleva</i> INTERMEDIAL NATURE OF APPEAL IN THE TEXTS OF POLITICAL PROPAGANDA (ON MODERN ENGLISH)	86
<i>A.V. Kopaneva</i> PRAGMAPHONETIC MODELLING OF ACCENTUATION IN THE MODERN ENGLISH LANGUAGE	89
<i>E.G. Kotova, E.A. Lineva, E.B. Saveleva, A.V. Leontieva</i> ETYMOLOGY OF ENGLISH IDIOMS WITH A JACK COMPONENT	96
<i>Z.V. Mankovskaya</i> CULTURALLY-SENSITIVE INFORMATION IN ROALD DAHL’S STORIES	99
<i>S.S. Shumbasova</i> BIBLEISMS IN GERMANIC LANGUAGES: A COMPARATIVE ASPECT	103

10.02.19 – PHILOLOGICAL SCIENCES – LANGUAGE THEORY

<i>P.M. Alieva, E.G. Ozdoeva</i> STRUCTURAL AND SEMANTIC CHARACTERIZATION OF KINSHIP TERMS IN FRENCH AND INGUSH	106
<i>S.V. Budazhapova, L.D. Radnaeva, B.V. Socktoeva, I.V. Khubrakova, S.V. Tsyrenzhapova</i> ACOUSTIC PARAMETERS OF REALIZATIONS OF SOUND UNITS OF THE ENGLISH LANGUAGE	110
<i>L.G. Vasiliev, V.V. Neborskaya, N.V. Obukhova</i> SUBJECT-OBJECT DIMENSION OF THE VERBAL ARGUMENTATION	114
<i>L.M. Giniyatullina, M.M. Shakurova</i> FEATURES OF DIFFICULT SYNTACTIC UNITS IN OFFICIAL-BUSINESS STYLE TEXTS	118
<i>N.V. Zenenko, L.P. Son</i> SPANISH PAREMIAS: MANIFESTATION OF NATIONAL CHARACTER AND PRESERVATION OF NATIONAL IDENTITY	122
<i>N.G. Ivanova, A.V. Kirillova, D.E. Merenkova, M.V. Shurupova</i> THE ROLE OF ABBREVIATION IN THE WORD-FORMATION PROCESS OF THE MODERN ENGLISH LANGUAGE	126
<i>S.G. Larina, O.N. Poddubskaya, A.V. Sakharova</i> TO THE QUESTION OF THE FORMATION OF THE SUBJECTIVE SPHERE OF A LANGUAGE PERSON	129
<i>K.A. Melnikova</i> DIFFERENT APPROACHES TO “DISCOURSE” AND “MEDIADISCOURSE” DEFINITIONS	132

<i>R.F. Mirkhayev</i> ON THE PROBLEM OF STUDYING THE FUNCTIONAL PARADIGM OF THE TATAR LANGUAGE IN THE DIACHRONIC ASPECT	135
<i>O.P. Motina</i> TYPOLOGY OF ENGLISH PARONYMS ACCORDING TO THE FUNCTIONAL-SEMANTIC PRINCIPLE	138
<i>E.G. Ozdoeva, P.M. Aliyeva</i> COMPARATIVE CHARACTERIZATION OF VERB FORMS IN INGUSH AND FRENCH	141
<i>A.M. Tuktamyshova</i> ATTITUDE OF PRIMARY SCHOOL TEACHERS TO MULTILINGUALISM AND LANGUAGE POLICY: TATARSTAN, RUSSIA	145
<i>R.A. Efendieva, E.Y. Ulimbasheva, L.Kh. Dzasezheva</i> SOCIO-CULTURAL BASE OF THE FORMING THE ETHNIC STEREOTYPES	149
ABSTRACTS	152

10.01.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

10.01.01

Е.Е. Иванов, О.Ю. Юрьева

Иркутский государственный университет,
Педагогический институт,
кафедра филологии и методики,
Иркутск, yuolyu@yandex.ru

**УДАР КАК НЕОЧЕВИДНАЯ СМЫСЛОВАЯ СТРУКТУРА
«ПРИСУТСТВИЯ ИНОГО» В ОНТОПОЭТИКЕ Г. ГАЗДАНОВА**

Статья посвящена изучению гностического подтекста прозы Г. Газданова по аналогии с «двусоставной» (Т. Касаткина) прозой Ф. Достоевского. Предлагается рассматривать «онтопоэтику» художественного мира Г. Газданова как воспроизводство присутствия в наличном бытии неочевидного содержания. При этом «исходный смысл» иллюзорности посястороннего мира реализуется «инойформой» насильственного вторжения удара в кажимость повседневности, разоблачающего и обновляющего её.

Ключевые слова: Ф. Достоевский, иноформа, «двусоставность», гносис, нуминозное, призрак, витальное.

Установка на «иное» возникает в концовке дебютного романа «Вечер у Клэр». «Было много невероятного в искусственном соединении разных людей, стрелявших из пушек и пулеметов» [2, с. 148], так описывает шок от братоубийственной Гражданской войны Николай Соседов. «Иной облик площади Согласия» энигматично не проговаривается. Это «смысловое зияние», отвлекаясь от конкретных деталей, парадоксально служит «прояснению общей конструкции текста» [11, с. 194]. Оно отсылает к несказанному, невыразимому — «помимо слов, содержания, сюжета и всего, что, в сущности, так неважно» [3, с. 384]. «Иное» включает в себя и интенцию остранённости, которая входит в кругозор автора-творца, и в системе образов — присутствие нуминозного «здесь и сейчас» — «это первородное чувство божественного, дорегигиозное. Оно подразумевает восхищение и оторопь перед творением, «совершенно иное» эмпирическому миру, непостижимое, но в связке с идеей «тварности», включающее человека в себя как часть в целое» [8, с. 55].

Т. Касаткина в книге «Священное в повседневном. Двусоставный образ в произведениях Ф. Достоевского» пишет: «припоминание иного, согласно Платону, — единственное, что способно по-настоящему объяснить происходящее в наличном бытии» [12, с. 25]. Речь идёт о платоновском учении припоминания того, что созерцала душа в мире идей, прежде чем она спустилась на землю и попала в темницу человеческого тела. Предметы эмпирического мира служат для возбуждения воспоминаний души. Наибольшим сосредоточением чувственности является Клэр, после близости с которой активизируется «искусство воспоминаний», своей направленностью в прошлое приближающей опыт души до пленения телом. Катализатором пути героя в Золотой век детства стал его союз с Клэр, образ которой окольцовывает роман с названия до финала подобно герменевтическому кругу.

Теория Платона развивалась в «театре памяти» Камилло и в оккультных трактатах Джордано Бруно: «О тенях идей», «Искусство памяти», «Песнь Цирцеи» и «Искусство припоминания 30 печатей». Об увлечении мнемонической практикой говорит Николай Соседов, а также протагонист в «Призраке Александра Вольфа». В первом случае рассказывается о трансперсональных перформансах, когда герой создаёт виртуальные картины с действиями знакомых образов по задаваемому им самим сценарию..., во втором «мнемонические приемы» [4, с. 56] служат созданию внутреннего ландшафта («огромное снежное поле или волнистую поверхность моря») в воображении героя.

Гностический контекст, «двусоставность» поэтики прозы Газданова, помимо упоминания об оккультных практиках, обнаруживается в прямых отсылках к гностикам, таким как Я. Бёме в «Вечере у Клэр», а также в нарциссических ретардациях Соседова на мосту в Париже с «неверным светом фонарей» и лицемерием им в финале морской глади с рассеянными огнями кораблей. «Образ создается безобразным духом, вглядывающимся в глубины вещества, могущие его отразить, могущие превратить идею в эйдос. Об этом рассказывает миф о Нарциссе в его эзотерическом прочтении» [12, с. 18].

Эзотерический слой у Г. Газданова, как и у раннего Ф. Достоевского, не только формирует кругозор героя, но и создаёт «двусоставность» архитектоники произведения. Так сюжетобразующую призрачность как функцию повествования в «Призраке Александра Вольфа» можно соотнести с «Двойником» Достоевского, в котором реальность неотличима от фантазмагии. Экспозиция дана в тумане изменённого вынужденной бессонницей сознания героя. И эпиграф из Э. По: «Подо мною лежит мой труп со стрелой в виске» в книге Вольфа, которого «было достаточно, чтобы привлечь моё внимание», и странное утверждение редактора, что Вольф совершенно не тот человек, которого опознал безымянный первоначальный повествователь в сборнике «Я приду завтра», и в портретных деталях призрака Александра Вольфа, и в фатальных встречах с его знакомыми читатель не может быть вполне уверен, происходит действие наяву или в дивинационной атмосфере сна героя. «Призрак — это обратная перспектива на текущую реальность из другого измерения. В художественной философии Г. Газданова он играет роль аналитической креатуры, нечто вроде мысленного эксперимента в формате романного персонажа, подобие «философского зомби» [9, с. 315].

Иноформа «неверного света» впервые появляется в потрясении от обманчивости вида великолепного сугроба, который при приближении оказался грязью в «Вечере у Клэр». Историческая действительность представляется кошмаром разума, что особенно ярко демонстрируется «Возвращением Будды» в дистопических сценах пленения повествователя-призрака. Нигилистический отказ реальности в легитимности (в пользу «иного»)) воплощается и в шизофренической наррации «Хода лучей». Иноформой «исходного смысла» иллюзии мира здесь предстаёт оптический эффект перевёрнутости в человеческом зрении, который «консоциативно» [Кастанеда] обыгран сначала в изображении игровой карты, а затем в сюрреалистической самостоятельности «глаза». Глаз «короля пик» — субституция «ока бога». Выстрел как способ уничтожения иллюзионизма, персонифицированного «врагом» — «королём пик», является противоположностью удара. И хотя оптический импульс, движущий и то, и другое действие один — радикальное изменение положения вещей, в выстреле наличествует амбиция окончательности совершаемого. В семиозисе выстрела лежит обратный присутствию нуминозно-тварного мироощущения результат, а именно — трансгрессивно-двойнический. «Я вынул револьвер и выстрелил в глаз, который после этого разлетелся на мелкие куски» [5, с. 474]. Судя по всему, герой выстрелил «в роковое зеркало автомобиля» [5, с. 474], в котором он и «увидел» преследующий глаз. *Выстрел — это удар со знаком минус.*

Удар как насильственное вторжение в пространство Другого сокрушает наличный хронотоп. Изначально расколотое и закамуфлированное «неверным светом» бытие в ударе восстанавливает исходную матричную структуру реальности, удар агрессивно внедряется в сущее и переворачивает его. Душевнобольной герой «Хода лучей» не только живёт в антимире, который осознаётся им как мир правильный, но и находит логическое оправдание в отрицании перевёрнутой всеобщей картины мира: «неправдоподобное скрещение лучей, которое изображено на рисунке, представляющем отражение какого-либо предмета в обыкновенном человеческом глазу» [5, с. 475]. Герой стремится доказать иллюзорность видимого мира в стиле Э. По, подчиняя физику метафизике («нелепый физический закон о ходе лучей в человеческом глазу» [5, с. 476] и признавая гносеологическую ценность научного знания, только если она поддаётся подобной редукции. Нарциссизм, зеркальность и двойничество как корреляты исходного смысла «соседства со смертью» метагероя-

пневматика в «Ходе лучей» не только эмблематизируются игровой картой «короля пик», но и получают околонучное обоснование, в котором глаз не духовный канал с «иным» [15, с. 56], а инструмент «человека-машины», входящий с нуминозной сущностью человека в роковое противоречие: «Но и здесь – ход лучей в моем глазу обманул меня. Это был незримый ход лучей во внутреннем глазу».

Виртуальный мир высокоинтеллектуальной карточной игры в бридж становится «первой реальностью», а события внешнего мира воспринимаются героем сквозь призму вымороченного сознания. Процитируем А. Дугина: «тип “раздвоенного сознания” отличается изначальной и априорной установкой на одновременное создание параллельных интерпретационных систем» [7]. Герой с привычкой «к мечтам» и склонный «настроиться на фантастический лад» [5, с. 476] уверен в измене жены Валентины с карточным королём. При этом физический закон превращается в «чёрную дыру» отражений, ловушку смерти: оптический эффект обратного «хода лучей» накладывается на «зеркало автомобиля», отражающее перевёрнутое изображение глаза «короля пик» как рисунка игровой карты, который иногда замещает глаз партнёра по карточной игре Валентины, жены героя (его второй половинки). И сама игра в бридж предполагает 4 игрока (два в квадрате) — эзотерическое число смерти. Двойнический лабиринт в рассказе трансформируется в мёртвую петлю, в которую выстрел из револьвера окончательно затягивает героя в финале его изоляцией. В интертекстуальном ракурсе, если мотив двойничества как сумасшествия — парафраза «Двойника» Ф. Достоевского, то мотив убийства двойника в комплексе с сумасшествием отсылает к «Отчаянию» В. Набокова, а изощрённая комбинаторика мышления газдановского героя напоминает набоковские и «Защиту Лужина», и «Короля, даму, валета». Кроме того, мотив «глаза» связывает текст Г. Газданова с претекстом А. Пушкина перевёрнутой оппозицией мужское-женское. В «Пиковой даме» подмигивает карточная пиковая дама (перестановка с королём пик) вслед за убитой Германом графиней, как бы усмехаясь над гордыней убийства и сводя с ума преступника. Акт убийства проявляет невидимый источник зла, который погружает убийцу в беспробудный хаос безумия.

«Игра между фактуальным и имажинативным, возможным и невозможным провоцирует перечитывание текста в неочевидной экспликации» [9, с. 314].

«Неочевидная смысловая структура» «удар» заявлена уже в «Вечере у Клэр». Николай вспоминает, как в переходный период отрочества «потерял себя и перестал сам видеть себя в картинах, которые себе рисовал. Я тогда много читал; помню портрет Достоевского на первом томе его сочинений. Эту книгу у меня отобрали и спрятали; но я разбил стеклянную дверцу шкафа и из множества книг вытащил именно том с портретом... Я думаю, что это время усиленного чтения и развития, бывшее эпохой моего совершенно бессознательного существования, я мог бы сравнить с глубочайшим душевным обмороком» [2, с. 52]. Герой, разбивающий стекло ударом, нарушает табу, пытаясь вырваться из плена детства, связанного с потерями близких и опытом экзальтированных эмпатий чтения книг. В «Призраке Александра Вольфа» пневматическая расколотость героя на «низ» и «верх» рефлексирована как «резкое противоречие, характерное для моей жизни. Оно находилось между тем, к чему я чувствовал душевную склонность и тяготение, и тем, с чем я так тщетно боролся, именно этим бурным и чувственным началом моего существа. Оно мешало всему, оно затемняло те созерцательные возможности, которые я ценил больше, чем что бы то ни было другое, оно не позволяло мне видеть вещи так, как я должен был их видеть, оно искажало их в своем грубом, но непреодолимом преломлении» [4, с. 27-28]. Здесь всплывает едва намеченный в первом романе мир криминального насилия, который последовательно изображается в «Возвращении Будды», «Эвелине и её друзьях» и др. Смысловой комплекс «удар в сочетании с деревянной субстанцией» (бильярдный кий-культя) проявится в «Пленнике», а тема игры (бильярд-бридж) переплетётся с «выстрелом» как негативным вариантом удара в «Ходе лучей».

Проблема тотальности насилия в объективной реальности разрешается по «закону удара» [13, с. 118], который противопоставляется убийству автоматическим оружием. В «Призраке

Александра Вольфа» инстинктивно защитный бросок-удар вазы спасает героиню. Разбитая ваза разграничивает витальный хронотоп, в котором присутствует «иное» в виде провиденциального спасения от смерти и безысходность двойнически-дуэльного мира безымянного повествователя с его визави Александром Вольфом. В «Возвращении Будды» внезапный удар по голове контрастирует с расчётливым в анатомических подробностях описанием убийства ради самозащиты.

Удар соответствует истинному положению дел — расколотому на наваждение и подлинную картину мира. По утверждению Т. Магарил-Ильяевой, «наличие же границ приводит к разделению, то есть расколу, которым и характеризуется наш мир в гностической парадигме, созданный страстью» [14, с. 207]. И. Бабич в обзоре заседаний масонской ложи, в которой состоял Г. Газданов, процитировала его доклад «Китайская стена» о значении символов «преодолевать границы между людьми», вытекающем из их универсальной природы: «Существующие в нас стены кажутся нам часто непреодолимым препятствием для общения с людьми» [1, с. 195]. И если выстрел делает это разделение неизбывным (потеря души), то удар поддерживает вечное возвращение в одни и те же ситуации, обновляя и поддерживая «двусоставность» существования.

(продолжение в Статье 2)

Список литературы

1. Бабич И. (2016). Гайто Газданов и масонская ложа «Северная звезда» (1932-1971 годы) // Новый исторический вестник. №. 49 (3). 2016. С. 184-199.
2. Газданов Г. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1. М.: Эллис Лак, 2009. 880 с.
3. Газданов Г. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 2. М.: Эллис Лак, 2009. 697 с.
4. Газданов Г. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 3. М.: Эллис Лак, 2009. 736 с.
5. Газданов Г. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 4. М.: Эллис Лак, 2009. 736 с.
6. Гумбрехт Х. Производство присутствия: чего не может передать значение. М.: Новое Литературное Обозрение, 2006. 184 с.
7. Дугин А. Конспирология. М.: Арктогея, 2005. URL: https://propagandahistory.ru/books/Aleksandr-Dugin_Konspirologiya/158 (дата обращения: 14.06.2021).
8. Иванов Е. Нуминозное в прозе Г Газданова // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. № 1. 2021. С. 54-59.
9. Иванов Е. Метамотив насильственной смерти в прозе Гайто Газданова // Вестник Удмурт. ун-та. Серия: История и филология. 2020. Т. 30, № 2. С. 311-319.
10. Карасев Л. «Достоевский и Чехов. Неочевидные смысловые структуры // Вопросы философии. 2012. № 9. М.: Наука, С. 74-85.
11. Карасев Л. Онтологическая поэтика: автокомментарий // Вопросы философии. 2015. №1. С.188-199.
12. Касаткина Т. Священное в повседневном: Двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 528 с.
13. Кроо К. «Творческое слово» Ф. М . Достоевского — герой, текст, интертекст». Санкт-Петербург: «Акад. Проект», 2005. 288 с.
14. Магарил-Ильева Т. «Гностицизм в литературе русского реализма: ранний Достоевский» // Русская литература и философия: пути взаимодействия / Отв. Ред. и сост. Е. А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2018. С. 196-216.
15. Ясинская М. Представления о глазах и зрении в языке и традиционной культуре славян. дис. ... к. филол. н.: Институт славяноведения РАН, М., 2016. 278 с.

10.01.01

В.А. Пржигоцкий

Томский государственный университет,
филологический факультет,
кафедра общего литературоведения, издательского дела и редактирования,
Томск, hoald@mail.ru

**СБОРНИК РАССКАЗОВ СИБИРСКОГО ПИСАТЕЛЯ-ЧИНОВНИКА
Н. И. НАУМОВА «В ЗАБЫТОМ КРАЮ»**

Рассмотрены рассказы и очерки сибирского писателя-чиновника Н. И. Наумова, представленные в сборнике «В забытом краю», опубликованном в Санкт-Петербурге в 1882 г. Исследованы идейно-эстетические особенности данных произведений на фоне общей эволюции творчества Наумова. Показана структурообразующая роль государственной службы в рассказах и очерках начала 1880-х гг.

Ключевые слова: *Н. И. Наумов, писатель-чиновник, сибирская литература, государственная служба.*

Жизнь и творчество сибирского писателя-чиновника Николая Ивановича Наумова привлекали большое внимание современников и более поздних исследователей. Наибольший интерес для ученых и критиков представляют его рассказы и очерки 1870–1880-х гг. (к которым, в частности, относятся произведения сборника «В забытом краю»), демонстрировавшие пореформенную жизнь сибирских крестьян и вошедшие в пантеон народнической беллетристики [см. 1, 2, 4, 8, 10, 13 и др.]. Существует также ряд работ, посвященных биографии писателя [5], а также попытки реконструировать в самых общих чертах его чиновничий путь [3].

В то же время актуальным и неизученным аспектом в исследовании творческого наследия Н. И. Наумова начала 1880-х гг. является осмысление взаимовлияния поля литературы и поля государственной службы, занимаемых писателем в эти годы последовательно или параллельно и, соответственно, его различной институциональной деятельности, находящейся в тесной связи с литературным творчеством.

Соответственно, целью настоящей статьи является анализ взаимосвязей, взаимовлияний служения литературе и службы государству, отразившихся на эстетике и поэтике рассказов и очерков сборника Н. И. Наумова «В забытом краю».

Произведения данного сборника ранее были опубликованы как в передовых демократических органах (например, в журнале «Дело»), так и в артельных народнических журналах «Устой» и «Русское богатство», где Наумов также входил в состав редакции.

Несмотря на кризис демократической прессы, связанный с ограничением свободы печати при Александре III, Наумов 26 октября 1881 года, в связи с 300-летием присоединения Сибири к России, произносит во многом программную речь, где заявляет о своей приверженности прежним демократическим идеалам, в первую очередь направленным на служение Сибири и сибирякам, что, как будет показано далее, найдет отражение и в рассматриваемых произведениях [7].

Данный период характеризуется и другими манифестациями в литературном поле, связанными с деятельностью сибирских областников и во многом обусловленными упомянутым юбилеем. Так, в 1882 году Н. М. Ядринцевым в Петербурге основана еженедельная литературная и политическая газета «Восточное обозрение». Данная газета носила ярко выраженный областнический характер и преследовала целью «...соединить мнения лиц, знающих жизнь Сибири и Востока, любящих свой край и желающих добра ему» [9]. В работе газеты принял участие и Н. И. Наумов, опубликовав в ней в 1882 г. автобиографичный очерк «Гонимые».

В том же году выходит фундаментальный труд Н. М. Ядринцева «Сибирь как колония», где были обобщены, сквозь призму областнической концепции, предшествующие социально-экономические и этнографические исследования о Сибири и осмыслены ключевые, на его взгляд, вопросы ее дальнейшего развития [14]. Исследования Ядринцева в немалой степени повлияли на творческое осмысление Наумовым проблем развития Сибири, в том числе в сборнике «В забытом краю».

Содержание данного сборника составляют произведения «Поскотник», «Зажора», «Горная идиллия», «Деревенский аукцион», «Святое озеро», «Ночь на озере», «Один из способов сближения с народом», «Фургонщик».

Его преемственность по отношению к предыдущим сборникам — «Сила соломѹ ломит» и «В тихом омуте» — исходит уже из заглавия, в котором сохраняется культурная установка в отношении Сибири как отсталого, «забытого» края. Практически все произведения с одной стороны, основаны на материале, полученном Наумовым в ходе государственной службы в Сибири в 1864–1868 гг., а с другой — освещают актуальные на тот момент проблемы, поднимаемые сибирскими областниками.

Так, сборник открывается рассказом «Поскотник», поднимающим, пожалуй, одну из самых трагичных и животрепещущих тем, связанных с Сибирью, — тему ссылки и каторги. Пагубное влияние ссылки на развитие Сибири описал в это время Н. М. Ядринцев в упомянутом ранее труде «Сибирь как колония» [14. С. 164–222]. В отличие от Ядринцева, который в первую очередь заострял внимание на социально-экономических аспектах сибирской ссылки, Наумов сосредоточился на ее нравственной, этической оценке. В образе ссыльного каторжанина Лариона Маркыча, зарабатывающего на жизнь сезонным трудом поскотника, он иллюстрирует то, как каторга, вместо исправления, ломает жизни преступников (либо невинно осужденных), меняя их внешне и внутренне. Прожив пятьдесят лет, Ларион выглядит глубоким стариком, тело его покрыто следами от плетей, а живет он в темной, убогой землянке, утратив всякую связь с родственниками из европейской части России. Впрочем, как Ларион, так и герой-повествователь рассказывают о куда более трагичных судьбах каторжан, не переживших назначенного им наказания. Достоверности данным историям, как очередное проявление документализма в творчестве Наумова, передают сноски с примечаниями автора, указывающими на истинность упоминаемых событий.

Тему ссыльных поселенцев продолжает рассказ «Святое озеро», где перед читателем предстает, можно сказать, антипод упомянутого Лариона. Волостной писарь Петр Никитич Волдырев был сослан в Сибирь за растрату денежной корреспонденции и подделку фальшивых документов. Несмотря на это, ему удалось втереться в доверие местных крестьян и обманом присвоить себе Святое озеро — единственный источник их пропитания, обеспечивающий относительно безбедное существование. Так, для некоторых ссыльных «забытый край», которым изображается Сибирь в произведениях Наумова, дает возможность продолжать беспрепятственно совершать те преступления, за которые в более «цивилизованной» части России их настигло наказание.

Завершает тему ссыльных, как и сам сборник, рассказ «Фургонщик». На этот раз центральным героем выступает бродячий торговец Игнат Луковкин, сосланный в Сибирь за поджог. Занявшись торговлей, он смог нажить себе капитал, а в финале повествования он уже состоявшийся купец, вновь обретший личное счастье, утраченное на родине вследствие совершенного преступления. Таким образом, для некоторых ссыльных Сибирь — это «забытый край», позволяющий начать новую («законную») жизнь, т. е. место обновления, перерождения.

Еще одна важная тема, поднимаемая в сборнике, — инородческий вопрос. Данному вопросу отводилось важное место в областническом движении. Так, обобщая предшествующие исследования (Шашкова, Шапова, Радлова и др.) и собственные наблюдения, Н. М. Ядринцев констатировал, что социально-экономическое положение инородцев после колонизации Сибири русскими существенно ухудшилось ввиду сокращения

доступной им земли, отмирания промыслов и безудержной эксплуатации со стороны русских крестьян и купцов [14. С. 86–106].

Соответственно, в настоящем сборнике Наумов осмысляет инородческий вопрос на собственном служебном материале в очерке «Горная идиллия». Действие очерка происходит в предгорьях Алтая, месте проживания коренных племен — теленгутов и черневых татар. Описывая картины производства со стороны купцов и зажиточных крестьян, он размышляет о возможности органичного культурного сосуществования русских и инородцев как необходимого условия для сохранения природного и культурного наследия Сибири: «Только честные и разумные отношения к инородцам администрации, внимание к их нуждам, беспристрастное ограждение их интересов от развращающих влияний эксплуататоров, а главное — развитие среди них грамотности и доступ в Алтай свободной крестьянской колонизации, трудолюбивая жизнь которой будет служить для них благотворным примером, как это мы видим на оседлых инородцах, живущих в среде крестьян, могут улучшить их быт и положение» [6. С. 114–115.].

Объясняя появляющееся социальное расслоение внутри инородцев сугубо развращающим влиянием пришлых купцов и зажиточных крестьян, Наумов в данном очерке следует идеалистическим народническим представлениям, т. е. утопическому социализму. В то же время герой-повествователь уделяет большое внимание приданию достоверности изображаемых явлений. Помимо уже знакомого по другим произведениям использования точных цифр и иных документальных подробностей социально-экономического положения коренных народов Алтая, он также обращается к исследованиям упомянутых Ядринцева и Радлова, чье слово, судя по всему, имеет вес как для Наумова, так и для читателя.

При этом государственная служба является не только тематическим материалом для рассматриваемых рассказов и очерков, но и становится в данный период творчества Наумова структурообразующей категорией, влияющей на их эстетику и поэтику. Именно государственная служба является центральным лейтмотивом, пронизывающим практически все рассказы и очерки сборника «В забытом краю». Прежде всего, это выражается в эволюции героя-повествователя, который в то же время является героем-чиновником. Если в рассказах сборника «В тихом омуте» герой-чиновник был эпизодически появлявшимся персонажем, роль которого сводилась к инициированию разговора с центральным героем, то в «В забытом краю» заметно увеличивается роль героя-чиновника в развитии сюжета, к тому же он появляется уже в большинстве произведений сборника.

Прежде всего, герой-чиновник, как и ранее, задает экспозицию произведения, приезжая в тот или иной населенный пункт по служебным делам и взаимодействуя с участниками событий. Однако теперь его роль этим не ограничивается: в рассказах и очерках рассматриваемого сборника герой-чиновник нередко становится непосредственным участником событий и двигателем сюжета.

Так, в рассказе «Поскотник» двух героев вместе сводит случай, а именно сильная гроза. «Случай» уже сводил героя-повествователя с Еремеем Осокиным в рассказе «Кающийся» (сборник «В тихом омуте»), так что, казалось бы, в этом нет ничего особенного. Тем не менее в «Поскотнике» мы обнаруживаем одно важное отличие. В рассказе «Кающийся» не прослеживается влияние самой встречи на судьбы героев, т. е. все значимые события произошли в прошлом, до момента этой встречи, и передаются через акт повествования. В «Поскотнике» же встреча героя-чиновника и бывшего каторжника Лариона, вне всякого сомнения, влияет на их мировоззрение (степень этого влияния — вопрос другой). В отношении героя-чиновника это заявлено уже в самом начале рассказа: «В жизни нередко случаются такие встречи, которые, несмотря на всю мимолетность, производят до того глубокое впечатление, что спустя десятки лет сохраняются в памяти с поразительной яркостью и полнотой в самых мельчайших подробностях, как будто бы еще недавно, не далее как вчера, ты видел эти лица и беседовал с ними. Такое впечатление оставила по себе и встреча моя со стариком Ларионом...» [6. С. 2].

Что касается самого Лариона, то, на первый взгляд, мало что способно повлиять на старика, пережившего каторгу и уже доживающего свой век. Тем не менее в финале рассказа он, впечатленный состоявшейся беседой и доброжелательным отношением к себе со стороны героя-рассказчика, приносит ему в дар самодельные тавлинки: «— Прими... сердечный ты человек... прими... Дарю-то я их за привет... за привет твой, за доброе твоё слово, что не погнушался вот ты варнаком, не презрил его. — Старик заплакал. Я растерялся и, положительно, не нашелся, что сказать в ответ ему. — Э... эх... батюшка! — снова начал он... — Для меня ласка-то, доброе-то слово — дороже горы золота. Мне вот в радость, что ты, вот, поговорил-то со мной, как с путным... по-Божьи... не погнушался вот клеймом-то... — говорил старик» [6. С. 36].

Подобное участие в судьбе персонажей обнаруживаем и в рассказе «Зажора». Герой-чиновник, отправляясь по очередному поручению, фактически решает дальнейшую судьбу крестьянина Анисима Королькова. Проведя необходимые дознания, он освобождает Зажору из-под ареста, а затем дает ему увольнение от общины, позволяя провести остаток жизни в уединении, не подвергаясь гонениям за вольнодумство.

В очерке «Горная идиллия» показано, что приезд чиновника привлекает всеобщее внимание инородцев. В результате герой-рассказчик оказывается в центре их хозяйственных проблем и непосредственно занимается разрешением имущественных споров.

В рассказе «Ночь на озере» поездка героя-рассказчика позиционируется им как «невинная экскурсия в область крестьянской жизни», не связанная с исполнением служебных обязанностей. В стремлении ближе познакомиться с жизнью крестьян он оказывается в нетипичных для людей своего круга условиях. В ходе совместной рыбалки с крестьянином Ефимом они делят друг с другом быт, и между ними фактически стираются сословные различия: герой-чиновник надевает Ефимовы сапоги и, в свою очередь, угощает того едой, питьем и папиросами. Эффект сближения также усиливается душевными беседами, в ходе которых у героев обнаруживаются схожие ценности и взгляд на жизнь: «Слушаешь, слушаешь да ровно и забудешься, в думу-то войдешь, размыслишь: один ли ты, стало быть, горе-то на белом свете терпишь, а? Ведь эких-то, как я, может, тыщи тысяч; так к чему-ж мол это убиваться-то? И ободришься, верь!.. А ведь уж как в ину пору пристегнет тебя, умерь-бы!.. Ну взял бы и помер!.. Убиваться, милый, это несть паче греха, верно-ль говорю?! — наставительно произнес он. — Верно! — Верно, — повторил он. — Жизнь, милый, переменчива: худо тебе — ну терпи, выбивайся, измышляй пути; а коли убился ты, распустил нюни, ну, пропащий ты человек — ложись и помирай! Верно-ли? — Верно! — Так-то оно, брат, верно, што верней и не скажешь!» [6. С. 254–255].

Единение с народом (в образе крестьянина Ефима) неотделимо от единения с природой, которое также ощущает герой-чиновник, возвращаясь с ночной рыбалки: «Неторопливо идя, я с наслаждением вдыхал в себя свежий, смолистый воздух и, несмотря на бессонную ночь и продолжительный путь, не только не чувствовал упадка сил, но точно крепнул от живительного влияния его» [6. С. 275].

Таким образом, если принимать во внимание автобиографичность героя-рассказчика, то можно сказать, что в рассказах и очерках сборника «В тихом омуте» показано становление героя-чиновника — молодого человека, находящегося под влиянием идей шестидесятничества (о чем читатель узнает, в частности, из рассказа «Зажора»). При этом прослеживается последовательно реализуемая стратегия, основанная на следовании пути «честного» чиновника, что для Наумова заключалось, во-первых, в следовании букве закона (что мы видим на примере «Горной идиллии», когда нормы права нередко идут вразрез с ожиданиями и представлениями инородцев: «— Чем же ты докажешь, что найденный Кимыком мед действительно выношен твоими пчелами? — спросил я. — Чем тут докажешь! — ответил он. Энти дела у нас по совести делаются...» [6. С. 128]), а во-вторых, в защите интересов народа («Зажора»).

Мотив «честной» государственной службы, представляемый героем-чиновником, соседствует с противоположным мотивом, ассоциируемым с целым рядом персонажей. В «Поскотнике» это смотритель на Карийском золотом промысле Федор Семеныч Р—ев, проявлявший чрезмерную жестокость по отношению к каторжникам; в «Зажоре» и «Горной идиллии» — местная власть и приезжие чиновники, живущие в сговоре и заботящиеся только о собственном обогащении. В рассказе «Святое озеро» демонстрируется, как сибирские чиновники, пользуясь удаленностью от центральной власти, скрывают истинное положение дел на местах и даже направляет заведомо ложные сведения, создавая мнимое благополучие: «Да, да — ответил, покраснев, Иван Степанович, который никогда не читал отчетов, доставляемых волостными правлениями, хотя и скреплял их подписью, — да, да, у нас все так, на бумаге все есть, все процветает: и промышленность, и образование, и благосостояние народа — с какой-то грустью в голосе произнес он» [6. С. 186].

Таким образом, творчество Н. И. Наумова к началу 1880-х гг. под влиянием внешних и внутренних факторов, таких как кризис и раскол народничества, активизация движения сибирского областничества (после их возвращения из ссылки, а также в связи с 300-летием присоединения Сибири к России), а также занятие Наумовым прочных позиций в литературном поле и внутренний поиск новых повествовательных форм и средств, приобретает новые формальные и содержательные черты. Во-первых, они несколько (хотя и не вполне) уходят от социальной остроты, шаблонности и незавершенности образов и повторяемости сюжетов, что, в частности, было весьма характерно для первого сборника «Сила соломѹ ломит» [см. 12].

Произведения начала 1880-х гг. носят ярко выраженный этнографический, очерковый характер, а также сконцентрированы вокруг ключевых проблем Сибири, поднимаемых в трудах областников. Снижая социальную остроту своих произведений, Наумов видит возможность решения обозначенных проблем административным способом, и выводит на передний план мотив государственной службы, представленный, с одной стороны, «честным» героем-чиновником, воплощающим идею служения народу, а с другой — прочими персонажами-чиновниками, служащими самим себе.

Так, несмотря на довольно продолжительный отход Наумова от государственной службы, именно она в рассматриваемый период становится структурообразующей категорией его творчества, что наиболее явно выражено в сборнике рассказов «В забытом краю».

Список литературы

1. Беспалова Л.Г. Крестьянство Тобольской губернии в XIX веке (по произведениям Н.И. Наумова) // Ежегодник Тюмен. обл. краевед. музея, 1961. Вып. 2. С. 73–84.
2. Беспалова Л.Г. Рабочие Сибири в творчестве Н. И. Наумова // Сибирь в художественной литературе. Тюмень, 1961. С. 3–30.
3. Доманский В.А. Чиновничьи ступени сибирского писателя Н. И. Наумова // Чины и музы : сборник статей / Отв. ред. С. Н. Гуськов, ред. Н. В. Калинина. СПб. ; Тверь : Издательство Марины Батасовой, 2017. С. 522–538.
4. Кожевников С.Е. Литературное наследство Наумова // Собрание сочинений. 1939. Т. 1. С. 3–31.
5. Кожевников С.Е. Николай Иванович Наумов: очерк о жизни и творчестве. Новосибирск: Обл. изд-во, 1952. 95 с.
6. Наумов Н.И. В забытом краю : рассказы из быта сибирских крестьян. СПб. : Изд. Попова и Тыртова, 1882. 314 с.
7. Наумов Н.И. Речь по случаю 300-летия присоединения Сибири к России, 26 октября 1881 г. // ОРКП НБ ТГУ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 42. 1 л.
8. Новикова Е.Г. Томск в жизни Н. И. Наумова: эскизы без теней // Русские писатели в Томске. Томск : Водолей, 1996. С. 128–146.
9. От редакции // Восточное обозрение. СПб., 1882. 1 апр. (№ 1). С. 1.

10. Плеханов Г.В. Н. И. Наумов // Литература и эстетика. М. : Гослитиздат, 1958. Т. 2. С. 319–340.
11. Попов И.Г. Два очерка Н. И. Наумова о народах Алтая // Тр. ист.-филол. фак-та Якутского ун-та. 1966. Вып. 1. С. 150–157.
12. Пржигоцкий В.А. Очерки и рассказы сборника Н. И. Наумова «Сила соломѹ ломит» в контексте идей чайковцев // Текст. Книга. Книгоиздание. 2020. № 23. С. 22-42.
13. Скабичевский А.М. История новейшей русской литературы: 1848–1890. М. : Книга по требованию, 2015. С. 252–272.
14. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония : к юбилею трехсотлетия : современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1882. XI, 471 с.

10.01.01

О.В. Родикова

Российский университет транспорта (МИИТ),
Центр изучения русского языка как иностранного (ЦИРКИ),
Москва, ov.rodikowa@yandex.ru

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР В ИНТЕРПРЕТАЦИИ К.К. ПАВЛОВОЙ

В статье осуществлен анализ немецкоязычных переводов К.К. Павловой песен русского фольклора. Автор приходит к выводу, что переводческое осмысление русских лирических песен передает особенности быта народа. При этом поэтом-билингвом лишь отчасти сохранена метафоричность языка оригинальных текстов.

Ключевые слова: песни, межкультурная коммуникация, русский фольклор, переводческое осмысление, топонимы, образ, постоянные эпитеты, сюжет, национальные особенности.

В 1830-е гг. К.К. Павлова-переводчица обратилась к устному народному творчеству, воспринимавшемуся в качестве формы выражения самосознания, мировоззрения людей и проявления их поэтического таланта. Фольклор помогал развитию национального начала в литературе, что проявлялось в использовании в художественных произведениях народных сюжетов, образов, поэтической стилистики. Павловой были переведены на немецкий язык и включены в сборник «Das Nordlicht...» русские песни «Из-за лесу, лесу темного...» («Aus dem Wald hervor, aus dem dunkeln Wald...»), «Ты душа моя...» («Du mein Liebchen süß...»), «Уж как пал туман на сине море...» («Wenn der Nebel sank auf das blaue Meer...»).

Интерпретируя семейно-бытовую песню «Из-за лесу, лесу темного...», Павлова дополнила ее одиннадцатью стихами про молодого всадника, предостерегавшего своего коня, желавшего испить воды из реки, где умывалась дева: «Und im Gehen spricht er zum Roße so: / <...> / Ich vergaß es dir zu empfehlen noch» [3, s. 121] [И на ходу говорит он коню так: / <...> / Я забыл еще дать совет тебе]. У Павловой возникал образ скачущего на коне «из темного леса» доброго молодца, тогда как в фольклорном тексте описано, как из «белого березничка» и «частого осинничка» выходила молодая дева, чтобы умыться поутру в реке. Вместе с тем отметим сохранение Павловой топонима Дунай, обозначающего в славянской традиции мифологизированное водное пространство, границу между земным и загробным миром: «Выходила красна девица, / На Дунай реку умыватися» [5, с. 169] – «Geh du nicht, mein Roß, hin zum Donaustrom, / Trink das Wasser nicht aus dem Donaustrom; / An der Donau Strand wusch ein Mädchen sich» [3, s. 121] [Не ходи, мой конь, на многоводную реку Дунай, / Не пей воды из реки Дунай; – / На берегу Дуная умывается девушка]. Образы парня-всадника и девы, купавшейся в реке, сближают интерпретацию Павловой с польскими и украинскими песнями, в которых Дунай оказывается местом встречи хлопцев, приведших на водопой своих коней, с дивчинами, стиравшими на белом камне. То опасение, с которым герой павловской интерпретации относится к девушке, плещущейся в быстрых водах реки, свидетельствует, вероятно, о его нежелании жениться, поскольку Дунай традиционно является не только рубежом в обрядах жизненного цикла, но и символом брака.

Если в фольклорном тексте замужняя дева сначала умывается в реке Дунае, а позже со слезами на глазах стирает одежду мужа, выпачканную кровью ее брата, то у Павловой все ограничивается омовением девушки, которая хмурится и краснеет от холодной речной воды, ср.: «Убралася млада на Дунай пошла, / На Дунай пошла платье мыть, / <...> / Осталася рубашечка брата милова, / <...> / Скорые ноги подломилися, / Былые руки опустилися, / Ясны очи помутилися» [5, с. 170] – «An der Donau Strand wusch ein Mädchen sich – / Und es röthete und es trübete / Sich vom frischen Blute der Donaustrom» [3, s. 122] [На берегу Дуная умывалась девушка – / И краснела она, и хмурилась / от свежей крови реки Дуная]. Используя существительное «das Blut» («кровь»), Павлова олицетворила образ реки, поддерживавшей жизнь, сберегавшей ее в себе.

Переводчица ввела образ золотого кольца, символизирующего целостность, связь и союз, а также вечность и любовь, указав тем самым, на власть мужа-разбойника над молодой женой и на их семейное единство, некогда созданное на долгие годы: «Und der gold'ne Ring des Getreuen Ring!» [3, s. 122] [А золотое кольцо – верного друга кольцо!]. Образ кольца-перстня как знака супружеской верности использован и в интерпретированной Павловой любовной песне «Ты душа моя...»: «“Так отдай, злодей! / Перстень золот мой» [1, с. 172] – «“Gieb zurücke denn / “Meinen gold'nen Ring» [3, s. 120] [«Отдай назад тогда / Мое золотое кольцо]. В подлиннике не случайно появляется именно мотив перстня, обозначающего репутацию и власть, – герои не связаны узами брака, подтверждением которого служат золотые кольца; они объединены лишь временным порывом чувств, несмотря на затаенное желание «красной девицы», мечтающей о долгих отношениях. В переводе Павловой, напротив, девушка просит сердечного друга вернуть ее золотое кольцо, что приводит к иному пониманию оригинального текста.

Обратившись к русской народной песне «Ты душа моя...» переводчица не сохранила характерную инверсию – традиционный элемент песенного стиля: «Воска ярова, / <...> / До дня ясного. / <...> / Сердце ретиво» [1, с. 171 – 172] – «Helle Kerzen an, / <...> / Bis zum Tagesschein. / <...> / In mein treues Herz!» [3, s. 120] [Светлые свечи, / <...> / До дневного света. / <...> / В мое верное сердце!]. Не совсем точно ею передано и гиперболическое описание душевных страданий «полюбовницы», связанных с внезапным расставанием с любимым, ср.: «Разрыдалася / Красна девица, / Затомилася / В горячих слезах» [1, с. 172] – «Laut aufschluchzete, / Ihrem Aug' entfloß / Bitt'rer Thränenstrom» [3, s. 120] [Громко зарыдала, / Из ее глаз текли / Горьких слез поток]. Вместе с тем переводчицей отражена параллель между чувственными отношениями человека и силой тепла, распространяемого солнцем, ср.: «Солнцу Ах! не греть / Жарче летнего; / Другу не любить / Лучше прежнего!» [1, с. 172 – 173] – «“Wärmer scheinen wird / Nicht die Sonne mehr, / <...> / Weh! es wird der Freund / Heißer lieben nicht, / Als er sonst geliebt!» [3, s. 121] [Теплее казаться не будет / Солнце больше, / <...> / Уходи! Друг / Жарче любить не будет, / Чем он прежде любил!]. Ею также введен глагол повелительного наклонения «weh» («уходи»), с одной стороны, указывающий на неприемлемость чувства из жалости, а с другой – обуславливающий смысловую законченность песни. Для фольклорного произведения, напротив, характерна недосказанность, подчеркивающая отсутствие четкого решения, волеизъявления «красной девицы» и допускающая вариативность дальнейших событий.

У Павловой молодой человек желает привести в свой дом женщину с хозяйственными навыками, способную разделить с ним каждодневные заботы, что не соответствует содержанию фольклорного текста, где подчеркнуто желание героя жениться, начать новый жизненный этап, оставив в прошлом отношения, навлекавшие бесчестье и позор на него и на его семью, ср.: «Ах! задумал вить / Я жениться» [1, с. 171] – «Nehmen will ich nun / Eine Hausfrau mir» [3, s. 120] [Взять хочу я теперь / Хозяйку дома себе]. Фольклорный герой накануне свадьбы приходит к прежней «полюбовнице», чтобы поклониться за пережитые с нею минуты счастья («И зашел к тебе, / На прощание, / За любовь твою / Поклониться») [1, с. 171]; у Павловой герой желает «отблагодарить», вознаградить каким-либо подарком или деньгами деву за искренность чувств: «Und zum Abschiedsgruß / Komm ich heute her, / Und zu danken dir / Für die Liebe dein» [3, s. 120] [И на прощание / Пришел я сегодня, / Чтобы отблагодарить тебя / За любовь твою].

Тема женитьбы присутствует и в переведенной Павловой на немецкий язык народной песне «Уж как пал туман на сине море...», впервые прозвучавшей в войсках Петра I во время Персидского похода (1722 – 1723) и долгое время приписывавшейся П.С.Львову [см.: 2, с. 59 – 61]: «Ты скажи моей молодой жене, / Что женился я на другой жене» [4, с. 179] – «Geh` und sage an meiner Wittwe jung, / Daß ich funden hab` eine andere Braut» [3, s. 119] [Иди и скажи моей вдове юной, / Что я нашел другую невесту]. В интерпретации этой песни Павловой не сохранены поэтизмы «злодейка-тоска», «род-племя», «сударь-батюшка», традиционный для фольклора образ «матери сырой земли», ср.: «А злодейка-тоска в ретиво

сердце; / <...> / И он бьет свои копытом в мать сыру землю, / <...> / К отцу, к матери родимой, роду-племени» [4, с. 179] – «Und der arge Gram in das starke Herz, / <...> / Und die Erde schlägt es mit starkem Huf; / <...> / Zum Vater, zur Mutter, zum theuren Stamm» [3, s. 119] [И дурная тоска в сильное сердце, / <...> / И землю бьет он сильным копытом; / <...> / К отцу, к матери, к дорогой семье]. Также утраченным оказывается народно-поэтический эпитет «белы руки», ср.: «Опускались у молодца белы руки» [4, с. 179] – «Es sanken die Arme hernieder ihm» [3, 1 s. 119] [Опускались руки вниз от него].

Павловой не полностью сохранен синонимический ряд, отражающий значимость коня для героя, воспринимающего его как товарища и делящегося с ним самым сокровенным, ср.: «“Ох ты конь мой, *конь, лошадь верная*, / Ты *товарищ* моей участи, / *Добрый пайщик* службы царския!» [4, с. 179] – «Du mein Roß, mein Roß, mein getreues Roß! / Meines Schicksals guter Gefährte du, / Meines Fürstendienst's wack'rer Theilhaber du!» [3, s. 119] [Ты, мой конь, мой конь, мой верный конь! / Моей судьбы добрая повозка ты, / Моей службы государю славный участник ты!]. При этом другая психологически значимая деталь описания – параллель между морским туманом и сердечной тоской – вполне точно сохранена в немецком переводе. Наряду с сохранением психологического параллелизма отметим внимательное отношение Павловой к постоянным эпитетам (*добрый молодец, сабля острая, горькие слезы, добрый конь*), а также к лексемам с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Вместе с тем переводчицей опущены синтаксические инверсии подлинника, характерная возвратность глаголов (*умылася, набелилася, нарумянилася, призадумалась, досталось, убралась, подломилися, опустилился, помутилился, расплакалася*). Несмотря на точность воссоздания зачина, Павлова не смогла сохранить формулы обращения, характерные для русского фольклора, заменив их на более традиционные для немецкого читателя, например, вместо «красна девица», «душа моя», «мой свет» употреблены словосочетания «mein Liebchen» («моя возлюбленная»), «schönes Mägdelein» («прекрасная девушка»).

Переводы русских лирических песен передали особенности быта народа, воспринимавшего окружающий мир через связь с природой, сопоставления с природными явлениями, а также с предметами быта. Например, в русских песнях проводится параллель между туманом и человеком («Уж как пал туман на сине море...»), горением свечи и любовными отношениями («Ты душа моя...»), срубом дерева в лесу и выбором жениха («Из-за лесу, лесу темного...»). Переводчицей отражены особенности психологической направленности избранных ею песен: русские песни отражают покорность судьбе. Метафоричность языка фольклорных песен лишь отчасти сохранена в интерпретациях Павловой, что несколько обеднило выразительность и своеобычность народных произведений.

Список литературы

1. Новейший избранный песенник, или Собрание лучших, отборных и всех, доселе известных, употребительных и новейших всякого рода песен, служащих к невинному увеселению и препровождению времени: В 2 ч. – М.: Универ. тип., 1821. – Ч.1. – 194 с.
2. Новикова А.М. Русская поэзия XVIII – первой половины XIX в. и народная песня: Учеб. пособие по спецкурсу для студентов пед. ин-тов. – М.: Просвещение, 1982. – 192 с.
3. Pavlova K. Das deutsche Werk: In 3 Bd. / Hrsg. von Frank Göpfert. – Rosenweg: Göpfert, 1994. – Bd. 1. – 218 s.
4. Песни русских поэтов: В 2 т. – Л.: Сов. писатель, 1988. – Т. 1. – 664 с.
5. Чулков М.Д. Новое и полное собрание российских песен; Содержащее в себе песни любовные, пастушеские, шутливые, простонародные, хоральные, свадебные, святочные, с присовокуплением песен из разных российских опер и комедий: В 5 ч. – М.: Универ. тип. Н.Новикова, 1780. – Ч. 3. – 202 с.

10.01.10 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА*10.01.10*

**М.В. Елкина канд. филол. наук, А.Д. Паутов канд. ист. наук,
Л.Г. Пушкарева канд. филол. наук**

Сибирский государственный университет физической культуры и спорта,
факультет физической культуры,
кафедра общественных и гуманитарных дисциплин,
Омск, elkinamari@mail.ru, alexiy9000@rambler.ru, lgpush@mail.ru

**СПЕЦИФИКА КОНТЕНТА СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ
О КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ**

В работе представлены результаты анализа контента видео- и наружной социальной рекламы о коронавирусной инфекции и борьбе с Covid-19 в условиях пандемии. Авторами исследования сделан вывод о специфике содержания социальной рекламы и ее эмоциональной окрашенности, особенности рекламных видеороликов для целевой аудитории различных возрастных групп.

Ключевые слова: *социальная реклама, коронавирус, Covid-19, информационное воздействие, вакцинация.*

Современное общество характеризуется как «информационное», о чем свидетельствует существенное влияние информационных потоков на функционирование различных механизмов социума. Решение тех или иных проблем должно основываться не только на законодательной составляющей, но и грамотной информационной политике, основанной на разъяснении сути проблемы и возможных вариантах ее решения.

На современном этапе мы находимся в ситуации борьбы с новой коронавирусной инфекцией «Covid-19», получившей статус всемирной пандемии. Явление это уникальное, по крайней мере, с точки зрения масштаба распространения. Естественно, что данная ситуация приводит к появлению различных точек зрения на определенные аспекты решения проблемы. Отсюда многократно возрастает роль информационной составляющей, где весомым сегментом выступает социальная реклама как явление, призванное обозначить акцент информационного воздействия на проблемах социума и вариантах их решения [3]. Таким образом, в условиях сложившейся мировой ситуации, связанной с распространением коронавирусной инфекции, социальная реклама обладает мощным воздействующим потенциалом и позволяет использовать ее в качестве средства информирования населения о Covid-19.

Цель данной работы – охарактеризовать контент видео- и наружной социальной рекламы о коронавирусной инфекции и борьбе с Covid-19 в условиях пандемии.

В рамках нашего предыдущего исследования [2] мы рассматривали социальную рекламу против распространения Covid-19 в виде видеороликов и баннеров, размещаемых на биллбордах и в сети Интернет с марта 2020 г. Основная направленность рекламы сводилась к призывам соблюдать меры профилактики, держать социальную дистанцию, например: «Я дома! А ты?», «Мойте руки!», «Носите маски», «Оставайтесь дома», «Держите дистанцию!», «Самоизоляция – не просто слово. Она спасёт жизни» и т. п.

Проведенный в декабре 2020 г. опрос ВЦИОМ (в нем приняли участие 1,6 тыс. россиян в возрасте от 18 лет) показал, что вакцинироваться от коронавируса готовы около 38 % россиян (как правило, это люди старшего поколения), не планировали 52 % участника опроса (большинство из них – респонденты 25–34 лет), указывающие в качестве причины отказа недостаточную изученность вакцины [1].

В этой связи с апреля 2021 г. на российских телеканалах начались трансляции рекламных роликов в поддержку массовой вакцинации как таковой, без указания наименования вакцин. Производством и продвижением роликов занимается АНО «Национальные приоритеты», которое также ведет проект «Стопкоронавирус.рф». Видео в рамках коммуникационной кампании по поддержке массовой вакцинации против коронавируса размещалось на Первом, «России-1», НТВ, ТНТ, СТС, ТВЦ и других каналах, обеспечивая охват аудитории различного возраста. Некоторые медиа транслировали собственные ролики: например, Первый канал снял рекламные видео с телеведущими (В. Пельшем, И. Кирилловым и Л. Якубовичем), актерами (Д. Дюжев и Ч. Хаматовой), врачами (урологом Т. Шатылко, гинекологом Ю. Драпкиной, терапевтом А. Ершовой, кардиологами А. Горшковым и О. Джигоевой) и другими авторитетными персонами.

За период с апреля (старт рекламной кампании) по сентябрь 2021 г. нами было изучено 20 видеороликов, транслируемых на федеральных телеканалах. В ходе мониторинга мы пришли к выводу, что в каждом ролике звучат прямые призывы, направленные на популяризацию вакцинирования против Covid-19: «Пожалуйста, сделайте прививку» (журналист В. Кораблёва), «Прививайтесь и не бойтесь» (врач-уролог Т. Шатылко), «Не платите жизнью за экскурсию по больнице. Вакцинируйтесь!» (главврач московской ГКБ № 15 В. Вечорко) или «Обязательно вакцинируйтесь» (актриса и основатель фонда «Подари жизнь» Ч. Хаматова) и т. п. Сравнительно недавно появилась социальная реклама с участием врачей-терапевтов о значимости углубленной диспансеризации после перенесенного коронавируса.

Особо отметим, что видеореклама для молодежной аудитории носит юмористический характер (например, возможность принимать дома гостей и не соблюдать социальную дистанцию позиционируется как «побочный эффект» вакцинации). Для старшего поколения ролики напоминают «лирические видео» (монологи пожилых людей о значимости вакцинации или агитационные ролики с участием врачей, в которых разъясняется значимость вакцинации, описывается сложность течения перенесенной болезни, рассказывается о личном опыте вакцинации, принимается решение вакцинироваться). Вместе с тем рекламные видеоролики направлены на две целевые группы: людей, опасющихся прививаться, потому что у них есть хронические заболевания, и граждан, не принявших решение вакцинироваться.

Также мы проанализировали 11 образцов наружной социальной рекламы, представленной в тот же период (апрель – сентябрь 2021 г.) в городах России и в сети Интернет. В отличие от результатов предыдущего исследования [2] можно говорить об изменении характера социальной рекламы. Во-первых, наружная реклама стала носить более агрессивный характер. Мы видим такие призывы, как «Сколько должно умереть, чтобы ты привился? Вакцинируйся», «Вакцинация спасает жизни. Не беречь себя и близких – это безумие», «Их больше нет (ниже перечислены имена и возраст людей, умерших от Covid-19). Тебе точно не нужна прививка?». Через жесткое эмоциональное обращение социальная реклама призывает к необходимому поведению общественности – вакцинации.

Во-вторых, биллборды стали содержать информацию о врачах и другом медицинском персонале, который борется с инфекцией. Можно сказать, что социальная реклама стала персонализированной. На баннерах мы видим фото реальных представителей медицинского сообщества. Например, «Это наша работа. Людмила Любимова (медсестра отделения реанимации инфекционной больницы № 1)», «Герои среди нас. Наталья Чугунова (врач-реаниматолог-анестезиолог)», «Соблюдайте дистанцию. 2 метра спасают жизнь. Антон Кузьмин (врач-реаниматолог)». Использование портретов реальных людей, как и устрашение, является мощным средством воздействия на сознание аудитории. Лозунги, сопровождающиеся фотографиями представителей профессии, носят доверительный характер, отлично запоминаются, благодаря тому, что изображают «простых» людей, среди которых может оказаться твой знакомый или ты сам. Ежедневный труд медицинских работников оценивается как героический, причем героизм позиционируется как

ответственное отношение к своим обязанностям. В интересах государства повысить престиж профессии врача, медицинской сестры, санитаря, что и делается с помощью подобной социальной рекламы.

В-третьих, содержание баннеров продолжает акцентировать внимание на мерах профилактики распространения коронавирусной инфекции («Избегай контактов, соблюдай дистанцию 2 метра», «Тщательное мытьё рук – твоя защита», «Мы работаем для вас, оставайтесь дома ради нас: мойте руки, держите дистанцию, оставайтесь дома», «Я сделал прививку от Covid-19, советую и вам»). Эта социальная реклама содержит призывы к ответственному поведению (вакцинации, соблюдению дистанции, необязательных выходов из дома, к уважению труда медиков и т. п.).

Таким образом, анализ контента социальной рекламы в период с апреля по сентябрь 2021 г. обнаружил дифференциацию рекламных видеороликов для различных возрастных групп, показал изменение её эмоциональной окрашенности, направленности в сторону призывов к вакцинации, демонстрации героического труда медицинских работников. Социальная реклама, как указывалось [2], по-прежнему информирует население о мерах по профилактике коронавирусной инфекции.

Список литературы

1. ВЦИОМ назвал долю желающих привиться от коронавируса россиян. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/23/12/2020/5fe3129b9a79476addb0c9e5> (дата обращения: 23.10.2021).
2. Елкина М.В., Паутов А.Д. Специфика социальной рекламы в условиях пандемии коронавируса // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – Т. 14. – №4. – 2020. – Омск: ОмГА, 2020. – С. 61-68.
3. Федеральный закон «О рекламе» (с изменениями на 31 июля 2020 года) – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901971356> (дата обращения: 28.11.2021).

10.01.10

¹А.У. Киньябулатов, ²С.Г. Аксенов, ¹С.Ш. Сабирзянов,
¹Р.А. Гайнуллин, ³В.Ф. Усманов, ²В.Д. Чистонов, ¹Э.Г. Усманов,
¹А.С. Султанмуратова, ¹Ф.Б. Рахматова

¹Башкирский государственный медицинский университет,
факультет медико-профилактический с отделением микробиологии,
кафедра общественного здоровья и организации здравоохранения с курсом ИДПО,
Уфа, azatur3@yandex.ru,

²Уфимский государственный авиационный технический университет,
³Бирский филиал Башкирского государственного университета

ВКЛАД ЖУРНАЛИСТА, ЗАСЛУЖЕННОГО РАБОТНИКА ПЕЧАТИ И МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН Р.А. АЮПОВА В РАЗВИТИЕ ПРОПАГАНДЫ СПОРТА И ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ

Инициатор Федерации спортивных журналистов Республики Башкортостан, журналист, краевед, заслуженный работник печати и массовой информации Республики Башкортостан Рашит Асгатович Аюпов с 1972 года работает в газете «Вечерняя Уфа». Член Союза журналистов РФ и РБ Р.А. Аюпов был первым редактором по спорту и физической культуре в Научном издательстве «Башкирская энциклопедия», он автор около 140 статей в Краткой энциклопедии Башкортостана, в течение полвека им написано свыше 1000 статей по развитию спорта, физической культуры, пропаганды здорового образа жизни и оздоровление населения республики.

Ключевые слова: спорт, физическая культура, газета, здоровый образ жизни, энциклопедия.

В 1996 году вышла первая краткая энциклопедия среди республик, областей и краев Российской Федерации «Краткая энциклопедия Башкортостана», в которой было представлено около 140 статей спортивного журналиста, сотрудника газеты «Вечерняя Уфа» Рашита Асгатовича Аюпова. Он родился в 1949 году, после службы в Советской Армии, практически сразу же начал свою работу журналистом в газете «Вечерняя Уфа» с 1972 года. В 2022 году он отмечает свой полувековой юбилей работы в одной из самой известной газете республики и города Уфа. 50 лет назад газета была единственным вечерним изданием в республике. Во всем Советском Союзе, по состоянию на 1 января 1970-го, выходила всего 31 вечерняя газета, в РСФСР – только 10 (в Москве, Ленинграде, Горьком, Куйбышеве, Новосибирске, Перми, Свердловске, Ростове-на-Дону, Челябинске и Уфе). Решение об учреждении газеты «Вечерняя Уфа» было принято 8 октября 1968 года в Москве Секретариатом Центрального комитета КПСС. Первым редактором «Вечерней Уфы» стал Явдат Хусаинов, работавший в то время собственным корреспондентом «Комсомольской правды» по Башкирской АССР и Оренбургской области, его заместителем – заведующий отделом пропаганды редакции республиканской газеты «Советская Башкирия» Иван Кожевников. 1 января 1969 года вышел первый номер газеты «Вечерняя Уфа». Издание стало четвертой по значимости общественно-политической газетой в регионе, появившись на свет после таких ежедневных утренних изданий, как «Совет Башкортостана» (ныне – «Башкортостан»), «Советская Башкирия» («Республика Башкортостан») и «Кызыл Тан», издававшихся соответственно на башкирском, русском и татарском языках. «Вечерка» стала продолжателем традиций отечественной и республиканской журналистики и полноправным летописцем истории общественно-политической и культурной жизни Республики Башкортостан и ее столицы.

Рашид Асгатович Аюпов написал более 20 книг, большинство из них посвящены истории становлению, состоянию и развития спорта, физической культуры и пропаганде здорового образа жизни. Он автор таких книг «Олимпийской движение в Башкортостане» (1994 г.), «От сабантуя до Олимпийских игр» (1995 г.), «Физическая культура и спорт в Башкортостане в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» (1995 г.), «Спорт и туризм в Башкортостане за 7 лет государственного суверенитета» (1990—1997 гг.), «Документы, события, факты» (1997 г.), «История физической культуры, спорта и туризма Башкортостана. Программа лекций и планы семинарских занятий» (1998 г.), «Государственные, ведомственные награды, спортивные и почётные звания спортсменов, тренеров и спортивных работников Башкортостана» (1998 г.), «Динамоцы Башкортостана» (1998 г.), «Спортивный Башкортостан на рубеже веков: О развитии физ. культуры, спорта и туризма в Республике Башкортостан за десять лет гос. суверенитета (1990-2000)» (2000 г.) и др. [1, 2, 3]. Жители города Уфы на протяжении десятков лет выстаивались в очереди в киоски «Уфа-печати», чтобы приобрести свежий выпуск "Вечерней Уфы", из которой узнавали актуальные и передовые новости любимого города, в том числе спортивных новостей и работу центров оздоровления.

Книги и справочники Р.А. Аюпова использованы в докторских диссертационных работах Г.И. Мокеева (1998 г.), В.Г. Лагойда (1999 г.), С.В. Павлова (2005 г.), а также кандидатских диссертациях М.Г. Абдуллина (1990 г.), З.З. Мурзаханова (1992 г.), Т.П. Котова (1997 г.) и др. С начала 90-х годов в республике возрастает интерес к проблемам культуры. Постановлением Совета Министров Республики Башкортостан № 298 от 12 июля 1993 года была утверждена Государственная целевая научно-исследовательская программа "Культура Башкортостана: комплексные исследования". Принятие данной программы и организация Отдела истории культуры и педагогики при ИИЯЛ УНЦ РАН способствовали расширению исследований проблем культурного строительства в республике, в том числе вопросов физической культуры. Здесь замечен вклад Р.А. Аюпова и Т.П.Котовой (диссертанта). Только за 1994—1995 гг. Р.А. Аюповым были опубликованы три работы.

Неугомонность и широта его интересов позволили Р.А. Аюпову стать автором таких альбомов и сборников, как «История сберегательного дела в Башкортостане», «Мчится тройка почтовая...» (Он удостоен звания «Мастер почтовой связи Башкортостана»), «История финансовых органов Башкортостана» и др. Рашид Асгатович Аюпов — инициатор создания Федерации спортивных журналистов РБ, которая объединила единомышленников журналистики для защиты, помощи и содействия в их работе. Основной опорой в работе Р.А. Аюпова стали государственные архивы, архивы федераций, ассоциаций и союзов спортивных и оздоровительных организаций Республики Башкортостан, он исключительно опирается на факты, события и документы. Первоисточники и документы как «хребет» статьи стали «фирменным» почерком спортивного журналиста Р.А. Аюпова, он разработчик словника для «Спортивной энциклопедии Башкортостана», которая не была издана по финансовым проблем, но предложенная схема была частично использована в многотомной Башкирской энциклопедии [4].

Главный редактор газеты «Вечерняя Уфа», заслуженный журналист Российской Федерации В.Н. Голов говорит о журналисте Р.А. Аюпове: «...Он признает информацию только из первоисточников. Вот почему его публикации об истории дореволюционной и послереволюционной Уфы столь интересны и сочны. Знаю, что краеведы ужасно ревностно относятся к своему званию. Но смею утверждать, что Рашид Аюпов - краевед, и краевед профессиональный. Сегодня обладатель «Золотого пера», лучший журналист «Вечерней Уфы» по итогам года он неоднократно признавался лучшим в республике».

Выводы:

1) Журналист, заслуженный работник печати и массовой информации Республики Башкортостан Р.А. Аюпов внёс значительный вклад в развитие пропаганды спорта и здорового образа жизни.

2) Р.А. Аюпов автор свыше 1000 статей, посвященных становлению, состоянию и развитию спорта, физической культуры, пропаганде здорового образа жизни и оздоровления населения Республики Башкортостан.

3) Журналист Р.А. Аюпов стал одним из основоположников региональной энциклопедистики в области физической культуры, спорта и пропаганды здорового образа жизни в Республике Башкортостан.

Список литературы

1. Аюпов Рашит Асгатович. От сабантуя до Олимпийских игр: (О развитии в Башкортостане нац. видов спорта и конноспорт. игр). - Уфа: Слово, 1995. - 47 с.
2. Аюпов Рашит Асгатович. Спорт и туризм в Башкортостане за семь лет государственного суверенитета (1990-1997 гг.): Документы, события, факты - Уфа : Госкомспорттуризм Башкортостана : ИИЯЛ, 1997. - 63 с.
3. Аюпов Рашит Асгатович. Спортивный Башкортостан на рубеже веков: О развитии физ. культуры, спорта и туризма в Республике Башкортостан за десять лет гос. суверенитета (1990-2000). - Уфа: Лето, 2000. - 159 с.
4. Киньябулатов А.У., Аксенов С.Г., Сахаутдинова Г.М., Хафизова Л.Ш., Суфияров Р.С., Усманов В.Ф., Сулейманов У.Ф., Якуп Э.Ф., Чистонов В.Д. Принципы написания статей по здоровому образу жизни, физической культуре и спорту в Башкирской энциклопедии. Казанская наука. 2018, №11. – С.36-38.

10.01.10

¹А.У. Киньябулатов, ²С.Г. Аксенов, ¹С.Ш. Сабирзянов,
²В.Д. Чистонов, ³В.Ф. Усманов, ¹А.С. Султанмуратова, ¹Р.А. Гайнуллин,
¹Э.Г. Усманов, ¹Ф.Б. Рахматова

¹Башкирский государственный медицинский университет,
факультет медико-профилактический с отделением микробиологии,
кафедра общественного здоровья и организации здравоохранения с курсом ИДПО,
Уфа, azatur3@yandex.ru,

²Уфимский государственный авиационный технический университет,

³Бирский филиал Башкирского государственного университета

ЗНАЧЕНИЕ СПОРТИВНЫХ ГАЗЕТ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ, СПОРТА И МЕДИЦИНЫ БАШКОРТОСТАНА НА РУБЕЖЕ XX—XXI ВЕКОВ

После принятия 11 октября 1990 года Декларации о государственном суверенитете в Республике Башкортостан отмечался значительный подъём спортивной журналистики на рубеже XX—XXI веков, который был замечен в увеличении количества спортивных газет и журналов, как республиканского, так и районного значения. Особое внимание Союза журналистов Республики Башкортостан было уделено телевидению и радиовещанию, на которых регулярно проводились теле- и радиопередачи различного формата.

Ключевые слова: физическая культура, спорт, газеты, журналы, здравоохранение, общественное здоровье, здоровый образ жизни.

Башкирская Автономная Советская Социалистическая Республика после принятия 11 октября 1990 года Декларации о государственном суверенитете была преобразована в Башкирскую Советскую Социалистическую Республику — Башкортостан, которая 25 февраля 1992 года стала Республикой Башкортостан. Государственная самостоятельность республики отразилась и на средствах массовой информации. Начиная с 1990-х годов была проведена большая работа среди массовой информации по пропаганде физической культуры и спорта, туризма, здорового образа жизни, олимпийских идеалов, семейных и национальных традиций укрепления здоровья и психического состояния. Значительно увеличилось количество статей и рассказов о здоровом стиле и образе жизни, пользы занятий физической культурой и спортом. Появились постоянные рубрики в газетах и журналах по физической культуре, спорту, туризму и мероприятиям по оздоровлению организма. Наиболее популярны были игровые виды спорта хоккей, волейбол, баскетбол, футбол, гандбол и др. Увеличилось время трансляции игр уфимских команд по этим видам спорта по радио и телевидению, кроме этого увеличился и объём передач, помимо комментирования игр, слово представлялось тренерам, игрокам, ветеранам, медицинским работникам, которые отвечали на многочисленные вопросы зрителей и болельщиков любимых команд. К 2000 году значительно увеличилось количество средств массовой информации, а также увеличилось и количество газет на языках народов, проживающих на территории Республики Башкортостан, например, такие газеты: на русском языке (Республика Башкортостан, Вечерняя Уфа, Уфимская Неделя, Уфимские Ведомости, Уфимские Вести, Молодёжная газета и др.), на башкирском языке (Башкортостан, Йэшлек, Йэншишмэ. Киске Өфө), на татарском языке (Кызыл таң, Неделя), на чувашском языке (Урал сасси), на марийском языке (Чолман) и др. Государственный комитет по спорту и туризму Республики Башкортостан ставил одну из основных целей пропаганду здорового образа жизни и достижений в спорте, физической культуре и туризме, особенно среди обучающихся и молодежи, поэтому были установлены тесные связи со всеми средствами массовой информации, на всех уровнях (республиканском, городском и районном), были охвачены

все 54 района и 21 город Республики Башкортостан. Государственный комитет по спорту и туризму Республики Башкортостан выступил учредителем газет «Спортивный Башкортостан» (1994 г.), «Бал чемпионов» (1993 г.), журнала «Спортивный вестник Башкортостана» (1997 г.). Большой вклад в развитие спортивной журналистики внесли известные специалисты-редакторы лауреат Государственной премии имени Шагита Худайбердина Ямил Бурангулов, Рашид Аюпов (Вечерняя Уфа), Николай Ермоленко (пресс-секретарь мотоклуба имени Г. Кадырова), Усман Ямгуров (Спортивная газета), Сергей Тыртышный (Один-ноль, Спорт-эксперт и др.), Юлай Рамазанов (программа «Ватан») и др. Многие из них были сотрудниками (научными редакторами и авторами Научного издательства «Башкирская энциклопедия»), где были отработаны принципы написания и составления статей, согласно энциклопедическим требованиям [2, 3]. Безусловно, изначально, равнение на редакторскую и издательскую работу по пропаганде башкирского спорта внесли такие популярные издания, как «Спорт-экспресс», «Хоккей», «Советский спорт», «Лёгкая атлетика» (все – Москва), «Футбол-хоккей Южного Урала» (Челябинск), на протяжении двадцати лет они были примером журналистской работы. Многие работы республиканских авторов находили место для публикаций материалов в еженедельнике «Олимпийский вестник», издающийся в Москве Олимпийским комитетом России. Проблемы республиканского спорта, детско-юношеских спортивных школ олимпийского резерва, подготовки кадров (тренеров, врачей лечебной физической культуры, массажистов, специалистов по спортивной реабилитации после травм, спортивных психологов и др.) находило отражения в республиканских изданиях. Большой резонанс получила в спортивных организациях республики статья председателя Государственного комитета по спорту и туризму Республики Башкортостан, заслуженного тренера России по тяжелой атлетике, мастера спорта СССР В.Н. Самородова, опубликованная в «Российской газете» в январе 1996 г. [1; с.126]. С развитием спутниковой сети, в том числе интернета, жителям на территории Республики Башкортостан стали доступны более 1000 телевизионных и радиостанций и каналов, и время их работы было неограниченно. В 1992 г. увидел свет пробный номер уфимский спортивной газеты «Атлет» (главный редактор Рустем Тухватуллин). В начале 90-х годов в Нефтекамске издавалась республиканская спортивная газета «Стадион» (редактор — Тиненева), которая закрылась из-за финансовых проблем, изданием подобной газеты стали заниматься уфимские журналисты. Газета «Один-ноль» (1:0) начала издаваться в Уфе в 2001 году (редакторы Дмитрий Слезин, Максим Балобанов), которая стала периодической. В ноябре 1993 г. вышел первый номер «Спортивный мир», который затем был переименован в «Спортивный Башкортостан» (редактор — Ямил Бурангулов), в 1999—2000 гг. издавался «Вестник спортивного ориентирования Башкортостана». Свое издание имеет Федерация «Шотокан» каратэ-до Башкортостана (редактор — А. Галимова). Многие спортивные секции и ассоциации начали издавать вестники, газеты и визитки, посвященные отдельным регулярным соревнованиям, которые имели вид Молодежной газеты. Трудовой коллектив и уфимский Дом физкультуры «Спутник» в 1996 г. стали учредителями иллюстрированного журнала «Спортивная панорама» (редактор — Валерий Харитонцев). С 1994 года Федерация спортивных журналистов Республики Башкортостан и Государственный комитет по спорту и туризму Республики Башкортостан стали проводить республиканский конкурс среди журналистов, освещающих спортивную жизнь республики, отражая достижения на мировой, европейском и российском уровнях. Квинтэссенцией конкурса был ежегодный бал чемпионов республики, где вручались награды в разных номинациях по три степени в каждой. Государственный комитет по спорту и туризму Республики Башкортостан был инициатором проведения пресс-конференций в Уфе, где принимали участие ведущие спортсмены, ветераны спорта, тренеры и руководители спортивных команд и организаций. На данные пресс-конференции приглашали также учёных, специалистов в области спортивной медицины, реабилитации и курортологии, постоянными участниками стали врачи лечебной физической культуры Республиканского врачебно-физкультурного

диспансера (главный врач – А.Р. Черкассов). Именно союз спортивных журналистов, врачей лечебной физической культуры, спортсменов и тренеров, летом 1995 года позволил ввести должность пресс-атташе в уфимском хоккейном клубе «Салават Юлаев». Весной 1997 г. в Центральном олимпийском спортивном клубе Башкортостана открыт пресс-центр. Стали традиционными послематчевые пресс-конференции тренеров команд «Салават Юлаев» (хоккей) и «Нефтяник Башкирии» (мужской волейбол). Многие республиканские федерации, в частности, футбола, велосипедного спорта, волейбола, бокса, кикбоксинга, тесно сотрудничают со спортивными журналистами. На двух каналах Башкирского телевидения выходят передачи на спортивную тему («Спорткурьер»). На первом канале Башкирского радио еженедельно передается в эфир 20-минутный радиожурнал «Стадион», на втором канале любители спорта слушали выпуски новостей «Спорт-экспресс», «Спорт, спорт, спорт» [1, с.126-127].

Выводы:

1) На рубеже XX—XXI веков в Республике Башкортостан отмечалось увеличение количества спортивных газет, особенно по игровым видам спорта (хоккей, мужской волейбол, гандбол, футбол, баскетбол и др.).

2) На рубеже XX—XXI веков в Республике Башкортостан появились отличные спортивные редакторы, имеющие многолетний стаж спортивной и оздоровительной журналистики Рашид Аюпов, Ямилъ Бурангулов, Николай Ермоленко, Юлай Рамазанов, Вячеслав Тангаев, Сергей Тыртышный, Усман Ямгуров и др.

Список литературы

1. *Аюпов Р.А.* Спортивный Башкортостан на рубеже веков. О развитии физической культуры, спорта и туризма в Республике Башкортостан за десять лет государственного суверенитета (1990—2000 гг.) — Уфа: Лето, 2000. — 160 с.: илл.
2. *Махортов Р.И., Киньябулатов А.У., Шарафутдинова Н.Х., Аксенов С.Г., Чистонов В.Д., Кадыров Р.З., Яфаев Р.Р., Мухамбетов И.Р.* Вузовская газета как активная форма воспитательной работы со студентами. *Казанская наука.* 2017, №12. — С.186-187.
3. *Киньябулатов А.У., Аксенов С.Г., Сахаутдинова Г.М., Хафизова Л.Ш., Суфияров Р.С., Усманов В.Ф., Сулейманов У.Ф., Якуп Э.Ф., Чистонов В.Д.* Принципы написания статей по здоровому образу жизни, физической культуре и спорту в Башкирской энциклопедии. *Казанская наука.* 2018, №11. — С.36-38.

10.02.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК

10.02.01

Аль-хадитхи Басим Хашиа Абдулраззак

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского,
кафедра русского языка

ТЕТЯ, ТЕТКА, ТЕТЕНЬКА, ТЕТЕЧКА, ТЕТУШКА, ТЕТЕХА В ФУНКЦИИ ОБРАЩЕНИЯ

Объектом исследования в настоящей статье являются обращения *тетя, тетка, тетенька, тетечка, тетушка, тетеха* на основе имен родства. В качестве предмета размышлений стало их семантико-прагматическое содержание. На функционирование данных лексем в качестве апеллятивов влияет комплекс прагматических сознаний: возраст, пол, социокультурный статус, родственник/неродственник; перлокутивный эффект.

Ключевые слова: семантика, прагматика, апеллятив литературная норма.

Рассматриваемые лексемы в качестве обращений обнаруживают прагматические сознания разных типов:

Таблица 1 – Прагматические аспекты семантики у слов ряда *тетя, тетка*; в функции обращения

Говорящий/ Слушающий /Косвенные участники общения	Возраст
	Пол
	Социокультурный статус
	Родственник /неродственник
	Перлокутивный эффект

Тетя:

1. Обращение к своей тете: естественное нормативное обращение.

- **Тетя**, вы знаете, что с нами было? — сразу же начал Петя.

- **Тетя**, вы ничего не знаете! Да **тетя** же! Вы слушайте, что только с нами было. [В. П. Катаев. Белеет парус одинокий (1936)].

2. Обращение ребенка к взрослой незнакомой женщине: возможно при низком социокультурном статусе социальной среды, в которой вырос говорящий; воспринимается участниками коммуникации как ненормативное, но простительное.

- Ванюшка мой увидел, что она плачет, подбежал к ней, дергает ее за подол и говорит: «**Тетя**, зачем же вы плачете? [М. А. Шолохов. Судьба человека (1956)].

- Ходят и ходят. То одно клянчат, то другое. Заколебали. Теперь пришёл, говорит — **тётя**, дай йогурт. А я ему веник дала. Пусть заработает. У него там ещё сестра есть. [Андрей Геласимов. Жанна (2001)].

3. Обращение молодого человека или взрослого мужчины к взрослой незнакомой женщине: возможно при невысоком социокультурном статусе говорящего; воспринимается (перлокутивный эффект) слушающим и участниками коммуникации как хамское или хамоватое [2].

- Мне некогда болтать с тобой, **тетя**, — отвечал он лифтерше. [В. А. Каверин. Много хороших людей и один завистник (1962)].

Она звала его завтракать, обедать, но он лежал, злобно сжав зубы и не открывая глаз, пока не засыпал опять в каком-то оцепенении. Но к вечеру стало уже невозможно лежать, заныло тело, и он поднялся. Вики не было, и Агеев пошел к хозяйке. — Дай-ка, **тетя**, мне ключ от лодки, — попросил он. - В магазин надо сплавить за папиросами... Хозяйка дала ему ключ, сказала, где взять весла, и показала, куда плыть. [Юрий Казаков. Адам и Ева (1962)].

4. Обращение девушки или взрослой женщины к взрослой незнакомой женщине: маловероятно, возможно только как саркастическое.

- На себя погляди, *тётя* (из живой речи молодой девушки).

Тетя (+имя собственное)

В ТСРРР дается такое значение:

2. DEF: знакомая говорящему женщина старше по возрасту или знакомая пожилая женщина, обычно не очень образованная, имеющая невысокий социальный статус (уборщица, лифтерша, санитарка и т. п.). (Из воспоминаний:) Я вот помню один такой эпизод/ когда певчая нашего хора [церковного] *тётя Шура*/ пошла покупать первый в жизни замок// (Д/ф «Письма из провинции» // Т/к «Культура», 2011); (Из воспоминаний о прошлом:) Да/ она сама ничего не делала/ всё делала эта/ *тётя Саша* её звали/ или *баба Саша* её звали/ по-разному// (Архив Хельсинского университета, 1997); – Я попросила *тётю Олю* прийти убратся// – Какая *тётя Оля*? – Соседка... по лестничной площадке// (К/ф «Ирония судьбы. Продолжение», 2007); Тома заглядывала в Василисин живой глаз, теребила её за подол: — *Тётъ Васъ*, я полы могу мыть и стирать. И печь топить могу... (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого).

MORPH: ж., одуш.

SYNT: возм. в сочетании с именем собственным.

STYL: детск., фам. или сниж.

SYN: мамаша (во 2 знач.), мать (во 2 знач.).

ANALOG: дяденька, дядя (в 1 знач.).

С нашей точки зрения, в словаре под ред. Н.Ю. Шведовой это значение дано более определенно: 'В сочетании с именем собственным: уважительно о простой немолодой женщине (разг.)' [3].

Может быть, сюда следовало бы добавить PRAGM: 'Обычное употребление в качестве цитатной номинации' [О цитации: 1: 237 - 268].

Шведова 2011: **ТЁТКА**-и, ж .1. Сестра отца или матери, а также жена дяди. Т. по матери, по отцу. 2. Вообще женщина (чаще пожилая) (прост.). || ласк. *тётенька*, -и , ж ; и *тётушка* , -и, ж.

ТЁТЯ, -и, ж .1. То же , что *тётка* (в 1 знач.).

2. В сочетании с именем собственным: уважительно о простой немолодой женщине (разг.).

3. То же, что женщина (в 1 знач. в детской речи и прост, шутл.).

В ТСРРР вторым значением слова **тетя** дается такая информация:

2. DEF: знакомая говорящему женщина старше по возрасту или знакомая пожилая женщина, обычно не очень образованная, имеющая невысокий социальный статус (уборщица, лифтерша, санитарка и т. п.).

(Из воспоминаний:) Я вот помню один такой эпизод/ когда певчая нашего хора [церковного] *тётя Шура*/ пошла покупать первый в жизни замок// (Д/ф «Письма из провинции» // Т/к «Культура», 2011); (Из воспоминаний о прошлом:) Да/ она сама ничего не делала/ всё делала эта/ *тётя Саша* её звали/ или *баба Саша* её звали/ по-разному// (Архив Хельсинского университета, 1997); – Я попросила *тётю Олю* прийти убратся// – Какая *тётя Оля*? – Соседка... по лестничной площадке// (К/ф «Ирония судьбы. Продолжение», 2007); Тома заглядывала в Василисин живой глаз, теребила её за подол: — *Тётъ Васъ*, я полы могу мыть и стирать. И печь топить могу... (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого).

MORPH: ж., одуш.

SYNT: возм. в сочетании с именем собственным.

STYL: детск., фам. или сниж.

SYN: мамаша (во 2 знач.), мать (во 2 знач.).

ANALOG: дяденька, дядя (в 1 знач.). [4]

Что касается слов *тетенька*, *тетечка*, *тетушка*, отметим следующее:

- а) слова *тетенька*, *тетечка*, *тетушка*, как отмечает словарь, характеризуются ласкательной эмоциональной составляющей;
- б) эти лексемы могут выступать в качестве апеллятива к родной тетке;
- в) *тетенька*, *тетечка* могут быть обращениями в детской речи по отношению к взрослой незнакомой женщине;
- г) слово *тетушка* не используется в детской речи по отношению к взрослой незнакомой женщине;
- д) обращение молодого человека или взрослого мужчины к взрослой незнакомой женщине словами *тетенька*, *тетечка*, *тетушка* в современном языке не отмечено; хотя при включении имени собственного возможно, преимущественно в женской речи:
 - Да говори же толком! — прикрикнула Катерина. - Ой, **тетенька Катя**, язык не поворачивается! Пусть он сам скажет, - взмолилась девочка. Уже давно все пушинки были собраны с пилотки, свежо и молодо поблескивала эмалевая звездочка, а Санька все еще тер ее рукавом. [А. И. Мусатов. Стожары (1948)];
- е) слово *тетеха* в современном языке идеи родства не выражает.

Таким образом, исследование терминов родства: *тетя*, *тетка*, *тетенька*, *тетечка*, *тетушка*, - показывает непростую картину их функционирования в современной русской речи; знание прагматических созначений апеллятивов на их основе особенно важно для иностранцев, изучающих русский язык.

Список литературы

1. Вежбицкая А. Дескрипция или цитация / А. Вежбицкая // Новое в зарубежной лингвистике. -М., 1982. - № 13. – С. 237 - 268
2. Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. Вып. XVII. — М., 1986. — С. 22-129.
3. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова, Отв. ред. Н. Ю. Шведова. — М., 2011: Издательский центр «Азбуковник». - 1175 с.
4. Толковый словарь русской разговорной речи: выпуск 1 - 4 / отв. ред. Л. П. Крысин; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – Москва: Языки славянской культуры, 2014 – 2020

10.02.01

О.А. Глущенко

Северо-Западный институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
факультет социальных технологий,
кафедра журналистики и медиакоммуникаций,
Санкт-Петербург, oag.kam@mail.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА В ЭКСПРЕССИВНОЙ НОМИНАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ НАЗВАНИЙ СЕРТИФИКАТА О ВАКЦИНАЦИИ ОТ COVID-19 И QR-КОДА)

Современные наименования сертификата о вакцинации от COVID-19 и QR-кода описаны с точки зрения семантики, системных отношений и прагматической нагрузки в дискурсе. Названия охарактеризованы в аспекте отражения в языке социального протеста из-за ковид-ограничений.

Ключевые слова: *эмотив, экспрессивное слово, номинация, семантика, языковая картина мира, COVID-19, QR-код.*

Новая коронавирусная инфекция COVID-19, достигшая планетарных масштабов распространения, в 2020 году стала толчком для активизации номинативных механизмов во многих языках, мотивировала появление неологизмов и переосмысление имеющихся наименований. В 2021 году таким общественным поводом для языковой активности стали разработка лекарств и вакцин, вакцинация и документационное обеспечение ее результатов. В международном и российском информационном поле ежедневно распространяются сюжеты о массовых протестах против как самой вакцинации, так и связанных с ней документов и процедур их оборота.

В январе 2022 года мы фиксируем в пространстве русского общенационального языка более 100 названий для сертификата о вакцинации против новой коронавирусной инфекции (COVID-19) и такой его части, как QR-код. Эмпирический материал (свыше 10 тыс. контекстов) извлечен методом выборки из групп в социальных сетях ВКонтакте, Telegram, периодики («Аргументы и факты», «Новая газета» и др.), сетевого издания «Фонтанка». Предметом изучения являются системные отношения между словами и семантическая основа номинации сертификата о вакцинации и QR-кода. Цель – раскрыть прагматический потенциал экспрессивных номинативных ресурсов языка для моделирования и прогнозирования динамики поименованных социальных процессов и явлений.

Наименования сертификата как документа (25% слов) – это преимущественно стилистически и экспрессивно нейтральные международные официальные и полуофициальные обозначения сертификата в латинской графике и их русские транслитерации, полукальки и перефразирования: *Green pass, Health pass, Covid pass, ковид-паспорт, паспорт здоровья, ковид-сертификат, паспорт вакцинации, вакцинный пропуск, пропуск-паспорт* и др. Доля экспрессивных наименований для обозначения ковид-сертификата в разговорной речи мала: *аусвайс* (наименование с негативной семантикой, первоначально – удостоверение личности, выдаваемое немецкой администрацией жителям оккупированных территорий во время Второй мировой войны, транслитерация немецкого *Ausweis*), *сертификат возможностей* (функциональный метафорический перенос с положительной коннотацией). Ковид-сертификат чаще мыслится, можно так сказать, понятийно, без экспрессии. А в контексте для выражения оценок условий использования и характера социального оборота ковид-сертификата вербализуется негативное, т.е. на уровне сентенционального знака выражается протестное настроение.

Наименование QR-кода как реквизита документа (75% слов) можно разделить на нейтральные безобразные (26%) и эмоционально-экспрессивные (74%). В первой группе базовое и самое частотное и типовое наименование – *QR-код* (формальные варианты: *Qr-код*, *qr-код*, *QR*, *qr* и др.). На втором месте по частотности употребления находится возникшее как транслитерация наименование *куаркод* (*киаркод*, *куеркод* и др.) и его усеченные версии – *куар* (*кюар*, *кьюар*, *кью ар*, *кью-ар*). В результате фонетического упрощения-освоения возникли такие распространенные версии, как *кью-код*, *КЮ.код*, *кюр-код*, *ор-код*, *ку-код* (*кукод*) и *куркод* (*кур-код*). Преимущественно в письменной непринужденной речи есть обозначения *кк* (*КК*) и *ккод*. Для именования функциональной ценности QR-кода появились составные обозначения *QR-код безопасности*, *QR-пропуск*, *QR-паспорт*. Два последних сочетания в массиве контекстов обозначают и реквизит документа, и весь документ. Особенности внешнего вида реквизита мотивировали появление названий *квадратный код*, *цифровой квадрат*, *черный квадрат* и *куар-квадрат*.

Самая многочисленная группа слов включает экспрессивные и образные наименования. Так, эмотивными обозначениями пополнились гнезда с корнями *-код*, *-куар* и *-квадрат*: *кодик*, *куарик*, *куарчик*, *куарище* и *квадратик* и т.п. Если в изолированном употреблении большая часть этих слов передает положительные эмоции, то в окружении контекста на уровне сентенциональных знаков проявляется чаще негативная экспрессия с эффектом от иронии до сарказма.

Смысловой основой для многих образных оценочных номинаций стали, с одной стороны, ассоциации с процессами клеймения и закабаления, с другой – параллели с глупой «недоптицей» курицей или с кукушкой как одним из негативных русских зооморфных эталонов для описания человека [1; 2]. В первом случае номинативные ресурсы участвуют в конструировании социально опасного стереотипа вакцинированного человека как раба государственной политики, который безропотно идет на вакцинацию и получает специальную метку. Вхождение в сообщество вакцинированных обладателей QR-кода позиционируется как добровольное порабощение и потеря индивидуальности и свободы. Эти представления отражаются в таких однословных и составных номинациях, как *QR-клеймо*, *QR-тавро*, *QR-шрифт*, *клеймо привитой собаки*, *электронное клеймо*, *рабский штамп*, *черная метка*, *метка вакцинированных*, *маркер* (в синонимичных сочетаниях – *маркер*, *клеймо*, *штамп*) имени А. Гинзбурга, *шкваркод*, *товарный код человека*, *куар-скот* и др. Слова-мотиваторы *клеймо*, *тавро* (вариант *тавр*), *метка*, *печать*, *маркер*, *штамп* также обозначают QR-код и не приводят к двусмысленности контекста. Применительно к человеку периферийная коннотация унижения и презрения у таких слов усиливается. «Очевидно, любое слово с параметрическими денотативными семами (ядерными и дифференциальными) – это материал, готовый к экспрессивному переосмыслению» [3, с. 25].

Идея духовно-интеллектуального закабаления отражена в наименованиях, возникших под влиянием представлений о сектантстве: *клеймо дьявола*, *метка сатаны*, *сатана-код*, *чертов код*, *печать антихриста* и т.п. В наименованиях на основе исторических ассоциаций типа *QR-аусвайс*, *фашистский код*, *квадратик Геббельса* и т.п. сопряжены идеи несвободы и культурно-кастового, расового разделения людей на сильных (высших) и способных противостоять агитации (антипрививочники себя так позиционируют) и низших, смирившихся с правилами предъявления QR-кода. Ряд наименований находится в поле притяжения, так сказать, теневой стороны концепта цифрового государства, которое в фобиях предстает как цифровая тюрьма. Поэтому нередко QR-код образно именуется *цифровым ошейником*, этим же сочетанием называли ранее и биометрический паспорт, и СНИЛС, и иные элементы цифрового профиля гражданина.

Обращение к орнитонимам привело к образованию двух рядов обозначений, в которые вошли и неологизмы, и общерусские слова с новым значением, – названия на ассоциации с курицей (*куриный код*, *кура-код* (*курекод* и др.), *кукарек* (*кукарека*), *кукареку-код*, *кукарекушка* и т.п.) и наименования с отсылкой к кукушке (*куку* (*ку-ку*), *куку-код* (*кукукод*), *кукук*, *кукуха*, *кукушкин код* и т.п.). Популярность таких наименований вызвана двумя

причинами: 1) образным осмыслением фонетического созвучия сегмента «QR» с русскими словами; 2) сближением элементов коннотаций у слов курица, кукушка и новой семой негативной оценки у QR-кода.

Меньшей частотностью обладают сложные наименования, возникшие на базе слова код и стилистически сниженного экспрессивного слова: *дуркод*, *жопокод*, *курва-код* (*курвакод*), *ковыркод*, *лохокод* и т.п.

Во всем массиве эмпирического материала нам встретились единичные положительно заряженные наименования QR-кода: *чудо-код* и *купикод* (*купи-код*).

Мы видим, что в обыденном языковом сознании QR-код в качестве достаточно удобного реквизита документа для быстрого считывания данных оценивается негативно неслучайно – в этом проявляется протест против усиления учетно-регистрационной составляющей в обыденной жизни. И появление россыпи новых номинаций, отражающих такое противостояние человека и системы, – это преломление социального протеста в зеркале национального языка. На поверхности – отторжение QR-кода, в подтексте – протест против давления государства на личность. Производные от наименований QR-кода тоже транслируют негативную оценку: *курвированный*, *курвоцинация*, *куризация*, *откурвиться*, *откуарить*, *куэраст* и т.д. Слова представляют QR-код во всех оттенках комического, что также является отличительной чертой русского «лингвистического протеста»: высмеянное перестает быть пугающим. Большинство проанализированных наименований ситуативно и временно вышли на передний план, с затуханием общественной дискуссии эти слова уйдут в пассивный фонд языка.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ
в рамках научного проекта № 21-011-31276\21.*

Список литературы

1. Денисова А.П. Орнитоним «кукушка» в языковой картине мира / А.П. Денисова, М.В. Кутьева // Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранный языки и методика их преподавания». – 2011. – № 3. – С. 98-109.
2. Лю Сини. Орнитологический код русской и китайской лингвокультуры на примере слова «курица» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». – 2018. – № 4. – С. 108-116.
3. Матвеева Т.В. Экспрессивность русского слова. – Palmarium Academic Publishing, 2013.

10.02.01

^{1,2}И.А. Дини д-р филол. наук, ¹Д.А. Решетняк, ¹Е.Г. Шапаренко¹Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова,²Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
kuprieva@yandex.ru, dasha_reshetnyak@mail.ru, zybкова81@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ КРИТЕРИИ ПРАГМАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТОВ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ К ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Настоящая статья описывает прагматический инструментарий как основу лингвистической экспертизы текста. В фокусе внимания находятся критериальные признаки оценки ролей и поведения участников коммуникативного акта в текстах, представленных к лингвистической экспертизе. Отмечено, что поэтапная работа с текстом с учетом его разбора по представленным критериям, позволяет прийти к наиболее объективным результатам и дать соответствующую лингвистическую оценку.

Ключевые слова: *речевой акт, прагматика, лингвистическая экспертиза, языковые средства.*

Одним из показателей высокой степени эволюции современного мира является его способность относиться к процессу коммуникации как уникальному феномену, подлежащему объективному профессиональному оцениванию, возможному благодаря множеству специфических критериев. Последние представляют собой своеобразные мерила или признаки, на основании которых формируется оценка качества объекта [1; 3]. Регулярно в спорных процессах участвуют речевые акты как двусторонние явления порождения текстов, вмещающие в себя речетворчество и речевосприятие. Такие процессы включают в себя цель, мотивацию, роль участников, степень их вовлеченности в коммуникативный процесс, их непосредственные функции, тему, контекст [2; 4; 5]. В основе рассмотрения речевых актов с учетом перечисленных компонентов лежит прагматика в совокупности предлагаемых ею критериев оценивания. Ниже рассмотрим базовые критерии прагматического оценивания в процессе лингвистической экспертизы текста.

Согласно перечисленным компонентам прагматического анализа, одной из базовых единиц коммуникативного акта является цель, которая предопределяет организацию процесса общения. Именно критерий цели или мотивации самого общения гипотетически указывает на конечный результат, на который направлено намерение говорящего. Мотивация предопределяет побуждение к действию, сам процесс управления поведением человека, желающего получить искомое. По принципу установления мотивации различают конструктивное и деструктивное общение. Из самих названий понятно, какое общение будет положительным, а какое – отрицательным. По опыту заметим, на пути достижения цели в речевом акте могут противостоять оппозиции «доброта :: жестокость»; «сострадание :: индифферентное отношение»; «желание помочь :: уклонение от оказания помощи» и т.д. В таком случае по критерию «цель/мотивация» в прагматическом анализе будет присутствовать «конструктивное :: деструктивное общение».

Достижение цели коммуникативного акта ассоциировано с критерием «степень участия». Дело в том, что, как правило степень вовлеченности в процесс коммуникации прямо пропорциональна желанию достичь цели речевого акта. В таком случае активность будет направлена на побуждение к действию или добыче искомой информации. Подобного рода эффект в прагматике носит название лихорадочной деятельности при высокой степени желания добиться искомого. В ряде случаев такая коммуникация форсируется фонетическими средствами, нарушением мены ролей, акцентируется противостояние «свой :: чужой». Нередки случаи шантажа и манипулирования с участием многочисленных объектов, актуальных в причинно-следственных связях.

Предыдущие критерии закономерно связаны с параметром определения ролей участников коммуникации. Критерий «роли и функции», с одной стороны, предопределяет наличие говорящего и слушающего, а, с другой, – этими же участниками выстраиваются условия коммуникации, которые, в свою очередь, указывают на функционал каждого из них и интенсивность общения. Само понятие функции трактуется как круг обязанностей [6]. Роль – это вид деятельности, проявление себя в качестве кого-то, степень участия в каком-то деле, совокупность действий, мера влияния, значения. В прагматике они предопределяются по степени участия в коммуникативном акте на статусную роль и ситуативную. Первая предполагает незакрепленные позиции (обладатель такой роли склонен к компромиссам), вторая – закрепленная, как правило, доминирующая лидерская позиция. И если первая роль проявляет креатив исключительно с целью выживания, то вторая четко идет по намеченному коммуникативному курсу.

Характер всех перечисленных ранее критериев будет в большей степени зависеть от вида речевого акта. Последние классифицируются на несколько подгрупп, включающих, иллокутивные акты с отсутствующим яркого намерения лидерства при прерогативе обмена информацией (взаимодействие, информирование: констатиры (утверждение), реквизитивы (просьба), квесетивы и аппелятивы (обмен информацией, объяснение или разъяснение), экспозитивы (обсуждение и пояснение)); перлокутивные с учетом желания доминировать над собеседником (воздействие: ньюктивы, императивы (угроза, приказ, распоряжение), экзерситивы (властвование, выражение силы, манипуляция, шантаж, лидерство)). Анализ по этому критерию сразу предопределяет коммуникативную подоплеку высказывания и характер самого речевого акта.

Параметр «модель общения» предлагает вертикальную или горизонтальную интеракцию между собеседниками. Самой оптимальной является горизонтальная модель, которая ассоциирована с бесконфликтностью, желанием помочь, взаимопониманием, поддержкой, помощью. Такая модель практически всегда сопровождает партнерские отношения, отношения между друзьями, в отличие от вертикальной модели, где сильно заявлена позиция вожака и диктатора-манипулятора. В горизонтали прослеживается конструктивное общение и обозначение намерений и цели, в то время как вертикаль не учитывает интересы одного из собеседников и пытается подчинять их себе.

Критерий «стратегии речевого воздействия» предполагает вседоступные языковые и неязыковые средства, сопровождающие речевое поведение. Эти средства дают возможность скрывать или же, наоборот, отражать мысль собеседника, подводить собеседника к выполнению определенного действия, поступку. Все речевые стратегии определяются либо речевым воздействием, либо речевым взаимодействием. И если взаимодействие практически безобидно для лингвистической экспертизы, то речевое воздействие – это предмет специального анализа лингвиста-эксперта. Итак, речевое воздействие бывает информационным (игнорирование интересов оппонента, искажение истины, изменение темы, оппозиция «свой::чужой», игнорирование реакции собеседника, регулирование действий); языковым (грамматические (употребление имен собственных или модальных частиц), синтаксические (вопросительные средства, вопросительные слова), паралингвистические (сила голоса, подвижность и неподвижность голоса, логическое ударение, четкость дикции, паузы) средства). В данном критерии также учитываются и неязыковые средства, преимущественно, нетождественность стиля изложения информации как совокупность индивидуальных признаков воспроизведения информации и ее оформления и совокупность факторов, сопровождающих коммуникативный акт.

Все перечисленные критерии прагмалингвистического инструментария достаточно подробно расписывают поэтапность и суть детальной работы с текстом. При этом лингвистическая экспертиза ценна в своей комплексности и объективности, которые возможны при учете всемерных лингвистических оценок, в комплексе дающих максимально объективный результат.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Речевой акт // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
2. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2011.
3. Критерии. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_economic_law
4. Матвеева Г.Г., Ленец А.В., Петрова Е.И. Основы прагмалингвистики. М.: Флинта: Наука, 2015.
5. Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Возможности и перспективы применения теории речевых актов в лингвистической экспертизе // Вестник Нижегородского университета им. Н. Н. Лобачевского. 2013. № 1(1). С. 286 -290.
6. Критерии. URL: <https://dic.academic.ru/searchall.php>

*10.02.01***В.В. Егорова, О.О. Хасанова**

Башкирский государственный университет (Стерлитамакский филиал),
филологический факультет,
кафедра русского языка и литературы,
Стерлитамак, hasaolga@yandex.ru

СИСТЕМА АРТЕМ В МАЛОЙ ПРОЗЕ Е.А. КАТИШОНОК

В статье представлены результаты изучения сборника рассказов Е.А. Катишонок «Счастливый Феликс» в лингвопоэтическом аспекте. Использование автором артем, основанных на нарушении литературно-языковой нормы, становится одним из важнейших приемов смыслопорождения художественного текста.

Ключевые слова: *лингвопоэтика, артема, художественный текст, Катишонок.*

Изучение художественного текста эпохи постмодернизма продолжает оставаться одной из самых актуальных проблем современной филологии. Особенно значимым в процессе выявления интенций автора продолжает оставаться метод лингвопоэтического анализа, поскольку в рамках лингвопоэтики объединяются методологические и теоретические наработки таких дисциплин, как лингвистика, литературоведение, стилистика художественного текста, стилистика декодирования, когнитивная лингвистика, а это означает, что изучение художественного текста в русле данного направления позволит выявить самые важные его особенности и наибольший объем имплицитной информации.

В данной статье представлено исследование малой прозы Е.А. Катишонок в русле новейших лингвопоэтических разработок. Произведения писателя, несмотря на появляющиеся посвященные им исследовательские работы единичного характера, продолжают оставаться неизученными в лингвистическом аспекте. Данные факторы обуславливают высокую актуальность нашего исследования.

Отметим, что лингвопоэтика – относительно молодая дисциплина, берущая своё начало в работах М.М. Бахтина, Б.А. Ларина, Г.О. Винокура, Ю.Н. Тынянова, А.М. Пешковского и других исследователей [1; 2; 3].

Ключевой для становления нового филологического направления стала работа А.А. Липгарта «Основы лингвопоэтики», в которой исследователь дал определение лингвопоэтики как «раздела филологии, в рамках которого стилистически маркированные языковые единицы, использованные в художественном тексте, рассматриваются в связи с вопросом об их функциях и сравнительной значимости для передачи определенного идейно-художественного содержания и создания эстетического эффекта» [7, с. 18].

Главным объектом изучения лингвопоэтики является язык, а предметом указывается «речевая художественная форма произведения» [5, с. 18] – это специфически организованное множество составных единиц, артем, которые, с одной стороны, находятся в отношении «целевой кооперации» [5, с. 18] с литературной формой произведения, а с другой – противопоставлены языковой форме.

Артема – это одно слово или словосочетание в составе фразы, в рамках которых происходит «приращение художественного смысла» [6, с. 18]. Необходимо иметь в виду общий отличительный признак всех артем – наличие в них заложенного самим автором сигнала, что представленная единица является именно артемой, а не обычным словом. Таким сигналом служит художественно оправданное отклонение от нормы литературного языка.

В рассказах Е. Катишонок сборника «Счастливый Феликс» по принципу нарушения литературно-языковых норм нами выявлены артемы-фонетизмы (основанные на отклонении от фонетической нормы и служащие для имитации нелитературной речи персонажа),

морфологизмы (основаны на отклонении от словообразовательных и грамматических норм языка), лексизмы (включают нелитературные лексемы, окказионализмы и варваризмы), семантизмы (использование тропов и фигур), информатизмы (повторяющиеся элементы текста), алогизмы (отклонения от логики развития текста и его компонентов), синтаксизмы (основаны на нарушении синтаксической нормы).

Рассмотрим примеры из текстов.

Первый тип артем – фонетизмы – представляют собой имитацию нелитературной речи персонажей: *«Осподи! – сердится баба Матрена»* [4, с. 11]; *«...никакого тебе имени-отчества, просто дядя Аркадий, что само собой выговаривалось как «дядь-Аркадь», а он смеялся»* [4, с. 56]. В рассказах Катишонок фонетизмы создают комический эффект и являются средством выражения иронии.

Морфологизмы чаще всего являются средством индивидуализации речевой характеристики, а также достижения комического эффекта: *«А ты, Асенька, баб не слушай: завидуют. Чем рыжей, тем дорожей; запомни»* [4, с. 70].

Семантизмы в рассказах представлены в виде различных тропов. Например: *«Вторая с вежливой ненавистью смотрела на топающий бот»* [4, с. 15]. Словосочетание «вежливая ненависть» включает оксюморонный эпитет, подобное образное сочетание необходимо для обозначения характера женщин, персонажей рассказа «Язва».

Большое значение в выявлении подтекстовых смыслов имеют информатизмы, многократно использующиеся на протяжении всего текста произведения. Например, словосочетание «магнитное поле» из одноименного рассказа совмещает два значения, важных для формирования подтекстовых смыслов: магнитное поле как термин, тема урока, о котором идёт речь, и «магнитное поле» между главными героями рассказа, Алисой и Гариком. В рассказе словосочетание в прямом значении реализуется в самом начале и представлено в словах учительницы: *«На листке – у всех есть листочки? – опишите, как магнит взаимодействует со стальными опилками»* [4, с. 49]. По ходу развития сюжета рассказа значение трансформируется: урок-опыт про магнитное поле становится катализатором для развития симпатии между персонажами, что подкрепляется аббревиатурами Гарика – «ТМН» («ты мне нравишься») в начале рассказа и «ЯТЛ» («я тебя люблю») в конце. Таким образом значение словосочетания приобретает метафорический характер: вокруг героев образуется «магнитное поле», в котором Алиса и Гарик, как два магнитных полюса, постепенно притягиваются друг к другу.

В рассказе «Счастливый Феликс» словосочетание, вынесенное в заглавие, также является сквозным. На протяжении всего рассказа читатель убеждается в том, что главный герой, Феликс, счастлив: об этом свидетельствует отношение Феликса к жене (*«Там же, в дверях института, Феликс взял ее за руку... И больше, казалось, эту руку не отпускал»* [4, с. 80]), разговоры других героев рассказа (*«Счастливый, – загадочно поправила другая»* [4, с. 92]). Однако ближе к финалу читатель осознает, что все это время герой был несчастлив, по-настоящему счастливым он становится только после ухода от супруги: *«...уходя, не попрощался, если не считать бессмысленной, счастливой улыбки»* [4, с. 112].

Среди синтаксизмов особую роль в тексте играют парцеллированные конструкции: *«Бедный Феликс, как он будет страдать. И родители»* [4, с. 85], *«Валентина стаскивала перчатки с окостеневших пальцев. Размотала шарф, скинула пальто. Запоздало кивнула»* [4, с. 148]. Анализ данных конструкций показывает, что автор отделяет определенные члены предложения от господствующей части высказывания для выражения их смысловой значимости. А значит, парцелляция является средством выражения авторской модальности. Использование подобных конструкций при чтении создает еще и эффект неожиданности, непредсказуемости, заставляет читателя особо обратить внимание на парцеллированные сегменты. Важно, что при парцеллировании происходит перераспределение смысловой нагрузки высказывания, способствующее формированию подтекстовых смыслов.

Итак, в последнюю треть XX века возникает эпоха постмодерна, ярчайшей особенностью которой является искажение литературных норм, которые приводят к наличию в структуре произведения интересной речевой художественной формы, что, в свою очередь, акцентирует на себе внимание филологической науки, а именно её специальной дисциплины – лингвопоэтики, которая занимается анализом феномена речевой художественной формы. Анализ рассказов Катишонок сборника «Счастливый Феликс» позволил выделить артемы-фонетизмы, морфологизмы, лексизмы, семантизмы, информатизмы, алогизмы, синтаксизмы.

Речевая художественная форма малой прозы Катишонок настолько существенна и выразительна, что лингвопоэтический анализ текстов автора позволяет углубленно осмыслить и проникнуться авторскими художественно-эстетическими концепциями, отражёнными в коннотациях языковых единиц текстов.

Список литературы

1. *Бахтин М.М.* Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 6-72. [2].
2. *Виноградов В.В.* Избранные труды. Поэтика русской литературы. – М.: Наука, 1976. – 312 с. [2].
3. *Жирмунский В.М.* Теория литературы. Поэтика. Стилистика. – Л.: Изд-во «Наука», 1977. – 405 с. [2].
4. *Катишонок Е.А.* Счастливый Феликс: рассказы и повесть. – М.: Время, 2018. – 225 с. [3,4].
5. *Климовская Г.И.* Тонкий мир смыслов художественного (прозаического) текста: методология и теоретический очерк лингвопоэтики. – Томск: Изд-во научно-технической литературы, 2009. – 166 с. [2].
6. *Климовская Г.И.* Лингвопоэтика. – М.: ФЛИНТА, 2019. – 232 с. [2].
7. *Липгарт А.А.* Основы лингвопоэтики. – М.: «КомКнига», 2006. – 164 с. [2].

10.02.01

А.Н. Ерёмин

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского,
Институт филологии и массмедиа,
кафедра русского языка,
Калуга, eremin.an55@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ЛЕКСИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ И ТИПАХ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВ

В настоящей статье рассмотрены лексические значения со стороны их функционального назначения: а) что-либо зафиксировать на ментальном уровне: номинативно фиксирующие значения; б) что-либо сконструировать на ментальном уровне: манипулятивно-конструирующие значения; в) третий синкретичный тип совмещает семантику первых двух.

Ключевые слова: *лексическая семантика, типы лексических значений.*

Вопросами содержательной стороны языковых значений и их типологией занимались многие отечественные и зарубежные лингвисты: А.А. Потебня, М.М. Покровский, В.В. Виноградов, Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, О.П. Ермакова, Jerzy Kuryłowicz, Anna Wierzbicka, Leonard Bloomfield, David Lewis и многие другие.

В отечественной научной традиции лексическое значение «отражает», «отображает» действительность.

Д.Н. Шмелев отмечал: «Значение слова – отражение в слове того или иного явления действительности (предмета, качества, отношения, действия, процесса)» [7, с 58].

В.Г. Гак, обобщая наблюдения лингвистов в области теории лексического значения, пишет следующее: «Лексическое значение – содержание слова, отображающее в сознании и закрепляющее в нем представление о предмете, свойстве, процессе, явлении и пр. Лексическое значение – продукт мыслительной деятельности человека, оно носит обобщенный характер... Лексическое значение представляет сложную структуру, определяемую... семиотическими отношениями словесного знака: его семантикой, прагматикой, синтактикой» [2, с. 213].

Эти положения могут быть уточнены.

В настоящей статье мы опираемся на положение крупнейшего американского философа, представителя прагматизма Ч. Пирса (Charles Sanders Peirce). Он писал: «Поскольку истина есть не более и не менее, чем характер некоторой пропозиции, состоящий в том, что убежденность в этой пропозиции, если таковая обоснована опытом и рефлексией, приведет нас к такому поведению, которое бы способствовало удовлетворению желаний, каковые эта убежденность будет определять. Говорить, что истина значит нечто большее, значит утверждать, что она вовсе не имеет значения» [4, с. 106].

Для Пирса истина – вера, убеждения, т.е. то, во что человек верит.

Массовый носитель языка верит в то, что видит и слышит, а также в Бога и в черную кошку одновременно, воспринимает мыльные оперы как зафиксированную реальность. «Мир, в котором мы живем, это мир, где бытие стало «словесным дымом» [3, с 109].

Мы рассмотрим прежде всего три типа альтернативных лексических значений: а) альтернативные номинативно фиксирующие ↔ б) манипулятивно-конструирующие; третий синкретичный тип совмещает семантику первых двух.

1. Слова *береза, зеленый, греть, тепло, покойник* можно отнести к номинативно фиксирующим. Они отражают реальный мир.

Самыми номинативно фиксирующими лексемами, пожалуй, будут личные местоимения: я – говорящий; ты – слушающий.

II. Слова с манипулятивно-конструирующей семантикой – это прежде всего идеологические термины: *социализм, коммунизм, равенство, братство, демократия...*; к ним примыкают религиозные термины, персонажи демонологии, номинации астрологии, некоторые имена товаров в рекламных текстах, имена лиц в художественных произведениях и др.: *святой, загробная жизнь, леший, баба-яга, Рыба* о человеке в смысле знака зодиака, персонаж *Наташа Ростова, обычный порошок* в рекламном ролике... в последних примерах в той или иной мере манипулятивная функция ослаблена, но они остаются конструирующими.

Именно к такого рода значениям применимы слова статьи Х. Вайнриха «Лингвистика лжи» [1, с. 44 - 98].

III. В третьей группе кажутся слова *чопорный – строгий, свобода – распущенность, демократизм в общении – панибратство, коллективизм - стадность ...* - одновременно и номинативно фиксирующие, и манипулятивно-конструирующие значения. Более полно о такого рода корреляциях: [8, с. 19-33].

Рассмотрим примеры:

I. Здесь же отдельными пролесками и островками стоят далекие пришлые люди — горькая осина с своим металлически-серым стволом, бесконечно родная каждому русскому сердцу кудрявая **береза**, изредка липа с своей бледной, мягкой зеленью. [Д. Н. Мамин-Сибиряк. Бойцы (1883)].

Покойник был по горло прикрыт старым малиновым одеялом. [Виктор Пелевин. Желтая стрела (1993)].

И на новоселье изрек: «А **ты**, Вася, так и помрешь в своей халупе с деньгами под матрацем». [Ярмарка тщеславия // «Сельская новь», 2003.11.11].

II. Любопытна подача прямых значений слов **коммунизм** и **социализм** в словаре под редакциями Н.Ю. Шведовой и Д.Н. Ушакова: в первом случае эти слова (значения) представлены как манипулятивно-конструирующие, во втором - как номинативно фиксирующие:

КОММУНИЗМ, -а, м. 1. Провозглашаемая как возможная и идеальная общественно-экономическая формация, основанная на общественной собственности на средства производства, при которой ставится целью построение бесклассового общества, полное социальное равенство всех членов общества и осуществление принципа «От каждого — по способностям, каждому — по потребностям» [6, с. 354].

КОММУНИЗМ (ому), коммунизма, мн. нет, м. (от латин. communis - общий) (науч., полит.). 1. Общественная формация, идущая на смену капитализму, основывающаяся на крупном научно-организованном общественном производстве, организованном распределении и состоящая из двух фаз: 1) низшей (социализм), при которой средства производства уже являются общественной собственностью, классы уже уничтожены, но сохраняется еще государство, и каждый член общества получает в зависимости от количества и качества его труда... [5, с. 1424].

СОЦИАЛИЗМ, -а, м. Социальный строй, в котором основой производственных отношений является общественная собственность на средства производства и провозглашаются принципы социальной справедливости, свободы и равенства [6, с. 924].

СОЦИАЛИЗМ, социализма, мн. нет, м. (от латин. socialis - общественный). 1. Первая фаза коммунизма, общественный строй, основой производственных отношений к-рого является общественная собственность на средства производства в условиях диктатуры пролетариата и уничтожения эксплуататорских классов и при к-ром осуществляется распределение по труду.

Социализм есть то общество, которое вырастает из капитализма непосредственно, есть первый вид нового общества [5, с. 413].

Лейборист Д. Корбин говорит о социализме совершенно как о реальности:

Лидер британской Лейбористской партии Джереми Корбин заявил, что **социализм**

доказал свою эффективность, именно поэтому его партия в случае прихода к власти попытается создать государство, основанное на социалистических принципах. [Лидер лейбористов пообещал вернуть британцам социализм // Московский комсомолец, 2019.12.07].

III. Рассмотрим значения-конструкты с не всегда неясными границами референции и, стало быть, не могущие быть строгими фиксаторами действительности. Это поле для манипулятивного простора говорящего.

Строгий, -ая,-ое. Очень требовательный, взыскательный [6: 951].

Чо'порный, -ая,-ое;-рен,-рна. Чрезмерно строгий и принуждённый в поведении, в соблюдении приличий [6, с. 1095].

Она говорила блестяще, без волнения, и **чопорная** американская аудитория аплодировала ей. [Николай Климонтovich. Погибают самые достойные // «Общая газета», 1998].

Чопорная Британия отнюдь не так охотно принимает чужаков, как открытая Америка. [Марианна Баконина. Девять граммов пластита (2000)].

Он постоянно подчеркивал, что пресловутый **коллективизм** россиян в нынешнее время не более чем миф. [Кирилл Холодковский. Мыслить социально-политически // «Отечественные записки», 2003].

Ленин, Троцкий и Сталин разглядели реальную **стадность**, идущую от общинности крестьянского бытия, или, если хотите, как более благообразно выражался Лев Толстой, *роевое начало* русского народа. [Георгий Киреев. От национальной утопии к национальной идее // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.06.16].

Список литературы

1. Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. Благовещенский гуманитарный колледж им. И.А. Бодуэна де Куртене, 1998. – 464 с.
2. Гак В.Г. Лексическое значение / В.Г. Гак // Русский язык. Энциклопедия. – Изд-е 2-е, переработанное и дополненное. – М. «Дрофа», 1997. – 213 с.
3. Матвейчев О.А. Уши машут ослом. Сумма политтехнологий. - М.: Эксмо, 2009. – 640 с. – (Политический бестселлер).
4. Пирс Ч.П. Начала прагматизма / Перевод с английского В. В. Кирющенко, М. В. Колопотина, послесловие Сухачева В. Ю. — СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. — 318 с. (серия «Метафизические исследования. Приложение к альманаху»).
5. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1–4. – М.: «Советская энциклопедия», 1935–1940. 203 с.
6. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова, Отв. ред. Н. Ю. Шведова. — М., 2011: Издательский центр «Азбуковник». - 1175 с.
7. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика, Учебное пособие для студентов пед. ин-в по специальности «Рус. яз. и литература. – М.: «Просвещение», 1977. – 335 с.
8. Эпштейн М.Н. Идеология и язык (построение модели и осмысление дискурса). М.: Вопросы языкознания, 1991. № 6. - С. 19 – 33

10.02.01

Е.С. Константинов

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,
Педагогический институт,
кафедра русского языка,
Владимир, egor-konstantinov@mail.ru

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОПИСАТЕЛЬНЫХ ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫХ ОБОРОТОВ В ЛЕТОПИСНЫХ ТЕКСТАХ XIII–XV ВЕКОВ

Статья посвящена изучению описательных глагольно-именных оборотов (ОГИО) в текстах древнерусских летописей. В ходе исследования описано функционирование данных единиц в текстах Лаврентьевской, Ипатьевской и Новгородской первой летописей, проведен структурный и семантический анализ. Рассматриваются особенности этих конструкций в диахронии.

Ключевые слова: *описательный глагольно-именный оборот, устойчивость, диахрония, структура, семантика.*

Конструкции, которые структурно представляют собой сочетание глагола и существительного и устойчиво употребляются в языке, вызывают интерес у лингвистов еще с XIX века. В «Исторической грамматике» 1888 г. Ф.И. Буслаев назвал словосочетания типа *взять в рабство, предать работе, держать речь* «описательными формами глагола» [1: 509]. В отечественной лингвистике подобные единицы получили широкое описание в синхронном аспекте. В отношении диахронного материала также проводились исследования, однако нельзя утверждать, что на данный момент сформировано целостное представление об устойчивых конструкциях, созданных по модели «глагол + существительное». Актуальность изучения данных единиц обусловлена тем, что описание исторического материала позволяет «улавливать закономерности появления и отмирания» современных конструкций, определять их «удельный вес и соотношения с другими выразительными средствами языка» [5: 127].

Известную на сегодняшний день формулировку «описательный глагольно-именный оборот» использует П.А. Лекант. Он дает определение ОГИО как «синтаксической конструкции, основанной на несвободном употреблении глагола-призрака (глагола, лишённого в составе данной конструкции определенного вещественного содержания), семантически неделимой, обладающей всеми категориальными и формальными признаками глагола (значение процесса, формы спряжения и вида) и выполняющей в предложении функцию простого глагольного сказуемого» [6: 151].

Е.Н. Лагузова системно описывает данные конструкции в современном русском языке и приходит к выводу, что отнести его либо к фразеологизмам, либо к словосочетаниям не представляется возможным. Исследователь отмечает, что это особая «полевая структура», которая сочетает в себе некоторые признаки как фразеологизма, так и словосочетания [4: 28–29]. Н.М. Хоменко считает, что в древнерусском языке «очень трудно установить степень семантической спаянности, а отсюда и определить, свободное это или устойчивое сочетание» [9: 7].

Л.Ф. Килина и О.С. Русанова предлагают следующие критерии отграничения свободного словосочетания от устойчивого в древнем тексте: 1) «своеобразная семантика», которая складывается из общего значения оборота; 2) способность функционировать в тексте по особой модели; 3) ограниченная сочетаемость; 4) повторяемость в целом ряде текстов [2: 431].

В данной статье мы рассматриваем ОГИО как синкретсемичную единицу. Синкретизм – свойственная древним языковым периодам нерасчлененность значений. Семантический синкретизм представляет собой лингвистическое явление формально-содержательной языковой асимметрии, при котором «одно значение выражается узуально закрепленными в языке формами нескольких лексико-грамматических связанных слов» [8: 41].

Источниками языкового материала послужили тексты трех летописей XIII–XV вв.: Лаврентьевской (1377 г., Лаврентьевский список), Ипатьевской (первая четверть XV в., Ипатьевский список), Новгородской первой летописи (конец 30-х гг. XV в., младший извод, Комиссионный список). Всего было выявлено около 1200 контекстов употребления ОГИО.

Структура ОГИО, как уже отмечалось, представляет собой глагол и зависящее от него существительное.

Наиболее продуктивной в тексте летописей является модель «глагол + существительное в В.п.»: *воевати землю, въздати мечь, възложити честь, учинити перемирье, дати посадничьство, держати миръ, дѣяти насилье, имѣти прю, положити любовь, прияти мысль, снятии грехъ, сеяти учение, творити клятву*.

Менее продуктивными являются конструкции, где между глагольным и именным компонентом в В.п. находится предлог: *възяти на щитъ, въпасти въ ересь, излазити на брань (сѣчу), дати въ обиду, послати въ сторожъ, сести на конь*.

Помимо В.п. устойчивые сочетания образуются также с помощью существительных в следующих падежах: 1) Р.п.: *взяти стола, искати мира, исполнитися блуда, лишити живота, добыти сорома*; 2) Д.п.: *последовати стопамъ, прѣдати огню, ѡити къ богу*; 3) Тв.п.: *бити челом, костию паде, приити съ миромъ, стати станом*; 4) М.п.: *держати в таинъ; держати в умъ*.

Самая продуктивная модель «глагол + существительное в В.п.» передает значение объекта, указывая на действие, предмет, состояние, которое выражено именным компонентом ОГИО. Особенностью семантики анализируемых оборотов является «раздваивающийся» денотат [7: 182]. Проследить это раздвоение можно, если сопоставить ОГИО с глагольной лексемой: *держати гнѣвъ* – гневаться, злиться; *възложити надежу* – надеяться; *добыти полонъ* – пленить; *дати помочь* – помогать; *имѣти ворожду* – враждовать; *исполнитися зависти* – завидовать. Например: *И потомъ нача крѣплѣ жити и въздержание имѣти пощенье и бдѣние и тако живяху ему сконча житье свое* (ИЛ); *Приидохом же в немци и видѣхомъ во храм их службу творяща а красоты не видѣхомъ никоея же* (НПЛ).

Менее продуктивными, но так же широко представленными в текстах летописей являются обороты с Р.п. и Т.п.: *Володимиръ же Изяславъ Давыдовича и Святославъ Олгович и Всеволодичъ Святославъ послаша слы свои къ Изяславу Мѣстиславичю ищюче мира...* (ИЛ), *Того же лѣта посла великыи кнѣзь Гюрги Святослава Ивана брату свою на мордву и побѣдиста мордву и взяста нѣколько селъ и възвратистася с побѣдою* (ЛЛ).

В качестве глагольного компонента ОГИО выступают глаголы с широкой валентностью (в скобках указано количество обнаруженных моделей). *Творити* (38): *беззаконье, блудъ, добро, епитѣмью, зѣло (пакость), извѣтъ, клятву, мщенье (отмщение, отместье, мсть), насилie, страхъ* и др.; *дати* (14): *дань, душу, миръ, мѣздупомочь, посадничьство, рану, честь* и др.; *взяти* (31): *головы, градъ, дань, душу, землю, любовь, миръ, перемирье, побѣду, прощенье* и др.; *прияти* (23): *казнь, мысль, мечь, зло, печаль, покои, спасение, страсть* и др.; *имети* (15): *вѣру, гнѣвъ, гордость, леть, реть, срамъ* и др.

В текстах летописей ОГИО не застывают в неизменном виде. Они взаимодействуют, проникая друг в друга и распространяя уже существующие модели. На лексическом уровне часто происходит замена стержневого слова: *Азъ бо ляхомъ много зла творихъ и хотѣлъ есмь створити и мстити руськѣи земли* (ЛЛ) – *...А новоторѣжци отступиша к Новгороду и много пакости творяще домомъ ихъ и села ихъ потрати* (НПЛ). Поскольку именным компонентом ОГИО «синкретично-многозначен и каждый раз конкретизируется семантически лишь в сочетании с определенными словами» [3: 143], то в летописях наблюдается

варьирование и глагольного компонента: *И литвы многое множество ту **костью** падоша толко богъ въсть а князь Витовтъ то видѣвъ на бѣги обратися* (НПЛ) – ...*Да не посраимъ землю рускиѣ но **ляжемъ костью**и ту мертвы бо срама не имамъ* (ЛЛ).

Таким образом, описательные глагольно-именные обороты – постоянный элемент древнерусского летописного текста. Дальнейшее изучение структуры, семантики и варьирования данных единиц может послужить основой для их последующего лексикографического описания.

Список сокращений

ИЛ – Ипатьевская летопись. Полное собрание русских летописей. Том II. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 648 с.

ЛЛ – Лаврентьевская летопись. Полное собрание русских летописей. Том I. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 496 с.

НПЛ – Новгородская первая летопись. Полное собрание русских летописей. Том III. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 628 с.

ОГИО – описательный глагольно-именной оборот

Список литературы

1. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. – М.: Академия наук СССР, 1959. – 624 с.
2. Килина Л.Ф., Русанова О.С. Устойчивые глагольно-именные сочетания с компонентом *чинити* в русских грамотах XIII-XVII вв. // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2021. – Т. 31. – № 3. – С. 429–437.
3. Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. – 296 с.
4. Лагузова Е.Н. Описательный глагольно-именной оборот как единица номинации. Монография. – М.: МГОУ, 2003. – 243 с.
5. Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание. – М.: Просвещение, 1977. – 224 с.
6. Лекант П.А. Развитие форм сказуемого // Мысли о современном русском языке: сб. статей. – М.: Просвещение, 1969. – С. 140–154.
7. Пименова М.В. Лексикографическое описание древнерусских устойчивых сочетаний слов (на материале глагольных оборотов) // Вопросы лексикографии. – 2020. – № 17. – С. 178–194.
8. Пименова М.В. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // Вопросы языкознания. – 2011. – № 3. – С. 19–48.
9. Хоменко Н.М. Устойчивые словосочетания в древнерусском языке XII–XV вв. (на материале произведений Кирилла Туровского и Епифания Премудрого): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ленинград, 1990. – 18 с.

10.02.01

С.В. Минибаева, Т.В. Желтикова

Башкирский государственный университет,
Стерлитамакский филиал,
филологический факультет,
кафедра русского языка и литературы,
Стерлитамак, sveta.minibaeva@yandex.ru, zheltikovatat@yandex.ru

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ
КАК ЧЕРТА ИДИОСТИЛЯ ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА
(НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТА РОМАНА «ЖИЗНЬ НАСЕКОМЫХ»)**

В статье рассматривается явление семантической трансформации как свойство индивидуального стиля Виктора Пелевина. Отмечается, что изменение значения слова в текстах приобретает характер расширения семантики и может возникать на основе этимологических и ассоциативно-смысловых связей между лексемами. В результате сделан вывод о том, что рассмотренная черта идиостиля автора способствует формированию контекстного восприятия смыслового содержания речевого произведения.

Ключевые слова: языковая личность; идиостиль; семантическая трансформация; расширение семантики; ассоциативно-смысловые связи слов.

Современная лингвистика характеризуется обращенностью к языковой личности отдельно взятого автора, или антропоцентричностью. Особый интерес к человеческому фактору в языке объясняет появление множества работ, направленных на изучение языкового сознания индивида и исследование лингвистических средств его репрезентации в тексте, устном или письменном. Исследование идиостиля писателя, определяемого выбором тех или иных языковых средств для выражения мироощущения и миропонимания, не теряет актуальности, поскольку пополняет корпус лингвистики авторского языка. При изучении идиостиля писателя особое внимание следует обратить на те его черты, которые позволяют дифференцировать узусальные средства передачи мыслей, чувств и их личностно-авторские аналоги, являющиеся маркерами языковой личности, которую определяют как «многослойный, многокомпонентный, структурно упорядоченный набор языковых способностей, умений, готовностей производить и воспринимать речевые произведения» [3, с. 71], то есть носитель языка, обладающий совокупностью системно организованных и разных по качеству речевых умений, которые могут быть реализованы в виде текста. Система языковых особенностей комплекса речевых произведений определенной языковой личности составляет основу понятия «идиостиль», или «индивидуального стиля». В.В. Виноградов отмечает одно из его главных свойств – то, что носитель языка осознанно отбирает языковые средства для достижения нужной ему цели, причем все они находятся в определенных связях между собой: «В «образе автора», в его речевой структуре объединяются все <...> особенности стиля художественного произведения: распределение света и тени при помощи выразительных речевых средств, <...> характер оценок...» [2, с. 23].

Комплексный анализ текстов произведений В.О. Пелевина позволил определить особую черту его идиостиля – семантическую трансформацию отдельных слов – и вместе с тем исследовать само явление преобразования смысловой структуры лексических единиц, изучаемое в большей степени в узком смысле – как переводоведческая категория. Семантическую трансформацию можно также назвать семантическим сдвигом, приводящим к «смысловому расхождению между несовпадающими языковыми подсистемами» [1]. В нашем случае такими подсистемами будут выступать литературный язык,

характеризуемый узуальностью, и язык писателя, обусловленный авторским замыслом и стилистикой его произведений: значение одного и того же слова в этих двух микросистемах может различаться.

Однако, затрагивая вопрос о корректности терминов «семантическая трансформация» и «семантический сдвиг», нельзя не заметить, что первое наименование является в большей степени узкопрофессиональным: этот термин находим во многих переводоведческих статьях и словарях, и означает он «описываемые ситуативной моделью виды преобразований смысловой структуры отдельных слов и высказывания в целом» [4, с. 190], тогда как второе понятие раскрывает сущность исторического процесса дифференциации лексики русского языка, ее деление, например, на литературный язык и территориальные диалекты. Членение же на литературный язык и стиль писателя происходит за рамками ранее названного процесса, к тому же такое разграничение весьма условно: индивидуальный стиль может вбирать в себя языковое богатство всех подсистем языка. Принимая во внимание сложность терминологического обозначения исследуемого понятия, следует понимать явление семантической трансформации буквально, «дословно» – как изменение семантики лексемы.

То, как трансформируется семантика отдельно взятой лексемы рассмотрим на примере анализа лексемы «рывок» в романе В.О. Пелевина «Жизнь насекомых» [6]. В толковом словаре С.И. Ожегова данное слово имеет две дефиниции: «1. Резкое, порывистое движение руками или телом <...> 2. перен. Резкое усилие, нарушающее общий ритм работы» [5, с. 599]. Однако приведенные значения не в полной мере отражают приобретенную в художественном авторском контексте семантику рассматриваемого слова. Рассказчик, за которым стоит автор, так интерпретирует смысловое содержание производного слова «рывок»: *он образовывал это слово от «рыть»*. Перед нами пример расширения семантики лексемы за счет обнаружения ассоциативно-этимологических связей исторически родственных лексических единиц: слово «рывок» в составе словообразовательного гнезда восходит к исходному слову «рвать» [8, с. 393], тогда как «рыть» является суффиксальным производным от той же основы, что и «рвать», лит. *rãuti* «вырывать», ирл. *guam* «лопата» [9, с. 279]. Так отглагольное существительное «рывок» приобретает значение процесса по действию «рыть», а из контекста мы понимаем, что рассматриваемое слово обозначает некое постоянное, в одно и то же время выполняемое дело: *совершал свой дневной рывок*. Однако анализируемая лексическая единица в контексте сохраняет свое основное, словарное значение (см. первую дефиницию). «Рывок» в своей смысловой структуре в данном тексте не утрачивает семы 'резкое', 'движение', 'телом': *быстрыми ударами лап пробивал ход*. Приведенная автором этимологическая справка не есть фиксация нового значения слова, это лишь расширение его семантики за счет новых сем 'периодически повторяющееся', 'с целью копки'.

Если в ранее проанализированном примере семантическая трансформация происходит в силу выявления связей между этимологически родственными лексемами одного и того же языка, то в следующем примере изменение значения слова возникает на основе ассоциативных отношений между единицами из разных языков. В тексте романа «Йа» трактуется писателем как *«священный египетский слог, которым навозники уже много тысячелетий называют свой шар»*. Приведенное значение представляет собой ложную этимологическую справку в сочетании с образным словесным представлением смысла элемента мантры иудаизма. «Йа» (в тексте В.О. Пелевина «Йа») – «это душа» в мантре «Намах Шивайя» [7]. Данное обозначение религиозно-философской категории взято из древнеиндийского языка – санскрита, а не из египетского языка, как утверждает автор. О художественном представлении смысла анализируемого слова можно сказать то, что оно построено на аллегории, на образном соотнесении «Йа» и шара. В данном случае наблюдается некое «номинативное»: *«называют свой шар» «Йа»*, приравнивание двух разных лексем, что совершенно не исключает надъязыковой, символической общности понятий, ими обозначаемых.

Однако значение рассматриваемого слова формируется не только за счет аллегории. В этом процессе принимают участие и прямые утверждения: *Все, что я вижу вокруг, <...> это на самом деле Йа; Если ты говоришь про что-то «Йа», <...> это ты и есть*. Здесь мы видим реализацию противоположных элементов значения, которые дополняют друг друга, составляя смысловую пару «снаружи – внутри»: *вижу вокруг [себя]* (за пределами себя) – *ты и есть* (в себе самом). Отметим, что векторы значения слова раскрывают в большей степени сложность семантики данной лексической единицы, но не в полной мере показывают изменение значения контекстного «Йа» относительно его первоначального религиозно-философского толкования. Разницу проясняет внутритекстовая трансформация семантики рассматриваемого слова.

Для объяснения этого языкового процесса обратимся к когнитивной лингвистике. Именно психологический поворот в жизни детеныша скарабея – разгадка им священной тайны и вместе с тем успешное прохождение инициации – заставляет его называть себя по-иному: не просто «я», а «йа». До этой перемены «Йа» воспринимается юным навозным жуком как нечто абстрактное, непонятное, недоступное, то, что еще предстоит постичь. Данное значение пересекается со сложноорганизованным понятием «душа» (идейным прообразом контекстного «Йа») в таких смысловых качествах, как «умозрительность», «загадочность», «недостигаемость». Здесь «Йа» более всего сравнимо с «душой» в значении «нематериальное». После морального превращения героя во взрослую особь слово «Йа» трансформируется. Во-первых, оно перестает писаться с большой буквы и переходит в разряд имен нарицательных, что указывает на утрату лексической единицей семантики исключительности, неповторимости, на потерю ею статуса особого религиозного наименования. Во-вторых, анализируемая лексема уходит из разряда отвлеченных существительных и начинает выполнять роль личного местоимения «я», графически оформленного в виде транскрипции слова.

Так рассматриваемая лексическая единица обретает новое значение в глазах персонажа. От семантики абстрактного, таинственного, трансцендентного мы приходим к словесно-смысловому постижению конкретного, объяснимого, достижимого. Теперь прошедший инициацию скарабей называет существующую в материальном мире личность (себя самого) духовным понятием «Йа». Герой больше не находится в пространстве вопросительных языковых конструкций (в форме «вопрос – ответ» проходит практически весь его диалог с отцом), он лишен сомнений и готов действовать, на что указывает большая частотность глаголов: *Йа вырасту большой, женюсь, у меня будут дети*. Семантическая трансформация в данном случае происходит в направлении от менее конкретного понятийного смыслового компонента, образующего ядро значения слова, к более определенной, но в то же время широкой семантике: «Йа» – это душа, личность, пребывающая в какой-либо реально существующей материальной оболочке, позволяющей совершать поступки, на практике осуществлять свое жизненное предназначение.

Семантическая трансформация, являясь чертой идиостиля Виктора Пелевина, усиливает изобразительно-выразительную силу других средств языка, создает качественно новый, контекстный план понимания как отдельных фраз, так и целого речевого произведения.

Список литературы

1. Варбот Ж.Ж., Журавлёв А.Ф. Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии. – М.: РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 1998. – URL: http://etymolog.ruslang.ru/doc/etymology_terms.pdf (дата обращения: 09.11.2021).
2. Виноградов В.В. Наука о языке художественной литературы и ее задачи. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. – 51 с.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 261 с.
4. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. – 3-е изд., перераб. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 320 с.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – Екатеринбург: Урал-Советы (Весть), 1994. – 795 с.
6. Пелевин В.О. Жизнь насекомых. – М.: T8Rugram, 2018. – URL: <http://pelevin.nov.ru/romans/re-jisn/> (дата обращения: 09.11.2021).
7. Субрамуниясвами С. Танец с Шивой. Современный катехизис индуизма. – М.: Гелиос. 2001. – URL: https://royallib.com/book/subramuniyasvami_sadguru/tanets_s_shivoy_sovremenniy_katehizis_induizma.html (дата обращения: 09.11.2021).
8. Ульянова О.А. Словообразовательный словарь современного русского языка. – М.: Аделант, 2013. – 512 с.
9. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прозерпина: ТОО «Школа», 1994. – 398 с.

10.02.01

Е.А. Неклюдова

Череповецкий государственный университет,
Гуманитарный институт,
кафедра отечественной филологии и прикладных коммуникаций,
Череповец, eanekliudova@chsu.ru

**СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ
КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИКА
(НА МАТЕРИАЛЕ УСТНОЙ РЕЧИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ
ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)**

В статье представлен сопоставительный анализ стратегий и тактик коммуникативного поведения региональных политиков – мужчин и женщин (на материале устной речи политических деятелей Вологодской области). Определены особенности речевого поведения политиков с точки зрения гендерного фактора. Выделены основные приемы реализации коммуникативных стратегий и тактик.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия, коммуникативные тактики, политическая коммуникация, гендерная лингвистика, Вологодская область.

Введение

Современные политики в борьбе за лидирующие позиции все чаще используют устную форму общения (интервью, пресс-конференция, диалог с народом («прямая линия»)) как наиболее значимую форму для самопрезентации и создания успешного имиджа. Это обусловлено также и тенденциями развития политической коммуникации: благодаря возможностям информационных технологий роль устной речи значительно возросла, поэтому коммуникативный аспект в изучении языковой личности политика имеет для современной лингвистической науки большое значение. Актуальность исследования коммуникативной составляющей объясняется еще и тем, что речевое поведение не только определяет уровень профессиональной компетенции политического деятеля, но и дает возможность с помощью определенных лингвистических средств выявить коммуникативные стратегии и тактики.

Анализ коммуникативных стратегий и тактик позволяет более детально исследовать языковую личность политика, понять, какие идеи он пытается донести до электората, а также определить, какие ценности лежат в основе его языковой «картины мира». Немаловажным аспектом является изучение коммуникативных стратегий и тактик с точки зрения гендерного фактора, поскольку женщин-лидеров в последнее время становится все больше.

В настоящее время понятия «коммуникативные стратегии и тактики» изучены достаточно широко. Исследованием данного феномена занимались такие ученые, как О.Н. Паршина [6], Ю.А. Антонова [1], О.Л. Михалева [4], О.С. Иссерс [3], Т.Е. Янко [7], Т.А. ван Дейк [2] и др.

Новизна нашего исследования заключается в том, что в работе предпринята попытка представить анализ стратегий и тактик коммуникативного поведения региональных политиков в сопоставительном гендерном аспекте.

В качестве объекта исследования было выбрано коммуникативное поведение (устная речь) политических деятелей Вологодской области: Губернатора Вологодской области – О.А. Кувшинникова, председателя Законодательного Собрания Вологодской области – А.Н. Луценко, мэра города Череповца – В.Е. Германова, главы города Череповца – М.П. Гусевой, экс-мэра города Череповца (в настоящее время – члена Совета Федерации) – Е.О. Авдеевой, начальника Департамента образования Вологодской области – Е.О. Рябовой.

Цель работы заключалась в выявлении коммуникативных стратегий и тактик в речевом поведении региональных политиков и описании их гендерных различий.

Материал исследования включает корпус текстов, разных по жанру и тематическому наполнению (интервью, пресс-конференции, «прямые линии», поздравления), в количестве 30 единиц. Общий объем звучания составляет 7 часов.

В выборе методики анализа стратегий и тактик коммуникативного поведения политиков мы руководствовались работами О.Н. Паршиной [6]. Не менее важными для нас стали исследования О.С. Иссерс [3], Т.А. ван Дейка [2]. Единицами анализа стали завершённые по смыслу фрагменты речи политиков, построенные по определенным моделям и включающие наборы специальных лингвистических средств, необходимых для определения вида коммуникативной стратегии и тактики. Под коммуникативной стратегией мы понимаем план речевых действий для достижения определенных коммуникативно-прагматических целей, реализующихся с помощью речевых тактик, основанных на выборе необходимых вербальных и невербальных элементов речи. Речевые тактики – это определенные способы выражения авторских интенций, «...коммуникативные приемы более низкого порядка – коммуникативные (речевые) ходы» [3, с. 114].

Основная часть

Проанализировав стратегии и тактики коммуникативного поведения политических деятелей Вологодской области, мы получили следующие результаты: в речи мужчин-политиков были выявлены 12 основных стратегий (манипулятивная (66%), самопрезентация (45%), аргументативная (45%), информационно-интерпретационная (33%), стратегия формирования эмоционального настроя адресата (24%), агитационная (21%), самозащита (21%), стратегия сдвига (12%), приведение примера (12%), стратегия контраста (3%), усиление (3%), уклонение от ответа (3%).

У женщин-политиков выделено 8 основных стратегий: информационно-интерпретационная (69%), аргументативная (48%), манипулятивная (24%), самопрезентация (21%), стратегия контраста (11%), приведение примера (9%), стратегия сдвига (3%), агитационная (3%), стратегия формирования эмоционального настроя адресата (3%).

Наиболее распространенными стратегиями у мужчин-политиков и у женщин-политиков являются информационно-интерпретационная, аргументативная и манипулятивная стратегии. Однако по частоте использования наблюдаются различия. У мужчин-политиков превалирует манипулятивная стратегия (66%). У женщин-политиков наиболее частотна информационно-интерпретационная стратегия (69%). На втором месте по частоте употребления и у мужчин-, и у женщин-политиков используется аргументативная стратегия. Важно отметить, что частота встречаемости данного вида стратегии у мужчин- (45%) и женщин-политиков (48%) практически не отличается.

Виды коммуникативных стратегий по частоте использования

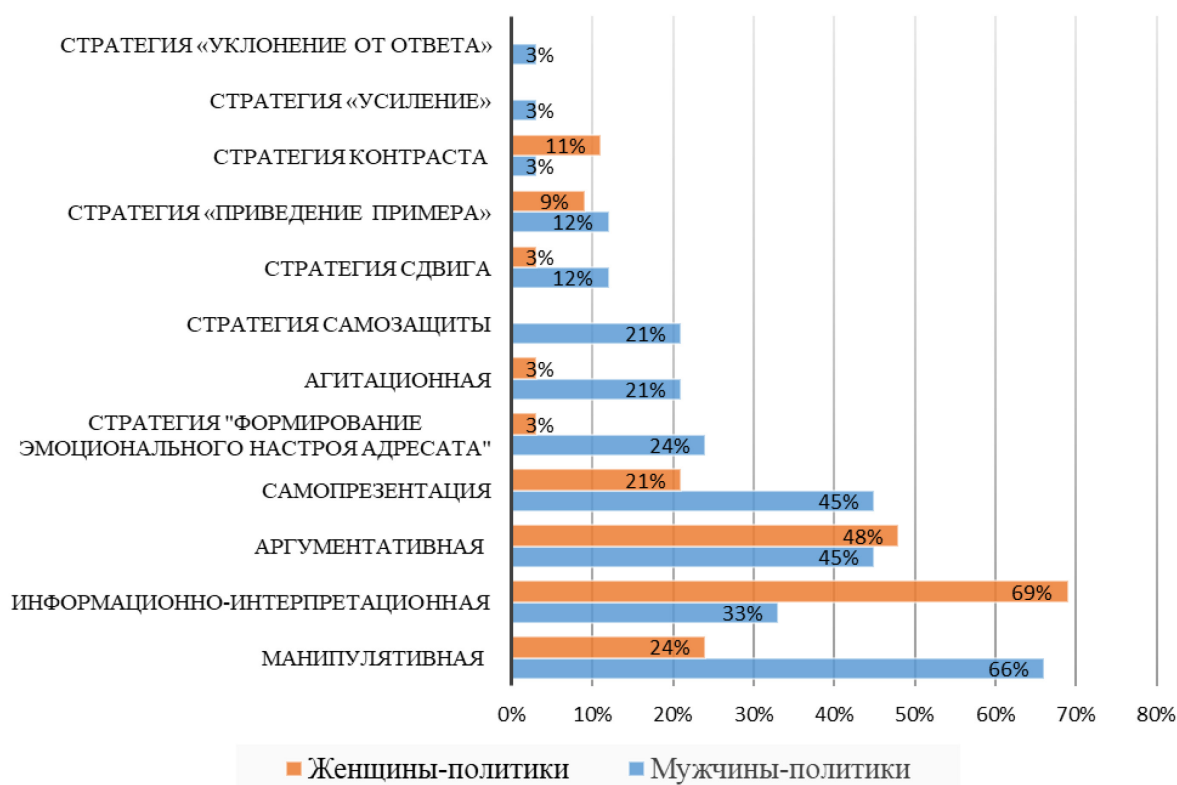

Рис. – Коммуникативные стратегии в речи мужчин- и женщин-политиков

Рассмотрим представленные виды стратегий с точки зрения их реализации в речевых тактиках. Как показало исследование, манипулятивная стратегия в устной речи мужчин- и женщин-политиков реализуется с помощью следующих тактик:

1) комплимент («Сразу скажу, что наши сталеплавы – они **молодцы** – и каждый год прибавляют!») (В.Е. Германов));

2) вовлечение в процесс (прием предполагает частое использование местоимения «мы»): «**Мы** привлекаем членов нашей команды, привлекаем не просто поучаствовать в мероприятиях, **мы** их вовлекаем в принятие управленческих решений. **Мы** с ними обсуждаем все темы, которые так или иначе касаются жизнедеятельности города Череповца...» (Е.О. Авдеева);

3) ссылка на авторитетное мнение («**Мы** прошли очень серьезный путь **при поддержке Министерства здравоохранения, Всемирной организации здравоохранения. Мы получили поддержку гражданского общества** и, конечно, те результаты, которых мы добились, – это главное») (О.А. Кувшинников));

4) самовосхваление («Ну, так как мы объявили дату выборов, наверное, не очень корректно мне будет сейчас говорить по теме выборов в плане выдвижения своей кандидатуры, но раз вопрос прозвучал, **я одержала победу** в рамках предварительного голосования партии «Единая Россия», поэтому, думаю, **партия меня поддержит**, и я планирую избираться по 4 избирательному округу») (М.П. Гусева)).

В речи политиков встречаются и специфические тактики (отличающиеся в гендерном отношении). Так, например, мужчины-политики для достижения своих коммуникативно-прагматических целей используют такие тактики, как:

1) тактика критики с указанием на ошибки («То есть, ну, достаточно сложная ситуация. Потому **это зона ответственности жильцов, они должны принять решения**, как они будут дальше жить и двигаться. То есть они должны создать управляющую компанию, там **ничего нет этого, то есть они находятся в раздумьи. Все равно это ответственность жильцов...**») (А.Н. Луценко));

2) обобщение (выгодное решение представляется как значимое событие): *«Поверьте, мы находимся на правильном пути! Мы в тренде национальной политики!»* (О.А. Кувшинников));

3) тактика согласия (*«Другой вопрос, наверно, с точки зрения организации, он, наверно, правильный, потому что, значит, основные работы такие, которые самые, наверно, сложные, связанные с крышей, и метеоусловия – они ушли на осень, когда у нас, как правило, мы понимаем, что дожди и так далее, погода меняется. Этот вопрос правильный, значит, вопрос планирования, с одной стороны, с другой стороны, значит, есть определенные сложности, когда из-за небольшого объема работ, из-за отсутствия подрядчиков конкурсная процедура на выбор подрядчика на эту работу переносится по срокам и это привело к затяжке сроков и сдвиге на осенний период. В этом есть системная реальная проблема, с которой, в общем-то, мы понимаем ее, соответственно, и будем как-то ее корректировать на будущее, чтобы таких, по возможности, эксцессов не происходило повторно»* (А.Н. Луценко)).

У женщин-политиков в качестве специфических манипулятивных уловок используется тактика «многовопросие», суть которой заключается в использовании вопросов, меняющих ракурс обсуждаемой темы таким образом, что предмет обсуждения теряет свою определенность: *«Надо провести дополнительную договорную кампанию. Нужно определить, как будут содержаться контейнерные площадки, кто за это будет отвечать? Очень много вопросов по индивидуальным жилым домам. Вот эти вопросы именно сейчас рассматриваются и реализуются»* (Е.О. Авдеева).

Некоторые исследователи (О.Н. Паршина [6], О.Л. Михалева [4]) относят к манипулятивной стратегии и более частные стратегии, такие как самозащита, самопрезентация, стратегия контраста, усиление. Мы солидарны с мнением ученых и считаем, что элемент манипулирования также присутствует в стратегиях сдвига, уклонения от ответа, стратегии формирования эмоционального настроения адресата и агитационной стратегии.

По мнению О.Н. Паршиной, информационно-интерпретационная стратегия направлена на выражение содержательно-концептуальной информации и раскрывает авторское понимание различных событий, явлений, фактов [6]. Изучение устной речи женщин-политиков позволило выявить следующие специализированные тактики в использовании информационно-интерпретационной стратегии:

1) тактика акцентирования положительной информации (через повтор): *«Семнадцатый год предполагает решение новых задач. И в сфере образования – это ряд приоритетных проектов. В частности, на федеральном уровне утверждены 4 приоритетных проекта, и государственная политика в области образования выстраивается фактически по принципу адресной поддержки этих проектов»* (Е.О. Рябова);

2) тактика комментирования представлена «высказываниями, поясняющими смысл контекста» [Паршина 2005: 16]. Речевыми маркерами тактики комментирования являются дискурсивные слова (действительно, значит, вместе с тем, возможно): *«У нас есть онлайн-запись. Занимается записью приемная. Поэтому любыми способами можно прийти на прием к любому депутату, встретиться с ним и задать свои вопросы, возможно, обозначить свои проблемы»* (М.П. Гусева);

3) тактика разъяснения (направлена на уточнение дополнительной информации): *«Нужно напомнить, что зачисление в первые классы осуществляется согласно порядку приема в первые классы. Этот порядок утвержден приказом министерства образования. На основании этого порядка муниципалитеты отрабатывают свою нормативную базу, то есть свой порядок, и образовательные организации создают свои локальные акты, в частности, школы... по поступлению в конкретную школу»* (Е.О. Рябова).

У мужчин-политиков информационно-интерпретационная стратегия передается через следующие тактики: признание существования проблемы (в приведенном ниже примере речевым маркером является наречие «неслучайно» в роли предиката), тактика разъяснения

(указание на причины через вводное слово «*первое*» и присоединительную конструкцию «*а вторая...*»), тактика указания на путь решения проблемы (через использование средств когезии: союз «*и поэтому*»), тактика обоснованной оценки (через использование повторов наречия с отрицательной частицей *не* (*не всегда*), а также прилагательных *очевидные* (*вещи*), *основным* (*причинам*), *основных* (*проблем*)): «Формат нового взаимодействия с органами местного самоуправления, градостроительные советы, произошло **неслучайно** по двум **основным** причинам: **первое** – органы местного самоуправления, руководители районов и городов **не всегда** делали для населения **очевидные** вещи, и население **не всегда** их поддерживало. **А вторая** причина, она банальна, у местных властей на решение **основных** проблем территории **не всегда** хватало денег. **И поэтому** мы задумали новый формат – градостроительный совет и начали к нему подготовку» (О.А. Кувшинников).

В речи мужчин- и женщин-политиков выделяются аргументативные стратегии, основной прагматической целью которых является грамотно выстроенная аргументация в свою пользу. Для реализации аргументативной стратегии политические деятели Вологодской области выбирают похожие речевые тактики. К ним относятся:

1) тактика контрастивного анализа (подчеркивание положительных и отрицательных оценок с помощью специальных речевых маркеров – прилагательных в превосходной степени, повторов глагольных форм в прошедшем времени): «Знаете, Вологодская область прошла **тяжелейший финансовый экономический кризис, самый тяжелый вообще в истории нашего региона**. В 2008 году у нас была ярко выраженная моноструктурная экономика... **И когда упали продажи, упала прибыль**, область стала привлекать коммерческие кредиты, для того, чтобы выплатить заработную плату и социальные гарантии для населения. Так долго продолжаться не могло. Мы в 2013 году **оказались на 81 месте по объему государственного долга среди 82 регионов Российской Федерации**. Это была катастрофа. **Поэтому что сделала моя команда, когда мы пришли в Вологодскую область? Мы запустили** антикризисную программу, сократили радикально расходы, **запустили** программу государственной поддержки альтернативных отраслей промышленности, чтобы диверсифицировать экономику. **И это дало свой результат. Мы в прошлом году вошли** в десятку, в топ-10 регионов по объемам бюджета, просто объемов бюджета. **Мы занимаем** третье место в стране по объему профицита бюджета. **Мы вернулись** в двадцатку самых экономически сильных регионов Российской Федерации и занимаем 20 место по объему инвестиций» (О.А. Кувшинников);

2) тактика обоснованных оценок + акцентирование (через употребление слова категории состояния *важно* в роли предиката в сочетании с наречием *очень*, а также союза *и* в пресуппозиции): «**И мы единогласно**, или споря друг с другом, принимали решение по развитию конкретной территории: дороги, мосты, детские сады, школы, ремонт, реконструкция, стройка. **И очень важно**, что по каждому решению мы проводили всенародное голосование. **После этого** рождался протокол, протокол решения градостроительного совета, обязательный к исполнению. **И** глава местного самоуправления сразу же начинал подготовку проектной документации, объявлял конкурс на выбор подрядной организации. **Начинается масштабная стройка, реконструкция по всей территории Вологодской области**» (О.А. Кувшинников).

Заключение

Предпринятый в рамках данного исследования анализ коммуникативных стратегий и тактик региональных политиков показал, что политические деятели Вологодской области используют стратегии, нацеленные на конструктивное общение. Главной задачей политиков является ведение цивилизованного диалога с избирателями, журналистами.

При этом мужчины-политики в большей степени прибегают к манипулятивной стратегии. Основным аспектом данной стратегии является создание собственного положительного образа. С помощью речевых тактик «комплимент», «ссылка на авторитетное мнение», «вовлечение в процесс», «тактика согласия» мужчины-политики стараются создать образ профессионала, грамотно выполняющего свою работу, и добиться симпатии адресата.

Женщинам-политикам Вологодской области важно не только точно и детально донести информацию, но еще и выразить свое отношение к высказываемому, поэтому ведущей стратегией становится информационно-интерпретационная стратегия, а основными речевыми тактиками являются «разъяснение», «комментирование», «акцентирование положительной информации».

Интересными представляются и полученные в ходе проведенного исследования результаты, связанные с тем, что у женщин-политиков не используются стратегии «усиление», «уклонение от ответа», «самозащита», что в определенном смысле противоречит женской природе, склонной к утрированию (усилению) и неоднозначности в своих высказываниях. Это дополнительно подтверждает полученные нами ранее данные [5], согласно которым женщины-политики часто используют мужские стили речевого поведения.

Как видим, коммуникативное поведение региональных политиков представляет собой особое проблемное поле для исследований, а полученные на материале анализа речевого поведения политических деятелей Вологодской области результаты требуют дальнейшего осмысления.

Список литературы

1. Антонова Ю.А. Коммуникативные стратегии и тактики в современном газетном дискурсе (отклики на террористический акт): автореферат дис... канд. филол. наук: Екатеринбург, 2007. 23 с.
2. Дейк Т.А. ван., Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. – М., 1988. – С. 153-211.
3. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М.: УРСС-ЛКИ, 2008. – 288 с.
4. Михалева О.Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: дис. ... канд. филол. наук: Кемерово, 2004. – 289 с.
5. Неклюдова Е.А. Лексикон регионального политика в гендерном аспекте (на материале текстов интервью политиков Вологодской области) // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2020» [Электронный ресурс] / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. – М.: МАКС Пресс, 2020. – URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2020/index.htm (дата обращения: 20.03.2021)
6. Паришина О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дис....д. филол. наук: Саратов, 2005. – 325 с.
7. Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи. – М., 2001. – 384 с.

10.02.01

А.А. Немыка, Е.Н. Рожик С.С. Камшук

Кубанский государственный университет,
филологический факультет,
кафедра русского языка как иностранного,
Краснодар, annemyka@yandex.ru, rozhik_e@mail.ru, sofya_kamshuk@mail.ru

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОСМОНИМОВ
В СОВРЕМЕННОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ
(НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ ПЕСЕННЫХ ТЕКСТОВ):
ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

В статье представлены результаты анализа использования космонимов в современных песенных текстах на материале русского языка. Новизна исследования заключается в том, что в нем раскрыт лингвострановедческий потенциал песенного дискурса при включении в него языковых единиц, репрезентирующих концепт «Космос»; выявлена лингводидактическая целесообразность применения песен в роли учебного текста для развития языковой и коммуникативной компетенций у учащихся различного уровня подготовки, включая обучение русскому языку как иностранному. Авторами представлена собственная точка зрения на критерии отбора фрагментов песенного дискурса в качестве учебных текстов, в том числе с учетом их жанровой специфики.

Ключевые слова: *песенный дискурс; космонимы; концепт «Космос»; лингвокультурология; лингводидактика.*

Одной из ключевых проблем современной лингвистики является описание различных типов дискурса с учетом их функциональных, концептуальных, лингвопрагматических и лингвокультурных параметров. Несмотря на большое количество системных исследований дискурса и текста, остается актуальным направление анализа малоизученных концептов и их репрезентации в различных дискурсивных парадигмах, в том числе песенной. Также представляется весьма востребованным выявление лингводидактических особенностей песенных текстов, специфики их применения в аудиториях различного типа, на занятиях по иностранному языку и русскому языку как иностранному (РКИ), позволяющими максимально проявить лингвокультурные параметры исследуемой дискурсивной целостности. Современные языковеды видят перспективность применения песенных произведений на занятиях, активно разрабатываются дополнительные возможности интеграции данных видов текста в обучение и конкретные способы их внедрения в учебный процесс. Исследователи вырабатывают более точные принципы отбора различных типов художественных текстов, составляют подходящие комплексы упражнений и ищут универсальные формы организации фрагментов занятий, построенных на использовании песен. В связи с этим весьма актуально установление лингвокультурного, функционального и лингводидактического потенциала космонимов в современном песенном дискурсе на материале русскоязычных текстов.

Современные исследователи языка и специалисты сферы лингводидактики не прекращают поиски решения проблемы отхода от «искусственности» обучения, формальных упражнений, не способных развивать у студентов реальные навыки коммуникации и достаточной мотивации к учебному процессу. Но не всегда представляется возможным создание ситуации в аудитории, при которой язык служит инструментом достижения конкретной прагматической цели. Поэтому лингвисты продолжают поиск универсальных средств обучения, соответствующих современным требованиям, мотивирующих студентов к изучению языка и обладающих коммуникативной и лингвокультурной динамикой.

Песенный дискурс в развлекательной форме помогает решить на занятиях не только языковые и речевые задачи, но и экстралингвистические, представляя культуру страны изучаемого языка с привлекательной стороны, оказывая влияние на формирование лингвокультурной компетенции обучающихся. Песня активизирует коммуникативные функции, ускоряет аккультурацию, позволяет быстрее и легче освоить особенности русской языковой картины мира, отраженной в значимых концептах, в число которых входит и концепт «Космос».

В песенном дискурсе как разновидности художественного важна не только семантическая составляющая, но и ритм, рифма, которые усиливают его эмоциональное воздействие и запоминаемость. Также применение песен в обучении связано с их максимальной доступностью для самостоятельной работы, что обеспечивают существующие в открытом доступе музыкальные сервисы, мобильные приложения. С помощью текста определенной песни можно моделировать в представлении студентов типичную коммуникативную ситуацию, определять цель общения, анализировать используемые языковые средства.

Песенный дискурс – это объемный и постоянно обновляющийся источник, в котором для каждой учебной темы можно найти примеры. Он «отображает не только душу народа, но и его историю, традиции, быт, культуру, понятия и нравы, поведение и эмоции» [5, с. 23-25].

Применению элементов песенного дискурса на занятиях, в том числе по русскому языку как иностранному, предшествует рассмотрение следующих лингводидактических проблем:

1. подтверждение перспективности использования песен в процессе обучения для овладения программным материалом;
2. применение песенных текстов при работе над различными аспектами языка (фонетики, грамматики, лексики) и для отработки необходимых навыков в ходе рецептивных и продуктивных видов речевой деятельности;
3. обращение к песне как источнику лингвострановедческих и культурологических сведений;
4. составление критериев отбора песенных произведений для каждого конкретного занятия;
5. создание универсальной методики внедрения песен в учебный процесс;
6. анализ возможных форм организации учебного процесса с применением песен;
7. установление оптимальных уровней владения языком для включения в процесс обучения песен [1, 2, 3].

Можно выделить следующие аргументы в пользу включения фрагментов песенного дискурса в процесс обучения языку, в том числе русскому языку как иностранному:

1. с помощью песни можно демонстрировать речевое поведение в типичной коммуникативной ситуации.
2. работа с песней способствует более быстрому и легкому пополнению лексического и фразеологического запаса, усвоению базовых концептов, к которым относится концепт «Космос»;
3. тексты песни содержат уже знакомую студентам лексику, находящуюся в новом контексте, что способствует её семантизации;
4. с помощью песен можно улучшать и отрабатывать грамматические навыки;
5. вокальная сторона музыкального произведения позволяет усвоить особенности интонирования, фонетики и тонов русской речи;
6. ценный в обучении языку лингвострановедческий потенциал песен способствует быстрой аккультурации;
7. песенный текст может быть представлен в аудитории как в аудио- и видео- форматах, так и в виде текста для чтения;
8. небольшой формат песенных композиций позволяет исключить из работы монотонность и однообразие;
9. стихотворная форма, музыкальное сопровождение, видеоряды упрощают восприятие учащихся, пробуждают интерес и значительно повышают мотивацию к обучению;

10. ритмическая организация, такт, рифма позволяют быстрее запоминать новую информацию, отдельные слова, фразы и даже целые фрагменты текста;

11. тематическое разнообразие песен, возможность выбора наиболее актуальных для студентов жизненных ситуаций из песен (знакомство, расставание, любовь, дружба, жизненные цели, мечты, путешествия и т.д.) повышает их лингво- и общекультурную компетенцию.

Также в песенных текстах частотны случаи употребления имен собственных и реалий страны изучаемого языка, знакомство с которыми способствует формированию социокультурной и лингвокультурной компетенции учащихся [4, с. 174-178]. В связи с этим представляется рациональным и эффективным обращение к космонавтам, активно функционирующим в русском песенном дискурсе. Все популярные русские песни о космосе: «Гимн космонавтов», «Апрельский полет», «Трава у дома», «Большая Медведица», «Если бы на Марсе были города», «Наш веселый экипаж», «Космонавт», «Юрий Гагарин», «И на Марсе будут яблони цвести» - уже в самих названиях содержат лексемы-космонимы, причем от однословных до устойчивых конструкций и прецедентных выражений. Лингвокультурные реалии, связанные с концептом «Космос», демонстрируют уже заголовочные фразы исследуемой парадигмы, а непосредственное обращение к текстовым песенным фрагментам позволяет пополнить словарный запас учащихся десятками лексем и выражений, расширить их представления о русской языковой картине мира.

Также важно отметить, что отобранные материалы должны обладать коммуникативной ценностью текста, а также достаточной степенью аутентичности, информационно-образовательной и лингвокультурной пользой.

В современной языковедческой парадигме песенные тексты как разновидность художественных используются с лингводидактической целью на аудиторных занятиях. Песенный текст выступает в качестве учебного текста для решения комплекса задач и отработки определённого аспекта (произносительного, лексического, грамматического). Поскольку лексемы, репрезентирующие концепт «Космос», в современном русском песенном дискурсе представлены разнообразно, качественно и количественно, их активная интеграция в процесс обучения языку является весьма перспективной.

Список литературы

1. Максимова О.В. Русская песня: от романса до русского рока. Учебные материалы по курсу «Лингвокультурология» для иностранных студентов, изучающих русский язык. – Санкт-Петербург, 2007. – 68 с.
2. Орлова Н.Ф. Совершенствование устной речи студентов старших курсов с использованием музыкальной наглядности: дис. канд. филол. наук. – Санкт-Петербург, 1991. – 370 с.
3. Стернин И.А. Песня и русское общение // Коммуникативные исследования: жанр. – Воронеж: Истоки, 2004. – Вып. 18 – С. 3-6.
4. Толстова Н.Н. Использование песен на уроках РКИ // Молодой учёный. – Казань, 2016. – №17. – С. 174-178.
5. Трофимова Г.Н. О пользе пения на уроке // Русский язык за рубежом. – М., 2001. – № 1. – С. 23-25.

*10.02.01***Ж.Ю. Шацкая**

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
факультет иностранных языков,
кафедра иностранных языков для специальных целей,
Омск, zhanna-shats@yandex.ru

МЕТОНИМИЯ КАК ЯЗЫКОВАЯ ФОРМА ОПИСАНИЯ ОБРАЗНОГО КОМПОНЕНТА КОНЦЕПТА «МОДА»

В данной работе представлены результаты исследования образного компонента концепта «Мода» через метонимические модели. Полученные результаты указывают на распространенные метонимические образы. К ним относится образ модной вещи, деятельности, способа выражения.

Ключевые слова: метонимия, образный компонент, концепт.

В связи с тем, что в лингвистике когнитивный аспект выдвигается на центральное место, внимание ученых направлено на изучение роли метафоризации и метонимизации как особых когнитивных операций, участвующих в процессах концептуализации и категоризации предметов и явлений внешнего и внутреннего мира человека.

Очень близка к метафорической концептуализации и метонимическая, которая может быть рассмотрена как еще один вариант образной концептуализации мира и как языковая форма описания образного компонента концепта.

Метонимия также как и метафора имеет многовековую историю. Первые трактовки метонимии появляются в античные времена. Аристотель и Цицерон называют выражения метонимическими, в «которых вместо точно соответствующего предмету слова представляется иное с тем же значением, заимствованное от предмета, находящегося с данным в теснейшей связи [1, с. 234].

Согласно традиционному подходу, метонимию определяют как троп – средство создания образности (В.В. Виноградов, И.Р. Гальперин, Е.А. Некрасова, Э.Г. Рябцева, Н.Г. Чиршева, Р.О. Якобсон и др.). В рамках структурно-семантического подхода метонимия считается средством вторичной номинации (И.В. Арнольд, Н.Д. Арутюнова, М.В. Никитин, З.Д. Попова, В.Н. Телия и др.). Представители логического направления (В.Г. Гак, А. Дармстетер, Ж. Дюбуа, А.А. Потебня и др.) выявляют логические операции, лежащие в основе семантического сдвига.

С позиции когнитивного подхода, метонимия является средством, с помощью которого можно понять процессы мышления. Метонимия воспринимается как «один из принципов организации обыденного мышления и определенный способ концептуализации и категоризации действительности» [7, с. 4]. Метонимия выступает инструментом в концептуализации категорий и признается языковым механизмом организации языковой картины мира.

Автономное изучение когнитивного аспекта метонимии началось сравнительно недавно. Ученые отмечают, что «метонимический механизм играет огромную роль в когнитивной деятельности человека ... и представляет собой когнитивную операцию» [4, [http:// www.ssu.samara.ru](http://www.ssu.samara.ru)]. Метонимия наряду с метафорой считается важнейшим источником ментальных процессов в области индивидуального и коллективного самосознания.

Для метонимии особое значение имеет ментальная операция «перефоку-сировки, или сдвига фокуса внимания» [8, с. 257-311], происходящего в сознании говорящего при концептуализации и вербализации того или иного предмета или явления. Так, раскрывая

сущность метонимии как когнитивного процесса, Е.В. Падучева отмечает: «Метонимию обычно определяют как перенос по смежности» [6, с. 190].

В семантическом плане метонимия соотносится с непересекающимися классами единиц, т.е. заменяемое и заменяющее понятия не имеют общей семантической части, но находятся в одном функциональном пространстве. Иначе говоря, происходит перенос «названия с одного класса объектов или единичного объекта на другой класс или отдельный предмет, ассоциируемый с данным предметом по смежности» [2, с.17].

Полагаем, что возможно рассматривать метонимию как языковую форму описания образного компонента концепта.

Под концептом мы понимаем «единицу коллективного знания/сознания (отправляющую к высшим духовным ценностям), имеющую языковое выражение и отмеченную этнокультурной спецификой» [3, с.70]. Согласно трехчастной методике С.Г. Воркачева, при моделировании концепта выделяют три компонента: понятийный, образный и ценностный. Особый интерес представляет образный компонент, поскольку образная репрезентация более точно передает особенности восприятия определенных явлений, зафиксированных в сознании носителей языка и отраженных в языке. Метонимические образы вносят существенные дополнения в содержание образного компонента концепта, помогают понять сущность образного компонента как ментального образования, в котором отражается специфика того или иного этноса.

В качестве материала для изучения были проанализированы тексты эфира программы «Модный приговор» (1 канал), тексты электронных модных журналов, корпуса русского языка, книги Ланы Капризной «Записки из модного дома». Согласно проведенному исследованию образного компонента концепта «Мода» было выделено несколько актуальных метонимических моделей.

Метонимическая модель «Мода – это модная вещь». Данная модель репрезентирует моду как предмет одежды и обуви для создания внешнего вида: «Мода – это брюки, которые удлиняют ноги, мода – это юбка, которая вас стройнит, мода – это платье, которое женщина надела, распустила крылья за спиной и полетела вперед к успеху и счастью» («Модный приговор», 1 канал, 15.02.18).

Метонимическая модель «Мода – это вид деятельности/занятие». Метонимически мода выражает профессию: «Мода – это наша профессия. Нас, как иезуитов, специально учат цинизму» («Записки из модного дома», стр.66), занятие через термины, которые принято использовать в деловых кругах: «Мода в настоящее время – это не только дизайн. Это маркетинг, продажи, реклама, промоушен» (<http://www.osinka.ru>).

Метонимическая модель «Мода – это способ выражения/образ действия». Мода связана с образом жизни: «Мода – это манера жить. Манера жить в данную эпоху» (<http://ruscorpora.ru>), продолжением прежнего существования: «И теперь мода для них – это лишь способ оставаться самим собой – модными, стильными и счастливыми» (<http://aula.ru>), способом выражения индивидуальности: «Мода для меня – это самовыражение» (<http://lookatfashion.ru>).

Итак, анализ образного компонента концепта «Мода» позволил выявить ряд метонимических моделей. Наиболее распространенными метонимическими образами являются образ модной вещи, деятельности, способа выражения. Метонимические образы репрезентируют моду как часть общества, поскольку в них отображаются основные потребности, тенденции, направления, деятельность человека.

Список литературы

1. Античные теории языка и стиля. Антология текстов / под ред. О. М. Фрейденберга. – СПб., 1996. – 362 с.
2. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. – М., 1963. – 251 с.
3. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – №1. – С. 64-72.
4. Илюхина Н.А. Роль метонимии в интерпретации концептосферы «человек» (на материале ментальной модели «вместилище» / Н. А. Илюхина. – URL: <http://www.ssu.samara.ru /vestnik /gum / 2002 web3 /yaz /20023/601/htm> (дата обращения: 27.03.2020).
5. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем : пер. с англ. / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
6. Падучева Е.В. Метафора и ее родственники / Е. В. Падучева // Сокровенные смыслы. Слово, текст, культура : сб. ст. в честь Н. Д. Арутюновой. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С. 187–203.
7. Рунова Н.В. Когнитивные основы образования новых метонимических значений существительных (на материале английского языка) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Рунова ; Моск. гос ун-т. им. М.В. Ломоносова. – Калининград, 2006. – 25 с.
8. Talmy L. Toward a Cognitive Semantics. Vol. 1. Concept Structuring Systems / L. Talmy. – Cambridge, Massachusetts ; L., England : MIT Press, 2003. – 1076 p.

10.02.01

И.В. Шерстяных

ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»,
педагогический институт,
кафедра филологии и методики,
Иркутск, irkinna@yandex.ru

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ МЕТАПОКАЗАТЕЛЯ «ШУТКА»: ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье описываются условия вербализации метатекстовых элементов «шутка», «шуточка», «шутить» в речи носителей русского языка. На обширном лексикографическом и речевом материале предпринята попытка определения роли названных метамаркеров, включенных в относительно устойчивые сочетания, в процессе речеобразования. Установлено, что «шутка», «шуточка», «шутить» реализуют ряд дискурсивных функций: помогают идентифицировать речевой жанр, вербализируют рефлексия говорящего по отношению к высказыванию, с их помощью осуществляется фатическая функция.

Ключевые слова: метамаркер, метапоказатель, речевая рефлексия, речевой жанр, шутка.

Ключевым этапом в процессе создания высказывания является сознательный выбор слова, подходящего для конкретной речевой ситуации. Словесный выбор может вербализироваться и комментироваться автором. Объектом изучения в этих случаях является само «высказывание о высказывании» и речевая рефлексия автора, что объясняет наименование *мета-*. Именно такие случаи представляют научный интерес для филологии.

Актуальность исследования определяется повышенным интересом и пристальным вниманием различных гуманитарных наук к теории метатекста, а также необходимостью анализа и классификации высказываний, выполняющих функции речевой рефлексии.

Как отмечает Т. В. Шмелева, «все метакатегории <...> – соответствующие имена и глаголы речи – появляются в модусе высказывания, когда это кажется автору необходимым...» [13, с. 28-29].

Объектом нашего изучения выступают метапоказатели, включающие такие элементы, с помощью которых говорящий квалифицирует, интерпретирует, идентифицирует, оценивает собственное и чужое высказывание, реализуя тем самым такие свойства коммуникации, как диалогичность, оценочность и рефлексивность.

Цель настоящего исследования – определить условия экспликации в речи адресанта и адресата метакомпонентов *шутка, шуточка, шутить*.

Сфера бытования лексем *шутка, шуточка, шутить* в русской разговорной речи достаточно обширна. Мы хотели бы остановиться на регулярном использовании данных лексем в стереотипных ситуациях, приводящих к идиоматизации их значений.

В работе впервые представлены результаты выборки и принципы систематизации устойчивых единиц с метакомпонентом, что может лечь в основу составления идеографических словарей, посвященных подобным единицам. Это определяет новизну и практическую значимость исследования.

В качестве материала исследования использован обширный современный словарный и речевой материал. Из словарей русского языка [1-3; 5; 7-12] с привлечением материалов «Национального корпуса русского языка» [6] методом сплошной выборки были извлечены фразеологические единицы с компонентами *шутка, шуточка, шутить*, всего 43 единицы. Из них только два фразеологизма: *шутить с огнем* [12, с. 180] и *не на шутку* – о некотором эмоциональном или физическом состоянии [11, с. 617], обладающие яркой оценочностью, не являются метапоказателями. Все остальные представляют собой метамаркеры, имеющие в лингвистике статус вводно-модальных слов, отражающие такое важное свойство языка, как

рефлексивность, которая понимается как «способность языка описывать самое себя» [4, с. 52].

Ряд устойчивых метамаркеров обнаружен сразу в нескольких лингвистических словарях и в корпусе русского языка: *шутка* <ли> *сказать* [2, с. 773; 3, с. 1510; 5, с. 398; 6; 7, с. 395; 11, с. 616; 12, с. 537], *кроме шуток* [1, с. 660; 3, с. 1510; 6; 11, с. 617; 12, с. 537], *не на шутку* [1, с. 660; 3, с. 1510; 6; 11, с. 617; 12, с. 537], *шутка ли* [3, с. 1510; 5, с. 398; 6; 7, с. 395; 12, с. 536], *в шутку* [1, с. 660; 3, с. 1510; 6; 10, с. 798], *шутки в сторону* [3, с. 1510; 6; 11, с. 616; 12, с. 537], *шутки плохи* [3, с. 1510; 6; 11, с. 616; 12, с. 537], *плоская шутка* [2, с. 773; 6; 8, с. 737; 9, с. 964], *не шутка* [3, с. 1510; 6; 12, с. 536], *сыграть шутку* [1, с. 660; 6; 3, с. 1510], *шутка шуткой (шутки шутками)* [3, с. 1510; 6; 12, с. 537], *без шуток* [1, с. 660; 6; 12, с. 537]; *шутки шутить* [3, с. 1510; 6; 12, с. 536].

Согласно данным обратного ассоциативного словаря русского языка, 167 стимулов вызвали ассоциат *шутка*, большинство из которых конкретизирует диктумное содержание речевого жанра (далее РЖ) «шутка» (*смешно, смех, смеяться, улыбаться, хохотать, юмор, сюрприз*), дает оценочную характеристику данному жанру (*глупая, веселая, едкий, каверзный, нелепый, новая, плоская, пошлая, чушь* и др.), вербализирует «имя» смежного РЖ (*анекдот, прибаутка, прикол, байки, брехня, враки, загадка, насмешка, намек, утка* и др.) [9, с. 964].

Как видим, большинство устойчивых словесных комплексов вербализирует терминологическое обозначение речевого жанра – *шутка*, однако участие в языковом оформлении метакомпонента *шутка* не всегда является квалификатором данного жанра.

В зависимости от выполняемой функции устойчивые сочетания с компонентами *шутка, шуточка, шутить* объединяются в следующие функционально-семантические группы.

Многочисленны примеры фразеологических единиц, содержащие в качестве метакомпонента обозначение собственно речевого жанра «шутка»: *сморозить шутку* [6; 9, с. 964]; *выкинуть шуточку* [6; 9, с. 964]; *шутки шутить* [6; 3, с. 1510; 12, с. 536]; *отыгрываться шутками* [1, с. 660]; *шутки в сторону* [3, с. 1510; 6; 11, с. 616; 12, с. 537]; *конец шуткам* [6; 9, с. 964]; *шутка шутке рознь* [8, с. 737; 9, с. 964]; *шутки бывают разные* [8, с. 737; 9, с. 964]; *шутка юмора* [6; 8, с. 737; 9, с. 964]; *это шутка* [6; 9, с. 964].

Метамаркеры *сморозить шутку, выкинуть шуточку, шутки шутить, отыгрываться шутками* передают рефлексивность говорящего относительно речевого поведения в плане создания высказывания определенного речевого жанра.

Назначение метакомпонентов *шутки в сторону, конец шуткам, шутки кончились* – показать, что в дискурсе происходит переключение речевых регистров: жанр, распознанный как шутка, завершен, «начинается» другой речевой жанр, противоположный по коммуникативной цели предыдущему.

С помощью метавысказываний *шутка шутке рознь; шутки бывают разные* и конвенционального плеоназма *шутка юмора* дается оценочная характеристика «продуктам» речевого жанра «шутка».

Необходимость в метатекстовом показателе *это шутка* возникает в случае, когда важно, чтобы речевой жанр был идентифицирован адресатом правильно, в соответствии с коммуникативным намерением говорящего.

Многочисленную группу составляют эмоционально-оценочные метапоказатели, представляющие собой вербальные оценочные знаки, передающие рефлексивность говорящего относительно особенностей РЖ «шутка»: *веселая шутка* [6; 8, с. 737; 9, с. 964]; *глупая шутка* [6; 8, с. 737; 9, с. 964]; *острая шутка* [8, с. 737]; *пошлая шутка* [6; 8, с. 737; 9, с. 964]; *плоская шутка* [2, с. 773; 6]; *так себе шуточка* [6], *расхожая шутка* [6], *шутка на грани* [6], *злая шутка* [6]; *безобидная шутка* [6]; характеризующие речевое поведение в этом жанре: *и в шутку и всерьез* [2, с. 773]; *не до шуток* [3, с. 1510; 6]; *шутки плохи* (с кем-либо / чем-л.) [3, с. 1510; 11, с. 616, 12, с. 537]; *сыграть злую шутку* [2, с. 773]; *сыграть шутку* [1, с. 660, 3, с. 1510]; *что за шуточки?* [6].

Отдельную группу составляют устойчивые сочетания, представляющие собой метатекстовые маркеры, оформляющие рефлексивность говорящего по отношению к

собственному высказыванию: *без шуток* – ‘вполне, совершенно серьезно’ [6; 12, с. 537]; *в шутку / ради шутки* ‘ради смеха, забавы, развлечения’ [6; 10, с. 798]; *кроме шуток* – указание на то, что сказанное говорящим, вопреки вероятным и обоснованным сомнениям собеседника, соответствует действительности и является искренним, как бы будучи отделенным от несерьезного [6; 11, с. 617]; *не шутка* – ‘очень важно, серьезно, не пустяки’ [6; 12, с. 536]; *не шутя* ‘всерьез, по-настоящему’ [6; 12, с. 537]; *шутка шуткой (шутки шутками)* [3, с. 1510; 6; 12, с. 537]; *шутка <ли> сказать* [3, с. 1510; 5, с. 398; 6; 11, с. 616; 12, с. 537], *даже можно шутя сказать* [6]. Прибегая к данным метапоказателям, говорящий комментирует собственное высказывание, указывая на его характер и значимость, и одновременно дает установку на то, как воспринимать сообщаемое, ориентируя слушающего на правильное восприятие высказывания.

Синкретичными по своему характеру являются эмоционально-рефлексивные метамаркеры *шутка ли* [3, с. 1510; 5, с. 398; 6; 7, с. 395; 12, с. 536], *это вам не шуточки!* [6]; *Какие уж тут шуточки!* [6], подчеркивающие важность, значительность или трудность, сложность, серьезность сказанного.

Как фатические показатели, служащие для вовлечения собеседника в акт коммуникации и речевой рефлексии по поводу сказанного, нами определяются следующие устойчивые высказывания: *<вы> шутите <?>* [6; 9, с. 964]; *<ты> шутишь <?>* [6]; *всё шутишь* [6]; *коли не шутишь* [6]; *шутить изволите* [11, с. 615]; *дошутишься* [6].

Близки к фатическим метакомпонентам междометное выражение *Чем черт не шутит* – ‘о допустимости, возможности непредвиденного, самого неожиданного’ [12, с. 520] и не фиксируемые фразеологическими словарями, имеющие высокочастотное дискурсивное употребление, выражения: *Ничего себе шуточки!* [6]; *Это вам не шутки!* [6]; *<И> я <далеко>не шучу* [6]. Данные метамаркеры содержат оценку степени общности сообщения. С помощью этих компонентов говорящий предлагает взглянуть на сообщаемое как на нечто непривычное, из ряд вон выходящее.

Выделенные группы вербализации метапоказателей *шутка, шуточка, шутить* с учетом реализуемой с их помощью установки можно еще более обобщить, объединив в три разряда (см. таблицу).

Таблица - Функции метапоказателей *шутка, шуточка, шутить*

Функция метапоказателя	Характер установки говорящего	Примеры устойчивых метамаркеров
Квалификация речевого жанра	Оценка содержания речи	<i>сморозить шутку; выкинуть шуточку; шутки шутить; отыгрываться шутками; шутки в сторону; конец шуткам; шутка шутке рознь; шутки бывают разные; шутка юмора; это шутка; веселая шутка; глупая шутка; острая шутка; пошлая шутка; плоская шутка; так себе шуточка; расхожая шутка; шутка на грани; злая шутка; безобидная шутка; и в шутку и всерьез; не до шуток; шутки плохи (с кем-либо / чем-л.); сыграть <злую> шутку; что за шуточки?; шутка ли</i>
Рефлексия говорящего по отношению к собственному высказыванию	Оценка внешней стороны речи	<i>без шуток; в шутку / ради шутки; кроме шуток; не шутка; не шутя; шутка шуткой (шутки шутками); шутка <ли> сказать; даже можно шутя сказать; шутка ли; это вам не шуточки!; какие уж тут шуточки!</i>
Фатическая функция	Вовлечение собеседника в акт коммуникации и речевой рефлексии	<i><вы> шутите; шутишь?; всё шутишь; коли не шутишь; шутить изволите; дошутишься; чем черт не шутит; Ничего себе шуточки!; Это вам не шутки!; <И> я <далеко>не шучу</i>

Исследование показало, что вербализация метакомпонентов «шутка», «шуточка», «шутить» связана с реализацией речевой рефлексии говорящего по отношению к идентификации речевого жанра, оценке содержания высказывания, манеры и характера изложения, коммуникативного намерения с целью адекватного восприятия сказанного со стороны адресата, а также используется как инструмент фатики.

Метамаркеры *шутка*, *шуточка*, *шутить*, входящие в ряд устойчивых сочетаний, выступающие эксплицитными репрезентантами метатекста, представляют собой автокомментарий речевого поведения, не включающий в себя функцию структурирования высказывания, а направленный на непосредственную речевую рефлексию (объяснение и уточнение выбора слова, обоснование коммуникативных целей, субъективная оценка высказывания и т. д.).

Список литературы

1. *Абрамов Н.* Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. – М.: Русские словари: АСТ: Астрель: Хранитель, 2006. – 667 с.
2. *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. – 926 с.
3. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб: Норинт, 2008. – 1536 с.
4. *Гурочкина А.Г.* Метаязык, метакоммуникация, метатекст (к объему содержания понятий) // Когнитивные исследования языка. – Вып. 5. Исследование познавательных процессов в языке. – М., 2009. – С. 52-57.
5. Объяснительный словарь русского языка: структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы / под ред. В. В. Морковкина. – М.: Астрель: АСТ, 2003. – 421 с.
6. Поиск в Национальном корпусе русского языка. – URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html>
7. *Рогожникова Р.П.* Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову. – М.: Астрель: АСТ, 2003. – 416 с.
8. Русский ассоциативный словарь: [в 2 т.]. Т. 1. От стимула к реакции / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева и др. – М.: Астрель: АСТ, 2002. – М.: Астрель: АСТ, 2002. – 784 с.
9. Русский ассоциативный словарь: [в 2 т.]. Т. 2. От реакции к стимулу / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева и др. – М.: Астрель: АСТ, 2002. – М.: Астрель: АСТ, 2002. – 992 с.
10. Словарь сочетаемости слов русского языка / под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. – М.: Астрель: АСТ, 2005. – 811 с.
11. Фразеологический объяснительный словарь русского языка / под ред. А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М.: Эксмо, 2009. – 704 с.
12. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. – М.: Сов. Энциклопедия, 1968. – 543 с.
13. *Шмелева Т.В.* Семантический синтаксис: текст лекций из курса «Современный русский язык». – Красноярск: Красноярск. гос. ун-т, 1994. – 47 с.

10.02.04 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

10.02.04

¹Т.В. Алейникова, ²Н.В. Горохова, ³И.Н. Третьякова

¹Омский государственный технический университет,
факультет гуманитарного образования,
кафедра «Иностранные языки»,
Омск, tanya_aleynik@mail.ru,

²Российский государственный университет нефти и газа
(научный исследовательский университет) имени И. М. Губкина,
факультет гуманитарного образования,
кафедра иностранных языков,
Москва, n.gorokhova@nxt.ru,

³Московский городской педагогический университет,
институт иностранных языков,
кафедра английской филологии,
Москва, irina-kub@yandex.ru

**РЕТЕРМИНОЛОГИЗАЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
(НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕРМИНОВ НЕФТЕГАЗОВОГО ДИСКУРСА)**

Статья посвящена изучению процесса ретерминологизации лексических единиц в нефтегазовом дискурсе. Исследование лексического корпуса нефтегазовой терминологии позволило провести анализ исследуемого материала и установить, что ретерминологизация является продолжением процесса детерминологизации, выступая источником пополнения языкового массива предметной области знания, а также процесса транстерминологизации, ведущим к преобразованию семантики определенного слова-термина. Результаты исследования показали, что поиск и выявление терминов, подвергающихся ретерминологизации, затруднено и требует диахронического анализа сведений и систематизации специального лингвистического знания. Выводы, сделанные относительно процессов ретерминологизации, подтверждены результатами практической работы, которая проводилась на факультетах нефтегазовых направлений подготовки РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина.

Ключевые слова: *терминологизация, детерминологизация, транстерминологизация, ретерминологизация, нефтегазовый дискурс.*

Инновационные методы и технологии в специальных научных и профессиональных областях приводят к появлению новых терминов, их популяризации среди населения, что, в свою очередь, ведет к пополнению терминологического корпуса прикладного дискурса [7, с. 367]. Процесс ретерминологизации является одним из способов пополнения предметной сферы и представляет собой заимствование специальной единицы из естественнонаучной терминосистемы, промежуточным этапом которой является детерминологизация терминов [8, с. 330]. В процессе детерминологизации, слову придается новый терминологический характер, и оно становится «собственностью» другой терминосистемы [2, с. 52]. Позже под ретерминологизацией начали понимать разновидность транстерминологизации [8, с. 332], т.е. возвращение термина из той предметной области знания, куда он был перенесен, в «собственную» сферу, но уже с обновленным значением, сформировавшимся у него в другой отрасли знаний [6, с. 203]. Многие эксперты в области лингвистики утверждают, что термины одной специальной сферы могут переходить в другую с полным или частичным переосмыслением значения, которое обусловлено

ассоциативно-метафорическими преобразованиями семантики термина [3, с. 96; 7, с. 368]. Ретерминологизация также рассматривается как повторный переход лексической единицы в том или ином значении из языковой системы определенного языка в терминосистему языка для специальных целей [5, с. 6-7].

Анализ эмпирического материала показал, что выявление процессов ретерминологизации лексических единиц в нефтегазовом дискурсе затруднен, в терминосистеме зафиксированы отдельные примеры ретерминологизации, которые требуют тщательного исследования и специального лингвистического описания. Так, термин **redundancy** (*избыточность*) получил новую семантику, и именно процесс ретерминологизации обусловил наличие у лексической единицы по крайней мере три новых переосмысленных значения: 1) *the provision of additional or duplicate systems, equipment, etc., that function in case an operating part or system fails – предоставление дополнительных или дублирующих систем, оборудования и т.д., которые функционируют в случае выхода из строя рабочей части или системы*; 2) *the degree of predictability created – степень предсказуемости или вероятности появления элемента/единицы* [9]; 3) *superfluous repetition or overlapping – повторная (многократная) передача одной и той же информации* [1, с. 167].

Традиционно считается, что процесс ретерминологизации обусловлен развитием, сменой и совершенствованием научных теорий [4, с. 169]. Примером может послужить представление о терминоединице **noosphere** (*ноосфера*) – *the highest stage of biospheric development, its defining factor being the development of humankind's rational activities* (высшая стадия развития биосферы, определяющим фактором которой является развитие рациональной деятельности человечества), обозначающей качественно новую форму организованности, существующую на основе философии и техники и, возникающую при взаимодействии природы и общества [9]. Переосмысление термина произошло с зарождением и развитием экологической дисциплины и ее внедрения во многие направления нефтегазовой деятельности, где понятие ноосферы было углублено и дифференцировано.

Анализ такого явления как ретерминологизация показал, что этот процесс затрагивает многие аспекты человеческой деятельности. Переход терминов в новый статус является источником появления у специальных слов новых значений, которые позволяют им функционировать в профессиональной сфере, причем переосмысленные термины, как правило, больше соответствуют требованиям, предъявляемым к термину, чем специально созданные терминологические единицы [8, с. 331].

Преобразование лексической единицы в новый термин происходит в несколько этапов, в ходе которых учитывается исходное значение преобразовываемой единицы, выявляются какие-либо сходные черты, позволяющие на основе этой схожести образовать новую терминологическую единицу [4, с. 118]. Как показывает исследование, основой для образования терминов становятся слова, относящиеся к общенаучной или технической областям.

Одной из основных причин процесса ретерминологизации становится несоответствие современных языковых единиц темпу и скорости развития различных областей человеческой деятельности, которые предназначены отражать представление об окружающей действительности. Само понятие объективной реальности меняется, возникает ее новое представление, отражающее совокупность нелинейных процессов, ее образ и опыт общество должно передать последующим поколениям посредством гуманитарной науки. В результате и под влиянием взаимодействия многих научных, прикладных и лингвистических систем, начинается пересмотр многих концептуальных понятий, термины переходят из одной предметной области в другую, приобретая новые значения или подвергаются переосмыслению [8, с. 331].

Проведенный анализ нефтегазового дискурса показал, что несмотря на мнение некоторых ученых, терминосистема является постоянно и динамично развивающейся структурой языка, и термины могут переходить в другие профессиональные сферы. Поиск корректного аналога терминоединицы в языке перевода требует изучения всех его дефиниций, а также контекста.

Для англоязычных нефтегазовых терминов характерно наличие от 2 до 5 значений одного термина, что требует аккуратного и точного подбора перевода исходного варианта.

Явление ретерминологизации характеризует нефтегазовый дискурс как динамическую систему, подчиняющуюся лингвистическим законам, характерным любому языку для специальных целей. Рассмотренный языковой материал демонстрирует невысокую продуктивность этого процесса. Приведенные примеры свидетельствуют о сложности и многогранности взаимоотношений различных областей науки и об экстралингвистических причинах процесса ретерминологизации.

Список литературы

1. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. 2-е изд. М.: УРСС, 2004. 571 с.
2. *Бельчиков Ю.А.* Интернациональная терминология в русском языке. М.: Учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 1959. 80 с.
3. *Володина М.Н.* Когнитивно-информационная природа термина (на материале терминологии средств массовой информации). М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. 127 с.
4. *Горохова Н.В.* Англоязычная терминология трубопроводного транспорта в социоллингвистическом освещении: дисс. ... канд. филол. наук. Омск: ОмГТУ, 2012. 208 с.
5. *Лейчик В.М.* Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: URSS, 2007. 254 с.
6. *Суперанская А.В.* и др. Общая терминология: Терминологическая деятельность. М.: Едиториал УРСС, 2005. 288 с.
7. *Gorokhova N.V.* (2019) Peculiarities of English Oil and Gas Terminology. In: Anikina Z. (eds) Going Global through Social Sciences and Humanities: A Systems and ICT Perspective. GGSSH 2019. Advances in Intelligent Systems and Computing, vol 907. Springer, Cham. pp 367-372.
8. *Gorokhova N.V.* (2020) Determinologization and transterminologization processes in modern oil and gas discourse. In: European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. NININS 2020. International Scientific Forum «National Interest, National Identity and National Security» 10-12 March, 2020, volume 102. European Publisher. pp 329-335.
9. <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/redundancy> [Электронный ресурс]. (дата обращения: 04.10.2021).

10.02.04

Е.В. Бутенко, Г.А. Циммерман

Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения,
факультет экранных искусств,
кафедра иностранных языков,
Санкт-Петербург, elena.butenko.54@mail.ru, galazimmer@list.ru

СТИЛЕВАЯ ЦИТАЦИЯ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В КИНОДИАЛОГЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

В работе представлены результаты изучения специфики стилевой цитации пословичных единиц в художественном языке, и в кинодискурсе в частности. Встраиваемые в речь персонажей пословицы могут несколько модифицироваться, соотносясь с ситуацией общения и целевой установкой высказывания, что, по сути, и составляет прием их стилевой цитации. Видение этого приема актуально в кинопереводе, поскольку сохранение паремиологического обогащения высказывания требует подбора соответствующих языковых средств для узнавания в цитируемом отрезке его проverbsального прототипа.

Ключевые слова: *пословица, стилевая цитация, лингвостилистические средства, киноперевод.*

Художественное воспроизведение разговорной речи является ее эстетическим переосмыслением, возможным, по словам Т. Г. Винокур, «благодаря переводу коммуникативной ситуации бытового общения в художественную коммуникативную ситуацию» [3, с.201]. Содержание высказывания преобразуется композиционно, в системе образов, в характерах и, кодируясь отобранными и обработанными языковыми средствами, получает обновленное воплощение. В частности, «печать художественной обработки» лежит на широко употребительных в речи персонажей паремиологических единицах, характеризуемых И.Р. Гальпериным как «эмоционально-образные ресурсы языка» [5, с. 141]. В связи с этим, целью исследования является определение лингвостилистических приемов введения в кинотекст необходимых для типовых ситуаций элементов общения — пословиц, фиксирующих «ценностные приоритеты общества и предписываемые модели поведения в различных ситуациях повседневной жизни». [6, с. 32] Вследствие своей общеизвестности и общепризнанности пословичные единицы включаются в высказывания персонажей как неопровержимое цитируемое суждение, о чем свидетельствуют примеры из кинотекста анимационного фильма “The Lion King. Hakuna Matata” («Король Лев. Акуна Матата»).

Так, в высказывании мудрой обезьяны Рафики, «Remember, the journey of a thousand miles begins with the first step» (Помни, путешествие в тысячу миль начинается с первого шага) пословичная единица приспособляется к ситуации общения привлечением начального, анафорического элемента “Remember”, который, выполняет эвокативную функцию, напоминая неоспоримую истину. За кажущейся бесшовностью включения пословицы в матрицу кинодиалога стоит стилистический контраст, появляющийся на стыке цитатного и нецитатного пластов, последний из которых представлен однословно — “Remember”. В индивидуальной речи, по словам И. В. Арнольд, «стиль языка характеризуется определенными статистическими параметрами в отношении лексики и синтаксиса» [1, с.322] — фактор, который может быть использован для существенного увеличения экспрессии фразы. Так, нейтральный стиль предельно сжатого немаркированного члена стилистической оппозиции, контрастируя с лексико-семантической насыщенностью и развернутостью цитатного пласта, становится фоном для восприятия стилистически окрашенного, преднамеренно возвышенного, произносимого с особым пиететом содержания пословицы.

Ситуативные условия коммуникации и ролевая структура общения интегрируют пословицу как актуальную составляющую диалогического единства. По особой филиации мысли реагирующая реплика мамы Тимона “Thanks. Here's my first step!” (Спасибо. Вот мой первый шаг!) посредством иконического компонента, изображающего ее дерзкий прыжок на хвост почтенного мандрила, а также буквального повтора словосочетания “first step” «размораживает» спаянность элементов, то есть целостность и устойчивость пословицы. Иронически низвергаются нарочитая величавость и назидательное мудрование, поскольку для поисков сына необходимо другое — безотлагательные действия. Столкновением конкретного смысла и обобщенного, присущего паремии, реализуется прием двойной актуализации значения, и порождаемый при этом каламбур выполняет свое функционально-семантическое и людическое (игровое) предназначение. Таким образом, приемом экспликации сохраняется содержание исходной пословицы и, более того, извлекается возможность ее развертывания в нетривиальное диалогическое единство. Этот выявленный эмпирическим наблюдением метод может быть эффективно реализован в поликодовом тексте, что составляет научную новизну исследования.

Вариабельность пословиц как проявление законов жанра вследствие изустного способа их передачи приводит к приумножению самоподобных единиц. Отправной точкой появления наставительного изречения “Friends stick together to the end”, повторяемого главными персонажами, послужил некий пословичный прототип, структурно-семантическая устойчивость которого, допуская некоторую смысловую вариабельность, породила внутренне присущее, имманентное содержание. В частности, обусловленное спецификой пословичного изложения, соблюдение структурно-синтаксической полноты и развернутости сосредотачивает основной акцент именно на конечном компоненте. Первый и последний элементы цельнопредикативной конструкции, связанные как тема и рема, выстраивают композиционную рамку, в которой сжато и четко сформулирован важнейший ценностный принцип социальных отношений. Семантическая значимость всех и каждого компонента: “friends”, “together”, “to the end” акцентирована приемом сцепления на фонологическом уровне — это ассонанс звука [e], обеспечивающий слаженность, выразительность и ритмичность звучания.

Русскоязычный эквивалент «Дружба — это верность до конца», передает структурно-синтаксическую завершенность и семантическую емкость наставительного суждения в форме максимы — определяющего принципа, которым следует руководствоваться в своих поступках. Итак, стилевая цитация паремиологических единиц допускает также использование перифрастического приема, приводящего к «изменению модели и лексического наполнения при неизменности содержательной стороны» [4, с. 13].

Приемом стилевой цитации пословица “Pride goes before a fall” («Гордыня предшествует падению») сворачивается в эллиптированную формулу – сентенцию или апофегму – краткое, меткое нравоучительное изречение: “From Pride Rock to the pit of shame” (Со скалы гордыни в яму позора). Для определения этого – имплицитного – приема применимо описание и выводы Э. М. Береговской: «субституции подвергаются все или почти все полнозначные компоненты пословицы, и от нее остается голая семантико-синтаксическая схема» [2, с.234]. В анализируемом высказывании, несмотря на словесные показатели, в значительной степени отчуждающие сентенцию от имплицитного прецедентного текста, глубоко запрятанная цитатность обнаруживается посредством структурно-семантического инварианта и единственного извлекаемого из пословицы элемента “pride”, которые отсылают память к исходному провербиальному прототексту.

Производность сентенциозной формулы подтверждается смысловым тождеством назидательного изречения, структурой причинно-следственной связи, соблюдением определенной заданности лексических средств. В частности, результатом появления эмерджентных лексем “rock” и “pit” стал процесс диссипации, семантико-стилистического рассредоточения, сформировавшего двухзвенные номинации, в составе которых узуально не антонимичные “pride” и “fall” включились в отношения полярности, построив

выразительную антитезу. Более того, стохастический приток элементов обусловил двойную актуализацию значений, при которой конкретные, ситуативно привязанные, иконические смыслы, взаимодействуют с характерной пословичной метафоричностью и обобщенностью, поддерживая эксплицитно не присутствующее суждение.

В ходе исследования стилевой цитации пословицы установлены основные способы ее включения в кинодискурс: экспликация, парафраза, импликация. Стилевую пословичную цитату отличает стилистически маркированная фрагментарность, созданная уникальным отбором и обработкой языковых средств, которые, тем не менее, демонстрируют определенные закономерности: структурно-семантическую двухчастность, рекуррентный метод отбора лексических единиц и синтаксических конструкций, ситуативно-обусловленную прагматическую направленность.

Перспективы дальнейшего изучения и практического применения стилевой цитации и имплицитного приема, в частности, открываются в наиболее востребованном виде киноперевода – субтитровании, основными характеристиками которого являются языковая компрессия и семантическая емкость содержания. Фиксация и художественная обработка соответствующих лингвостилистических средств, обеспечивающих видение ассоциативной связи цитатного пласта и традиционной формы пословицы, предоставляют зрителю возможность их одновременного параллельного прочтения. При этом стилизованное выражение, результат индивидуального творчества, сохраняя аллюзию на языковой стандарт, действует гораздо более зримо и весомо.

Список литературы

1. Арнольд И.В. *Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов* / И. В. Арнольд. – 12-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2014. – 384 с.
2. Береговская Э.М. *Стилистика однофразового текста: на материале русского, французского, английского и немецкого языков* / Э. М. Береговская. – М.: Ленанд, 2015. - 334 с.
3. Винокур Т.Г. *Закономерности стилистического использования языковых единиц* / Т. Г. Винокур – М.: Книжный дом «Либроком», 2019. – 242 с.
4. Гак В.Г. *Языковые преобразования: виды языковых преобразований. Факторы и сферы реализации языковых преобразований* / В. Г. Гак. – Изд. 2-е, испр. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. - 407 с.
5. Гальперин И.Р. *Очерки по стилистике английского языка. Опыт систематизации выразительных средств. Изд. стереотип.* – М.: Книжный дом «Либроком», 2016. – 376 с
6. Корнилов О.А. *Бицзы – «наброски кистью». Сборник статей о языке и культуре* / Корнилов О. А. – М.: ИД «КДУ»: Университетская книга, 2016. – 260 с.0

10.02.04

¹В.Е. Глызина канд. филол. наук, ²И.В. Пашаева канд. филол. наук,
³А.В. Федорюк канд. филол. наук

¹ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет»,
кафедра иностранных языков,

²ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет»,
кафедра иностранных языков № 2,

³ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»,
кафедра иностранных языков и лингводидактики,

Иркутск, vecotd@yandex.ru, pashaeva@istu.edu, fedoryuk@rambler.ru

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ИНТЕНСИФИКАТОРОВ В ДИСКУРСЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Настоящая статья касается исследования роли фразеологических интенсификаторов в эмоциональном дискурсе языковой личности. Подробно описан процесс коммуникации, направленный на самовыражение языковой личности с целью воздействовать на адресата. Описаны типы как внутренних, так и внешних речевых актов, ярко демонстрирующие цели, мотивы, установку и интенциональность языковой личности. Делается вывод о том, что фразеологические интенсификаторы, включённые в дискурс языковой личности, играют важную роль усилителя оценочной ситуации, тем самым, способствуя достижению иллюкативной силы.

Ключевые слова: языковая личность, фразеологические интенсификаторы, интенциональное состояние, эгоцентрированный дискурс.

Проблема исследования коммуникативно-прагматических параметров фразеологических интенсификаторов в дискурсе интерактивной языковой личности привлекает к себе всё больше внимание ученых. Это связано, на наш взгляд, с интересом к вербальной деятельности субъекта, поскольку именно язык является средством самовыражения субъекта или воздействия на адресата.

Мы придерживаемся точки зрения Ю.Н. Караулова, который под языковой личностью понимает личность, наполненную углубленным и насыщенным дополнительным содержанием. Выражая своё отношение к определенным принятым нормам ведения дискурса, языковая личность способна творчески использовать в своих речевых актах то, что она осознает [4]. Также, мы проверили постулат исследователей, которые считают каждый дискурс творческим процессом, созданным развитой языковой личностью, состоящий из таких уровней как вербально-семантический, лингво-когнитивный и мотивационный [1], [5], [6], [8]. Важным моментом в языковом дискурсе личности является тот факт, что данное понятие включает весь процесс коммуникации, который фиксируется за достаточно долгий период времени этого говорения [2], [3]. Пример, взятый из романа Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» («The Catcher in the Rye»), ярко демонстрирует этот процесс [10]. В своём дискурсе, как во внешнем, так и во внутреннем, главный герой Холден Колфилд использует большое количество фразеологических интенсификаторов. Мы попытались ответить на вопрос, какова же цель использования языковой личностью такого числа фразеологических интенсификаторов и какова их роль в данной коммуникации.

Для начала, рассмотрим речевой акт Холдена Колфилда с точки зрения мотивации, которая отражает прагматикон языковой личности, а именно, цели, мотивы, установку и интенциональность. Холден Колфилд, выражая свое отношение к миру и, в частности, к собеседнику, использует определенный тип дискурса – нарративный. Но, в то же время, он спорит, отстаивая своё мнение, свои жизненные ориентиры. В связи с этим, в дискурсе мы

видим элементы аргументации, что позволяет нам говорить о смешанном типе дискурса, а именно нарративно-аргументативном. Этот тип характеризуется в данном речевом акте двумя видами: внешним и интериоризованным. Именно интериоризованный тип речевого акта определяет языковую личность, имеющую богатый эмоционально-интеллектуальный внутренний мир, насыщенный переживаниями. Речь Холдена представлена внутренним монологом, в котором мы наблюдаем как раскрывается духовная и моральная сторона языковой личности. С точки зрения З.А. Кузневич, личность откровенна во внутреннем дискурсе, поскольку внутренний мир невозможно наблюдать во внешнем речевом акте [7]. Внутренний дискурс Холдена Колфилда позволяет нам понять его внутренний мир, то интенциональное состояние, которое свойственно подростковому возрасту, а именно, острое ощущение любой фальши и неправды, связанной с действительным и кажущимся. Основное слово, позволяющее нам видеть интенциональный горизонт языковой личности, является *phony* (фальш, липа). В дискурсе Холдена Колфилда присутствуют оценки и самооценки, которые демонстрируют его идеалы и ценности, а также помогают самоутвердиться. Такой эмоционально-оценочный речевой акт о самом себе можно охарактеризовать как эгоцентрированный дискурс. Согласно Л.П. Чахоян, эгоцентрированные высказывания делятся на дескриптивные и реляционные [9]. В дискурсе демонстрируются дескриптивные эгоцентрированные высказывания, в которых мы наблюдаем фразеологические интенсификаторы, описывающие физическое поведение: **as hell, hell out of**. Также, дискурсу Холдена характерна активность, которая проявляется в бурных эмоциональных переживаниях, которая, в свою очередь, воздействует на окружающих. Из этого можно сделать вывод о том, что речевая деятельность Холден Колфилд характеризует персонаж, как эмоциональную языковую личность. Необходимо констатировать, что в дискурсе языковой личности доминируют интенциональные состояния сожаления, уныния и печали. Его дискурс направлен на обвинение общество в низменных, вымышленных и идиллических образах, которые люди представляют в театре и кино. Холден осуждает публику, которая так падка на лживость. В представленном нарративном дискурсе, мы можем наблюдать интенциональные состояния ненависти, которые касаются театра и кино. Два следующих примера представляют собой последовательные ассертивные речевые акты, наполненные иллюкутивной силой и, в которых, прослеживается стратегическая установка. 1. I hate phony movies. The part that got me was, there was a lady sitting next to me that cried all through the goddam picture. The phonier it got, the more she cried. You'd have thought she did it because she was kindhearted **as hell**, but I was sitting right next to her, and she wasn't. She had this little kid with her that was bored **as hell** and had to go to the bathroom, but she wouldn't take him. 2. You never saw so many phonies in all your life. ...The audience applauded **like mad**. All these angles start coming out of the boxes and everywhere, guys carrying crucifixes and stuff all over the place, and the whole bunch of them- thousands of them – singing "Come All Ye Faithfull!" **like mad**. Big deal. It's supposed to be religious **as hell**, I know, and very pretty and all, but I can't see anything religious or pretty, for God's sake, about a bunch of actors carrying crucifixes all over the stage. В первом примере представлен речевой акт, в котором описана сцена кинотеатра. Второй пример демонстрирует макропропозиции, описывающие театральное представление празднования Рождества. Вербализуя своё интенциональное состояние недовольства, раздражения, ненависти, языковая личность использует такую речевую стратегию, которая усиливает данное состояние. В данном случае, усилителем оценочной ситуации являются синтаксические повторяющиеся фразеологические интенсификаторы *like mad*), лексические (*big deal, thousands of them, bunch of them, bunch-of actors*) и фразеологические средства усиления (*like mad, as hell* и *like hell*).

Ненависть Холдена распространяется также и на учебное заведение, в котором герой раньше учился. Фрагмент аргументированного дискурса, который касается школы, характеризуется интенциональным состоянием ненависти. Это состояние можно проследить в разговоре Холдена с учителем истории Спенсером. Данный речевой акт представляет некую макростратегию языковой личности, цель которого состоит в том, чтобы оправдать

свой уход из школы. Для достижения своей цели Холден использует определенную речевую стратегию, а именно, ассертивные речевые акты. На наш взгляд, использованные ассертивы, играют ключевую роль в данном дискурсе. Холден выдвигает аргументы, пытаясь сформировать аналогичную оценку у собеседника за счёт его чувств и эмоций, т.е. за счёт оценочной, коннотативной, эмоционально-окрашенной лексики (*bastard*, *goddam*, *crazy*). Также используется морфологические средства усиления, а именно, превосходная степень сравнения прилагательных *big* и *phony*; лексическо-морфологические: квантификатор *ten times* со сравнительной степенью прилагательного *bad*; фразеологический интенсификатор *as hell*.

Таким образом, из вышеизложенного можно сделать вывод, что дискурс языковой личности, в лице Холдена Колфилда, являясь определённой исповедью, отображает самораскрытие человека изнутри, которое достигается благодаря фразеологическим интенсификаторам, выражающим экспрессию личности. Можно констатировать, что фразеологические интенсификаторы в дискурсе языковой личности являются определённым стратегическим средством для языковой личности в достижении иллокутивной цели и следовании избранной речевой стратегии.

Список литературы

1. Баребина. Н.С. Аргументация как языковая деятельность (Биоконитивный подход) // Вестник Северо-Восточного федерального университета им М.К. Аммосова. 2017. № 1 (57). С. 78.
2. Баребина Н.С. Лингвистический дизайн научной картины теории аргументации. // Проблемы концептуальной систематики речи и речевой деятельности. Материалы X Всероссийской научной конференции. 2018. С. 11-17.
3. Баребина Н.С., Костюшкина Г.М., Фан Чжиюн Векторы аргументативной ориентации в изучении динамики языковых аспектов политического медиадискурса. // Известия Байкальского государственного университета. 2021. Т. 31. № 1. С. 98-102.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 262 с.
5. Кравченко А.В. Коммуникация и язык: некоторые соображения о предметной области коммуникативистики. // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2013. Т. 2. № 1. С. 4-9.
6. Кравченко А.В. Эпистемологическая ловушка языка. // Вестник Томского государственного университета. 2016. Т. 3. № 41. С. 14-26.
7. Кузнецов З.А. Языковая личность в литературно художественном дискурсе Эрнеста Хемингуэя: Автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.04 / ИГЛУ. Иркутск, 1999. 22 с.
8. Туранский И.И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. М.: Высшая школа, 1990. 172 с.
9. Чахоян Л.П. Личность адресанта в высказываниях о самом себе // Язык, дискурс и личность. Тверь: Изд-во Тверского госуд. ун-та, 1990. С.73-79.
10. Salinger J.D. The Catcher in the Rye. London: Penguin Books Ltd., 1994. 192 p.

10.02.04

И.Т. Закиева

Башкирский государственный университет,
факультет романо-германской филологии,
кафедра английского языка и межкультурной коммуникации,
Уфа, fate_94@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ АВТОРСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КУРТА ВОННЕГУТА
“КОЛЫБЕЛЬ ДЛЯ КОШКИ” И “СИРЕНА ТИТАНА”**

В данной работе рассматривается роль авторских неологизмов в процессе самоорганизации текста.

Ключевые слова: *неологизмы, окказионализмы, способы образования.*

Многokrатно и многими учеными уже было сказано, что язык – это сложнейшая система, находящаяся в непрерывном развитии, живущая по своим внутренним законам. Неологизм – это одно из явлений, еще раз подтверждающее непрерывный фактор развития языка. Изменение мира непременно будет отражаться и в языке. Чем быстрее и больше меняется мир, тем глобальнее будут изменения в языке. Появление неологизмов обусловлено изменением окружающей действительности. С появлением неологизмов идет обогащение лексической стороны языка.

Среди многочисленных определений неологизмов наиболее интересными представляются следующие их описания.

Л.И. Тимофеев и С.В. Тураев определяют неологизм как “новообразованное слово или словосочетание”. Авторы также подчеркивают, что появление неологизмов является следствием развития науки и техники, изменения общества [1].

Определение, данное в словаре Современного русского языка звучит следующим образом: “неологизм – слово или оборот речи, созданные для обозначения нового предмета или выражения нового понятия” [2].

Наконец, у В.С. Виноградова “неологизм – это сохраняющие окраску новизны лексически единицы и значения слов, вошедшие в язык благодаря общественной необходимости для номинации новых предметов и понятий, а также для новых наименований уже известных объектов мысли” [3].

Все данные определения объединяет то, что неологизмами считаются новые слова, появление которых затребовано для наименования нового предмета.

Говоря о неологизмах, представляется целесообразным также затронуть тему окказионализмов. Не существует единого мнения относительно статуса этих двух определений, также, как и не существует единого мнения в любом спорном вопросе лингвистики. Часть исследователей противопоставляет эти термины, а часть их соотносит.

При трактовке окказионализмов основное их отличие от неологизмов заключается в том, что они являются фактами речи, в то время как неологизмы – это факты языка [4]. Большинство ученых склоняется к мнению о том, что неологизмы со временем входят в язык и теряют свою новизну, в то время как окказионализмы лишены этого свойства – они живут в рамках конкретного контекста и не получают широкого развития. Так, например, у Лыкова А.Г. перечислены следующие основные признаки окказионализмов:

1. Окказионализмы принадлежат к речи.
2. Творимость окказионализма
3. Словообразовательная производность
4. Функциональная одноразовость

5. Экспрессивность окказионального слова
6. Номинативная факультативность (необязательность)
7. Синхронно-диахронная диффузность
8. Индивидуальная принадлежность, то есть принадлежность окказионализма конкретному автору
9. Ненормативность окказионального слова [5].

Данная работа ставит целью изучить особенности авторских неологизмов в таких произведениях Курта Воннегута как “Сирены Титана”, “Колыбель для кошки”. Феномен произведений Курта Воннегута привлекает внимание исследователей уже более полвека. Попытки объяснить его творчество неизбежно заводят в тупик. Курта Воннегута можно отнести и к писателям-фантастам, и к сатирикам, и к юмористам. Некоторые критики описывают его произведения как “телеграфно-шизофренические”, что звучит достаточно интересно, учитывая их фрагментарность и необычный характер повествования. Чтение произведений писателя требуют у читателя значительных мыслительных усилий, которые вознаграждаются пониманием того, что в произведениях раскрыта поразительно мудрая оценка жизни. Главный сатирик XX века осуждает войну, призывает к гуманизму, затрагивает и проблемы экологии.

Романы писателя насыщены неологизмами. Интерес к изучению темы неологизмов не ослабевает. Было проанализировано 26 неологизмов из 2-х произведений Курта Воннегута “Колыбель для кошки”, “Сирены Титана”.

Таблица 1 – Способы образования неологизмов в романах Курта Воннегута.

Окказионализм	Перевод	Определение	Способы образования
1. Foma	фома	безобидная ложь	семантический способ
2. Bockonist	Боконист	последователь религии Бокона	аффиксация
3. Bockonism	Боконизм	религия	аффиксация
4. Karass	карасс	группы, на которые разбито человечество. Выполняют Божью волю. <i>Karass</i> не имеет преград.	семантический способ
5. Kan-kan	Канкан	первичное событие, благодаря которому человек обретает свой карасс	Семантический способ
6. Calypso	Калипсо	стихотворение, в котором изложены основные принципы Боконизма	Семантическая деривация
7. Sinookas	Синуусики	невидимые связи между членами одного карасса.	Семантический способ
8. Wampeter	вампитер	событийная ось, к которой притягиваются члены одного карасса.	Семантический способ
9. Vin-dit	Вин-дит	внезапный толчок по направлению к боконизму и понимание того, что Бог всё про тебя знает и у него есть на тебя планы.	Семантический способ
10. Wrag-wrang	Ранг-ранг	анти-пример, человек, который отваживает людей от определённого образа мыслей тем, что примером своей жизни доводит этот образ мыслей до абсурда.	Семантический способ

11. duprass	дюпрасс	особо гармоничный карасс из двух человек	Семантический способ
12. granfallon	гранфаллон	ложный карасс, бессмысленный	Семантический способ
13. Book-maru	Бoko-мару	Ритуал, состоит в соприкосновении с другим человеком пятками	Семантический способ
14. Zah-mah-ki-bo	За-ма-ки-бо	Судьба, неумолимый рок	Семантический способ
15. Borasisi	Борасиси	Солнце	Семантический способ
16. Pabu	Пабу	Луна	Семантический способ
17. duffle	Пуфф	Судьба 1000 людей, доверяющих дурре	Семантический способ
18. stuppa	дурра	Ребенок, заблудившийся во тьме	Семантический способ
19. saroon	саронгировать	Поддаться требованиям вин-дита	Семантический способ
20. sin-wat	Син-ват	Человек, который хочет забрать себе всю чью-то любовь	Семантический способ
21. granfalloonery	Гранфаллонство	Существование ложного карасса	Аффиксация от granfallon
22. pool-pah	Пууль-па	1. Дождь из дерьма 2. Гнев Божий	Семантический способ
23. Hook-hy-u-o-ook-kuh	Курюка (крюк)	Слово “крюк” на местном наречии	Фонетический способ
24. chronosynclastic infundibulum	Хроносинкластическая инфандибула	Воронка, попадая в которую, человек оказывается размазанным в пространстве и времени	словосложение
25. Trafalmadore	трафальмадор	Название планеты	Семантический способ
26. harmonium	Фисгармония	жители планеты Меркурии	аффиксация

При анализе данных единиц (см. Таблица 1) удалось установить, что большинство из них образованы с помощью семантического способа образования (73%). Оставшиеся окказионализмы образованы с помощью аффиксации, словосложения, фонетического способа.

Главный вопрос заключается в том, для чего автор вводит в свои произведения неологизмы, какую они выполняют функцию.

Н.Г. Бабенко выявляет шесть причин, которые способствуют созданию окказионализмов художниками слова:

- 1) необходимость точно выразить мысль;
- 2) стремление автора кратко выразить мысль (в таком случае новообразование позволяет заменить словосочетание и даже целое предложение);
- 3) потребность подчеркнуть свое отношение к предмету речи, дать ему свою характеристику, оценку;
- 4) стремление деавтоматизировать восприятие (своеобразный облик слова обращает внимание на его семантику);
- 5) потребность избежать тавтологии;
- 6) необходимость сохранить ритм стиха, обеспечить рифму, добиться нужной инструментальности [6].

В этих произведениях неологизмы в первую очередь выполняют номинативную функцию – потребность назвать какой-либо объект названия, которому нет в реальном мире. Это объясняется фантастическим характером произведения, действие которого происходит на других планетах, населенных вымышленными существами (“Сирены Титана”). Кроме того, явно прослеживается функция создания атмосферы (термины новой религии в произведении “Колыбель для кошки”).

Список литературы

1. Тимофеев Л.И., Тураев С.В. Словарь литературоведческих терминов. – М: Просвещение, 1974. – с.238
2. Розенталь Д.Э., Голуб К.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык. – 11-е изд. М.: Айрис-пресс, 2009. – 448 с.
3. Виноградов В.С. Лексикология испанского языка. – М: Высшая школа, 2003. – с. 99
4. Несветайло Ю.Н. Трактовка понятий “неологизм” и “окказионализм” в современной научной парадигме [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/traktovka-ponyatiy-nelogizm-i-okkazionalizm-v-sovremennoy-nauchnoy-paradigme> (дата обращения 12.12.21)
5. Лыков А.Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово): учебное пособие для филол.фак. ун-тов. – М.: Высшая школа, 1976. - с 11-35
6. Бабенко Н.Г. Окказиональное в художественном тексте: структурно-семантический анализ: учебное пособие. – Калининград, 1997. – с 5.

*10.02.04***Н.М. Залесова, Е.Ю. Баженова, Т.Ю. Ма, М.А. Зуева**

Амурский государственный университет,
факультет международных отношений,
кафедра перевода и межкультурной коммуникации,
Благовещенск, znm80@list.ru, bazhenova@list.ru, tdovnar@mail.ru

ИСЛАМСКИЕ РЕАЛИИ И ИХ РОЛЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Х. ХОССЕЙНИ «THE KITE RUNNER»)

Данная статья посвящена исследованию исламских реалий на материале романа Х. Хоссейни “The Kite Runner”. В результате анализа данного произведения выделено 5 видов реалий: бытовые, ономастические (антропонимы и топонимы), этнографические, реалии государственно-административного устройства и общественной жизни и реалии мира природы. В статье определена роль реалий в создании национально-культурного колорита художественного произведения: они позволяют создать нужную атмосферу, воссоздавая особенности природного ландшафта, религии, образования и т.д. Делается вывод о том, что реалии являются компонентом фоновых знаний читателя, необходимых для понимания иноязычного текста. Недостаточное знание событий в истории страны, ее важнейших персоналий приводит к непониманию сравнений и исторических ссылок, и, в конечном итоге, к срыву коммуникации в рамках художественного текста.

Ключевые слова: *реалия, виды реалий, антропонимы, топонимы, национально-культурный колорит.*

Исследование реалий представляет большой интерес в связи с их ролью транзиттеров культурных особенностей нации. Их семантика отражает обычаи носителей языка, местный характер и традиции. Национальные реалии, вплетенные в канву художественного текста, делают его более реалистичным, правдоподобным и создают нужную атмосферу и колорит.

Новизна данного исследования заключается в том, что исламские реалии были исследованы только отчасти на материале романа Х. Хоссейни “The Kite Runner”. Всестороннее рассмотрение различных видов реалий в исследуемом произведении позволяет лучше понять исламскую культуру, национальное своеобразие Афганистана, что имеет как практическую значимость, так и теоретическую.

Роман Х. Хоссейни «The Kite Runner» – дебютный роман, изданный в 2003 году. История разворачивается в Афганистане в 70-е годы в мирное время и в период ввода войск Советского Союза. Эта история о дружбе и предательстве, о добре и жестокости, о хозяине и слуге, о родном доме и иммиграции. Главные герои проходят серьезные испытания, которые преподносит им жизнь, и не всегда выходят из них победителями.

Роман пронизан реалиями, которые помогают автору передать особенности культуры, религии, природного ландшафта Афганистана. Они позволяют увидеть все своеобразие исламского народа, их традиции и обычаи.

Обзор научной литературы позволяет делать вывод о том, что существует достаточно большое количество подходов к определению реалий и способам их классификации. Наиболее значительный вклад в развитие темы внесли: С. Влахов и С. Флорин [2], Г.Д. Томахин [3], В.С. Виноградов [1] и другие.

В.С. Виноградов называет реалии лексикой, несущей фоновую информацию. Под фоновой информацией ученый понимает «социокультурные сведения, характерные лишь для определенной нации или национальности, освоенные массой их представителей и отраженные в языке данной национальной общности» [1, с. 87]. Он делит реалии на следующие группы: бытовые реалии; этнографические и мифологические реалии; реалии мира природы; реалии государственно-административного устройства и общественной жизни; ономастические реалии; ассоциативные реалии.

В исследованном произведении было отобрано 90 реалий, которые были распределены по группам на основе классификации, предложенной В.С. Виноградовым.

Рассмотрим выделенные группы более подробно. Значительное место в романе занимают бытовые реалии (35%). Они описывают одежду местных жителей (*chapan, turban*), пищу и напитки (*kofa, naan, mantu, pakora, kabob, nihari*), бытовые заведения (*kabob house*), транспорт (*rickshaw, paykan*), мероприятия (*kite-fighting*), праздники (*Eid Al-Adha, Eid-e-Qorban, ElCid, Yelda, Jadi, Kursi*), речевой этикет (*mashallah, inshallah, salaam alaykum, agha sahib, khoda hafez, bachem, khala, mullah*), литературы (*the Shahnameh, ghazal*) и музыку (*ahesta boro, rubab*).

Бытовые реалии воссоздают национальный колорит, отражают культурную самобытность страны и народа. Так, реалии речевого этикета (*mashallah* – машалла, *salaam alaykum* – саялам алейкум, *khala* – хала, *kaka* – кэка, *khoda hafez* – хода хафез) описывают отношения между младшим и старшим поколением, уважительное отношение к родным людям и незнакомцам. Например, восклицание *машалла* используется, когда нужно что-то или кого-то похвалить, и при этом не сглазить, не навредить; саялам алейкум – приветствие, которое в переводе означает «Мир вам». В следующем примере, автор объясняет смысл местного обращения, используя эквиваленты английского языка: “Baba had taught me at a young age to call any older male **Kaka**, or Uncle, and any older female, **Khala**, or Aunt.” («Баба с раннего детства приучил меня обращаться к взрослым мужчинам «**Кэка**» – дядя, а к женщинам «**Хала**» – тетя»).

В романе часто встречается обращение Mullah (Мулла). Данная реалия используется в качестве уничижительного термина, который употребляется по отношению к малограмотному, отсталому человеку. Знание того, что означает данная реалия, позволяет понять, как относятся к Хасану, слуге главного героя Амира, члены общества.

Названия праздников и торжеств (*Dhul-Hijjah* – Зуль-Хиджа, *Shirini khor* – Ширини-хори, *Eid Al-Adha* – Ид аль-Адха, *Yelda* – Ильда, *Jadi* – Джади) знакомят с обычаями и традициями Афганистана. Так, месяц Зуль-Хиджа является одним из высокочтимых месяцев у мусульман. Это один из четырёх запретных месяцев (Раджаб, Зуль-Хиджа, Зуль-Каада, Мухаррам), в течение которого Всевышний Аллах запретил войны, конфликты, кровную месть. Особенно ценными являются первые десять дней этого месяца. Месяц Зуль-Хиджа содержит главный праздник мусульман – Ид аль-Адха (Курбан-байрам), приходящийся на 10-е число.

В романе достаточно много реалий, обозначающих пищу: *naan* – наан, *kofa* – кюфта, *pakora* – пакора, *mantu* – манты, *nihari* – нихари. Данные реалии позволяют понять пищевые привычки афганцев, их кулинарные обычаи и традиции. Так мы узнаем, что наан – это квасная, запеченная в духовке лепешка, а кюфта – род фрикаделек, сделанных преимущественно из баранины; пакора – это оладьи со специями; а нихари – тушеная баранина или говядина с соусом карри. Следует отметить, что нихари – это традиционное блюдо мусульман, которое обычно подают на поздний завтрак. Местные люди непременно употребляют все блюда, упомянутые выше, и их упоминание в романе делает его более правдоподобным и реалистичным.

Реалии литературы (*Shahnameh* – Шахнаме, *ghazal* – газель), музыки (*Ahesta boro* – ахеста боро, *rubab* – ребаб) и кино (*Lollywood* – Лолливуд) знакомят читателя с культурным достоянием страны. Так словом «шахнаме» называют прозаические и стихотворные своды, а газель – форма любовного стихотворения. Ахеста боро – это музыкальная композиция, которую играют, чтобы приветствовать вход жениха и невесты в свадебный зал на свадьбах в Афганистане. Ребаб означает музыкальный инструмент арабских стран и представляет собой разновидность двухструнной скрипки. Этот инструмент имеет звучание сказочной восточной мелодии. Лолливуд является синонимом киноиндустрии пакистанского города Лахор, названной так по аналогии с Голливудом (Hollywood) в Калифорнии (США). Включение в текст подобных литературных и музыкальных национально-культурных особенностей создает необычную атмосферу восточной страны.

Во вторую группу по количеству использования в романе вошли ономастические реалии, которые занимают 30% от общего числа выявленных реалий. Среди них были выделены антропонимы и топонимы. В группу антропонимов вошли имена главных героев, известных общественных деятелей, военачальников, литераторов, художников, артистов, спортсменов и прочих знаменитостей: Rahim Khan, Wazir Akbar Khan, King Nadir Shah, Mullah Fatiullah Khan, Hafez, Saadi, Ahmad Zahir, Gulbuddin Hekmatyar, Burhanuddin Rabban, Ahmad Shah Massoud, Abdul Rashid Dostum, Bidel Dehlavi, Sohrab, Babalu.

Антропонимы могут указывать на определенный образ, который сохраняется на протяжении всего романа. Многие имена связаны с литературой: Saadi – Саади (персидский поэт, мыслитель, представитель практического, житейского суфизма, одна из крупнейших фигур классической персидской литературы.), Sohrab – Сохраб Сепехри (иранский поэт, художник, философ), известными историческими и общественными деятелями (King Nadir Shah – Надир-Шах (Шах Персии в 1736-1747 годах, основатель династии Афшаридов, полководец), Burhanuddin Rabban – Бурхануддин Раббани (президент Афганистана с 1992 по 2001 год.), Ali – Али ибн Абу Талиб (арабский политический и общественный деятель; двоюродный брат, зять и сподвижник Мухаммеда, четвертый праведный халиф). Несомненно, знание фоновой информации о данных реалиях помогает понять, почему автор в том или ином контексте использует известные для афганской культуры имена.

Среди топонимов следует отметить: Mashad, Kabul, Balochistan, Poleh-charkhi, Margalla Hills, Rawalpindi, Iran, Jalalabad, Bamiyan, Shar-e-nau, Pakistan, Afghanistan, Paghman, Peshawar, Kabul river, Ghargha Lake. Упоминание этих мест не случайно, они определяют местонахождение героев и их отношение к этим местам. В романе представлены названия стран: Пакистан, Афганистан, Иран; городов: Мешхед, Кабул, Белуджистан, Равалпинди, Джалалабад, Бамиан, Пагман, Пешавар; тюрем: Пули-Чархи, национальных парков: Маргалла-Хилс, районов: Шахр-э-Нау, географические наименования: река Кабул, озеро Гарга.

Значимость не всех топонимов может быть понятна читателю, только очень эрудированному читателю известно, что Мешхед – это не просто город, но и один из главных священных городов для мусульман-шиитов. А тюрьма Пули-Чархи – это крупнейшая тюрьма в Афганистане, которая получила особо печальную известность в период правления режима Тараки-Амина и в последующие годы кармалевского и наджибовского правления, как место, где в массовом порядке производились пытки и казни политических и иных противников режима. Таким образом, значимость упоминания тех или иных имен и названий в романе может быть гораздо важнее, чем может показаться на первый взгляд.

Важное место занимают в романе реалии этнографические (20%), описывающие этнические, религиозные и социальные особенности афганского народа: Koran, muslims, zakat, namaz, hadj, qiyamat, ayat, diniyat, azan, allah, bismillah. Ислам является неотъемлемой частью жизни главных героев. Они должны жить по законам и правилам этой религии. Поэтому включение этих слов в текст романа необходимо и позволяет увидеть религиозную сторону афганцев. Например, есть такое понятие как закят (zakat) – один из пяти столпов ислама, обязательный ежегодный налог в исламском праве, выплачиваемый с различного вида доходов и имущества; намаз (namaz) – каноническая молитва; хадж (hadj) – паломничество, связанное с посещением Мекки и её окрестностей в определённое время; Кийамат – день Божьего суда, когда все люди получают воздаяние за свои дела и т.д.

При этом разъяснений религиозных реалий в самом произведении нет: “He lectured us about the virtues of ‘**zakat**’ and the duty of ‘**hadj**’; he taught us the intricacies of performing the five daily ‘**namaz**’ prayers.” («Он толковал нам о пользе выплаты **закята** и об обязанности совершить **хадж**, учил, как правильно совершать ежедневный пятикратный **намаз**»). По-видимому, автор, будучи афганцем по происхождению, посчитал, что эти вещи вполне очевидны и будут понятны читателю и без дополнительного комментария.

В небольшом количестве представлены в романе реалии государственно-административного устройства и общественной жизни (10%). Читатели знакомятся с местными политическими партиями и общественными организациями: Парчами (Parchami) – название одной из фракций Народно-демократической партии Афганистана, образованной в 1967 году после ее раскола, или Лойя-джирга (Loya jirga) – всеафганский совет старейшин (представителей), нерегулярно избираемый от этно-племенных групп для решения кризисных ситуаций (например, избрание короля). Данные реалии демонстрируют политическую сторону романа, который развивается в очень сложный для Афганистана исторический период.

В эту группу входят и реалии, связанные с системой образования. Так, один из главных героев Амир посещает элитную школу в Кабуле (Istiqlal Middle school) и получает хорошее образование. Данная школа – одна из самых известных в Кабуле и учиться в ней весьма престижно.

Еще одну группу реалий составляют реалии мира природы (5%). К ним относятся названия растений и животных. Реалии мира природы позволяют ощутить читателям особенности местности, где растут мушмула (loquat tree) и шелковица (mulberries).

В результате количественного подсчета, было выявлено, что бытовые и ономастические реалии представлены в романе в наибольшем количестве (35% и 30%, соответственно). Эти результаты вполне оправданы, так как основные действия в романе развиваются на фоне повседневной жизни людей, их традиций и привычек. Достаточно большой объем реалий этнографических (20%), что объясняется спецификой восточной культуры, чьей неотъемлемой частью является религия. Реалии государственно-административного устройства и общественной жизни (10%) и реалии мира природы (5%) описывают особенности природного и социального ландшафта главных героев и встречаются в тексте в меньшем количестве.

Данная классификация позволяет не только увидеть, насколько разнообразными могут быть реалии, но понять их роль и вклад в создание оригинального художественного произведения, описывающего чужеродную для англоязычного населения культуру. Реалии в данном произведении играют особую роль: они выступают как репрезентанты чужой действительности. В этом случае особое значение приобретают такие характеристики реалии, как степень её известности в принимающей культуре и уровень её освоенности принимающим языком, частотность её использования в данном тексте и роль, которая ей отводится в рамках эстетических задач произведения.

Специфика реализации функционального потенциала реалий подтверждает мысль о том, что в рамках художественного произведения совокупность реалий выполняет единую содержательно-эстетическую задачу и может рассматриваться как своеобразный интенционально-содержательный комплекс, отражающий индивидуально-авторское представление об описываемой действительности.

Список литературы

1. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М. : Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
2. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. – М. : Международные отношения, 1980. – 343 с.
3. Томахин Г.Д. Реалии в языке и культуре // Иностранный язык в школе. – 1997. – №3. – С. 19-28.
4. Hosseini Khaled The Kite Runner. – US: Riverhead Trade, 2004. – 372 p.

10.02.04

Е.В. Комлева

Оренбургский государственный педагогический университет,
кафедра иностранных языков,
Оренбург, elena.v.komleva@gmail.com

**ИНТЕРМЕДИАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР АПЕЛЛЯТИВНОСТИ
В ТЕКСТАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)**

Статья посвящена изучению интермедиальных англоязычных текстов политической пропаганды, отличительным признаком которых является взаимодействие семиотических кодов из различных знаковых систем. Распространение компьютерных технологий способствует появлению все новых политических пропагандистских текстов, включающих графическое оформление и различные изображения. Исследовательский интерес к изучению текстов политической пропаганды обусловлен стремительным проникновением политической сферы в повседневную жизнь человека, совершенствованием стратегий поликодового воздействия на адресата.

Ключевые слова: *апеллятивность, политическая пропаганда, поликодовость, интермедиальность, тип текста.*

Тексты политической пропаганды, являющиеся объектом изучения в данной статье, имеют общую особенность – поликодовый характер, под которым понимается участие различных семиотических систем в передаче основной интенции текста. Поликодовость текстов политической пропаганды осуществляется интегрированием визуальных знаков (иллюстрации, фотографии, компьютерная графика и т.д.), аудиознаков и вербальных знаков в одном текстовом пространстве. К текстам политической пропаганды относятся политические плакаты, лозунги, листовки, выступления политиков, письма адресатам во время избирательной кампании, политические рекламные ролики. Отличительным признаком данных текстов является наличие апеллятивной функции побуждения адресата к совершению определенного действия. Апеллятивная функция реализуется в тексте совокупностью разноуровневых языковых средств с семантикой апеллятивности. Данные средства образуют функционально-семантическую категорию апеллятивности, в объем значения которой входит выражение побуждения определенного адресата к совершению предречевого, речевого или посткоммуникативного действия [2]. Функционально-семантическая категория апеллятивности передается обращениями, конструкциями с семантикой прямого или косвенного побуждения к действию, вопросительными предложениями [2]. Целью данной статьи является исследование роли неязыковых средств текста политической пропаганды в реализации апеллятивности. Актуальность данного исследования обусловлена распространенностью политической пропаганды в современном обществе и все усложняющимся за счет использования совокупности языковых и неязыковых средств механизмов воздействия на адресата.

Адресат текста политической пропаганды имеет массовый характер, не меняющийся даже при эксплицитном обозначении адресата через прямое обращение, расположенное, как правило, в препозиции к тексту политической пропаганды. Массовый характер адресата обеспечивается всеобщей доступностью политического пропагандистского текста, обусловленной многочисленными каналами его распространения, такими как агитационный уголок, радио, телевидение, различные Интернет-ресурсы. В качестве адресанта поликодового политического пропагандистского текста следует рассматривать не только автора собственно текстовой части, но и автора иллюстрации, фотографии, компьютерной

графики. Такая расчлененность авторства, но сикретичность текста при выражении апеллятивной функции, наводит на мысль о вербально-визуальных-аудиальных способах передачи апеллятивности как текстоформирующей особенности политической пропаганды. В подобной «визуально-аудиально-речевой» системности любые компоненты способствуют достижению коммуникативной задачи [1, с.18].

Вербальные знаки конвенциональны, понятны для всех, поэтому, как правило, являются доминантными при передаче смысла. Аудиовизуальные знаки дополняют, усиливают воздействующий эффект вербальных знаков. Данное утверждение справедливо, с одной стороны, и для аудиовизуальных знаков в текстах политической пропаганды, хотя, с другой стороны, в названных текстах они выполняют и иную функцию.

Говоря о роли невербальных знаков в реализации общей апеллятивной направленности текста политической пропаганды, следует отметить, что данные элементы играют роль пресуппозиции как элемент смысла, без которого невозможно адекватное понимание текста.

В качестве доказательства сказанному могут быть рассмотрены плакаты антисоветской пропаганды, получившие широкое распространение в США в период так называемой холодной войны. На данных плакатах часто изображены различные сцены господства коммунизма на американском континенте. При этом представители коммунистического строя наделены негативным, устрашающим обликом разрушителей-оккупантов [4]. Сама вербальная часть текста пропагандистского плаката отличается краткостью предъявления информации: «America under communism» [4]. Данная надпись, выполненная крупным черным шрифтом, венчает рисунок, на котором изображены советские военнослужащие, избивающие мирное население, что через суггестивное воздействия наводит адресата на мысль о жестокости и опасности коммунистического господства. Начинает текст вопрос «Is it tomorrow», который, как ядерный элемент функционально-семантического поля апеллятивности, побуждает к ментально-речевой реакции – негативному ответу, возникающему из-за воздействующей силы рисунка, изображающего жестокость представителей коммунистического строя. Вербальное указание на опасность коммунизма выведено в подтекст, но восполняется за счет художественно-изобразительных знаков, включающих активизирующие внимание читателя, общепонятные художественные средства. Применительно к анализируемому тексту такими знаками являются темные насыщенные цвета, общепринятая государственная символика – изображение американского флага, советской военной формы, обобщенные фигуры – фигуры человеческих тел, разномасштабные изображения – американский флаг, значительно превышающий по размеру все изображения на рисунке, крупный темный шрифт.

Рисунок не просто расширяет осведомленность адресата о денотативной ситуации, но и становится для адресата сообщением о самом сообщении, информацией о тексте, выражением прагматики автора [3]. Визуализация того, что по ряду причин не выражено вербально, образует пресуппозицию для понимания текста, формирует межсемиотические связи вербального и невербального контентов. Такие межсемиотические связи обеспечивают цельность текста расширяют представление адресата о предмете речи через призму представлений автора. Автор рисунка, таким образом, является комментатором вербального содержания текста, отражателем действительности, координатором при интерпретации текста адресатом.

Относительно особенностей отражения действительности текстом политической пропаганды следует дать некоторые комментарии. Отражение действительности текстом политической пропаганды отличается от действительности, созданной другими нехудожественными текстами, например, текстами новостей, инструкций к различным приборам, где речь идет об объективном отражении действительности. В тексте политической пропаганды действительность моделируется через призму той социальной группы, в пользу которой ведется пропаганда. Такое моделирование часто создается с помощью средств художественной выразительности. Внимание читателя заостряется на несовершенных сторонах объекта пропаганды, которые освещаются через гиперболы,

создание сатирического образа, придание комичного эффекта серьезному положению вещей, аллюзии, категоричному размежеванию «своих» и «чужих», представление ситуации не в процессе развития, а как существующее положение дел. При этом реализация апеллятивной функции становится острой, эмоциональной, заостряется на диалогическое взаимодействие с адресатом. Аудиовизуальные средства в текстах политической пропаганды открывают диалог с адресатом, усиливая апеллятивность как заостренную адресованность. Завоевание сторонников через побуждение к ментальному действию создает прочную опору на диалог, несвязанный речевыми стандартами, растянутый во времени и пространстве.

Невербальный компонент текста политической пропаганды не является инородным, он – онтологически обусловленная часть текста, участвующая в реализации доминирующей апеллятивной функции побуждения определенного адресата к действию. Исследуя роль невербальных средств в выражении апеллятивной функции в современных англоязычных текстах политической пропаганды едва ли следует поднимать вопрос о том, какие же средства (вербальные или невербальные) обладают большим информационным весом при выражении апеллятивной функции? По всей видимости, гетерогенный (вербально-визуально-аудиальный) способ передачи апеллятивности является текстоформирующей особенностью текстов политической пропаганды. Реализация апеллятивности в текстах политической пропаганды осуществляется комплексом вербальных и невербальных средств, последние из которых создают прагматическую пресуппозицию, актуализирующую релевантные для понимания вербальной части текста знания адресата, обеспечивают диалогическую открытость, усиливают адресованность массовому адресату, способствуют удержанию его социального присутствия через привлечение активизирующих внимание, общепонятных художественных средств.

Список литературы

1. Дускаева Л.Р. Стилистический анализ в медиалингвистике. М., 2019. 340 с.
2. Комлева Е.В. Апеллятивность и текст. СПб., 2014. 354 с.
3. Crismore A. Talking with Readers: Metadiscourse at Rhetorical Art. New York, 1989. 210 p.
4. Пропагандистский плакат. – Текст: электронный. – URL: <https://www.reddit.com/r/PropagandaPosters> (дата обращения: 20.06.2021).

10.02.04

А.В. Копанева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
филологический факультет,
кафедра английского языкознания,
Москва, anastasiya25n@mail.ru

ПРАГМАФОНЕТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ АКЦЕНТНОЙ ВЫДЕЛЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В работе рассматриваются особенности расстановки и просодического оформления эффекта дополнительной слоговой и словесной выделенности в жанре лекции. Они выявляются за счет специальной обработки выступлений британских ученых с опорой на принципы когнитивной синтагматики и их последующего прагмафонетического моделирования, которое предполагает сопоставительный анализ аутентичного звучания материала и его воспроизведения высококвалифицированными филологами-англистами. Такой подход к изучению избранной проблематики дает возможность заострить внимание на случаях маркированной акцентуации, которая выходит за рамки нейтральной английской фонетики и всецело обусловлена обновленной риторикой интеллективного общения, а также лингвокультурологическими особенностями английского языка. Результаты исследования свидетельствуют о том, что эти предпосылки акцентного выделения в первую очередь нуждаются в более подробном освещении, поскольку в условиях цифровизации английского языка именно они становятся ключевым для оптимизации общения в глобальном англоязычном пространстве.

Ключевые слова: *синтагматика, акцентуация, эффект дополнительной выделенности, когнитивная обработка, прагмафонетическое моделирование, этика интеллективного общения.*

Акцентуация представляет собой одно из главных языковых средств, способствующих успешной передаче и восприятию коммуникативного намерения говорящих в процессе общения, почему данная проблематика занимает уже не одно поколение лингвистов. Тем не менее, несмотря на значительное количество исследований, посвященных этому явлению, интерес к нему не ослабевает, и в центре внимания оказываются все новые его грани, которые долгое время оставались на периферии фонетической науки. К ним относится, например, такой важный аспект функционирования эффекта дополнительной выделенности, как его местоположение, а также просодические средства, задействованные в его реализации в развёрнутых произведениях речи разной жанрово-стилистической направленности.

Актуальность настоящего исследования объясняется тем, что до сих пор явление акцентуации традиционно занимало место одной из языковых универсалий, подчиняющихся установленным для их реализации лексико-фразеологическим, грамматическим и семантико-синтаксическим правилам и закономерностям. Однако в процессе обучения английскому языку становится возможным проследить существенные расхождения в расстановке эффекта акцентной выделенности между русскоговорящими филологами-англистами, с одной стороны, и теми, кто естественно пользуется английским языком как родным, с другой [3, 10].

При этом факторы, препятствующие более точному воспроизведению избираемого для подражания эталонного текста, который обычно принадлежит тому или иному опытному оратору, придерживающемуся стандартного современного британского произношения (Standard Modern British English) [4], могут быть различны. Что касается английской фонетики, то здесь в центре внимания оказываются особенности слогового стереотипа [6, 13],

а также принципы освоения звучащей речи, обозначенные в рамках когнитивной силлабики [2]. Иными словами, на первый план выходят психологические и социокультурно-исторические аспекты, которые составляют основной фон явления акцентуации. Решающее значение в этом процессе имеют привычные для англофонов механизмы речепроизводства и речевосприятия, а также присущая им способность улавливать в потоке речи всевозможные слоговые модификации, которые сопровождают эффект дополнительной выделенности.

В английском языке они представлены весьма широко и далеки от единообразия, что способствует передаче содержания-намерения того или иного произведения речи, которое иными средствами выразить невозможно. Именно поэтому в составе английской силлабики особая роль принадлежит слоговой фонетике аффектов [9], в рамках которой изучаются слоги, приобретающие в потоке речи дополнительную степень выделенности, несвойственную им на эмическом уровне, и способствующие передаче определенного метасодержания, заложенного в том или ином произведении речи.

Таким образом, в английском языке эффект дополнительной выделенности слогов во многом зависит от намерения говорящего, которому предоставляется свобода выбора тех элементов синтагматического ряда, которые оказываются наиболее обозначенными в речевой цепи в силу своих семантико-синтаксических свойств. Русскоговорящие учащиеся, однако, при освоении английского языка могут быть невосприимчивы к тем мельчайшим внутрислоговым изменениям, которые естественны и привычны для англофона, поскольку им ближе иной слоговой стереотип, предполагающий свои правила передачи тех или иных экспрессивно-эмоционально-оценочных коннотаций [11].

Из сказанного следует, что для русскоговорящих филологов-англистов важно понимать, каким образом в процессе общения на английском языке любое слово может оказаться дополнительно выделенным исключительно по желанию говорящего. Иными словами, задача настоящего исследования заключается в том, чтобы подвергнуть это явление особой **прагмафонетической** обработке [8], с тем чтобы любые возможные расхождения, связанные с эффектом выделенности, стали частью профессионального обучения языку и приобрели продуктивный характер.

Весьма показательным в этом плане оказывается материал лекций британских ученых, в которых под влиянием процессов глобализации и цифровизации английского языка наблюдаются значительные фоностилистические преобразования и смешение функций сообщения и воздействия. Кардинальная смена коммуникативных установок в академической среде, а также новые ожидания технологически грамотной аудитории, настроенной на интерактивность и непринужденную беседу на актуальные темы современности, приводит к пополнению и значительному расширению ранее используемого в жанре лекции риторического арсенала [5]. Иными словами, в речи ученых появляются способы и средства оформления звучания, выходящие за рамки немаркированного изложения, которое традиционно сводится к нейтральному произносительному стандарту (Received Pronunciation), серьезному тембру речи и полному стилю произношения, обеспечивающим максимальную разборчивость, ясность и лаконичность интеллективного общения.

В качестве примера обратимся к отрывку из лекции британского эволюционного биолога и популяризатора науки Ричарда Докинза. Она была прочитана для студентов американского университета и посвящается вопросам происхождения человека, которые говорящий затрагивает в своей книге «Самое грандиозное шоу на Земле: Доказательства эволюции» [14]. Разметка в тексте выполнена на основе аудитивного анализа оригинального звучащего текста и расшифровывается следующим образом: \ - высокий нисходящий тон, / - низкий восходящий тон, ↑ - внезапный подъем, | - риторическая пауза, | - пауза в одну единицу, || - пауза в две единицы, ? - гортанная смычка [1]:

The fact of your own e\istence | is the most 'unbe,lievable \fact | you'll ever | be asked | to be\lieve. || <...> ...on 'one \planet | the laws of physics, |'filtered \through | a very \strange and particular \process | called 'evolution by natural se\lection', | produced | an as\tounding ar\ray of

complex, | beautiful, | elegant \things, | which carry a gigantic il\lusion | of | de\sign. || <...> What an amazing \privilege that is | to be able | as ↑physical \objects, | 'natural \objects, | to be able | to under-stand our own provenance, | to be able to understand | \why we are here, | the long | and gradual, | extra\ordinary process | that brought us | into existence. |||

I introduce | the analogy of | a de\fective | coming upon the scene of a \crime | \after it's been committed | and, | therefore, | \unable | to be an eyewitness. || That's the position we're in with evo\lution | because \most of it, | almost \all of it happened before we were \born | and, | therefore, ? \obviously | we cannot expect to be eyewitnesses | of \most of the process of ? evolution. || <...> we are pre\sent\ed with large numbers of \clues: | /fingerprints, | /bloodstains, | et cetera. || The equivalent of \finger/prints, | you might say, is | DN/A, | DN\A /fingerprints, | and very \rich they /are, | the equivalent of \foot/prints, | you might say, are | \fossils. || And there are \all sorts of other clues | which ? add \up | \massively, | \hugely, | totally con\vincingly | to | the conclusion that evolution | is a \fact. |||

Сопоставительный анализ аутентичного звучания этого отрывка и четырех вариантов его прочтения высококвалифицированными филологами кафедры английского языкознания МГУ имени М.В. Ломоносова позволяет говорить о том, что наименьшее количество расхождений в локализации эффекта дополнительной выделенности наблюдается в случаях **немаркированной** акцентуации. Так, например, в интерпретации русскоговорящих англичанов максимальную степень выделенности получают:

- ключевые слова, находящиеся в сильной синтаксической позиции на конце синтагмы или всего высказывания (*existence, fact, selection, design, clues, fossils*);
- слова, обладающие особой ингерентной коннотативностью (*astounding, extraordinary*);
- слова, которые характеризуются фонетическим или морфологическим сходством и нуждаются в грамотном просодическом оформлении, предполагающим вариативность фонетических средств (*unbelievable, believe, understading, understand*).

Локализация акцентной выделенности и фонетические средства, при помощи которых она достигается, в филологическом прочтении в целом совпадает с акцентуацией, предложенной англофоном. Точнее, как и в аутентичной версии, эти слова выделяются, главным образом, за счет высокого нисходящего тона и увеличения интенсивности и длительности произнесения слогов, несущих главное словесное ударение.

Основные расхождения же прослеживаются в акцентуации тех элементов анализируемого отрывка, которые в оригинальной версии характеризуются **маркированной** акцентной выделенностью. Прежде всего, это относится к случаям акцентного выделения слов, чье просодическое оформление определяется как особой интенцией говорящего, так и более общим содержанием-намерением его публичного выступления, а также тем дополнительным метасодержанием, которое передается при помощи характерной для британского варианта английского языка силлабической организации речи. Они представлены в следующей таблице:

Таблица 1 - Маркированная акцентуация, предопределенная интенцией говорящего и особым метасодержанием лекции

Аутентичное прочтение	Филологический вариант I	Филологический вариант II	Филологический вариант III	Филологический вариант IV
1. ...on 'one \planet the laws of physics, <...> produced an as\ tounding ar\ray of complex, beautiful, elegant \ things, which carry a gigantic il\lusion of de\sign. 2. What an amazing \privilege that is to be able as ↑physical objects, 'natural objects, to be able to under- stand our own provenance...	1. ...on one \ planet the laws of physics, <...> produced an a↑stounding ar\ray of complex, beautiful, elegant \ things which carry a gigantic illusion of de\sign. 2. What an amazing \ privilege that is to be able as physical objects, \ natural objects, to be able to understand our own provenance...	1. ...on one \ planet the laws of physics, <...> produced an a↑stounding ar\ray of complex, beautiful, \ elegant things which carry a gi↑gantic illusion of de\sign. 2. What an amazing \ privilege that is to be able as physical objects, \ natural objects, to be able to understand our own provenance...	1. ...on one \ planet the laws of physics, <...> produced an a\stounding array of complex, beautiful, \ elegant things which carry a gi↑gantic illusion of de\sign. 2. What an amazing \ privilege that is to be able as physical objects, \ natural objects, to be able to understand our own provenance...	1. ...on one \ planet the laws of physics, <...> produced an a↑stounding array of \ complex, beautiful, elegant \ things which carry a gi\gantic il\lusion of de\sign. 2. What an a↑mazing privilege that is to be \ able as physical \ objects, natural objects, to be able to understand our own \ provenance...

Набор просодических и фонетических средств в версиях филологов-англистов здесь в целом отличается меньшей насыщенностью. Так, например, слова *things* в *elegant things* и *illusion* в *a gigantic illusion of design* (предложение 1), чья выделенность в аутентичной версии позволяет говорящему подчеркнуть свою точку зрения в вопросах происхождения человека, в большинстве филологических вариантов не получают акцентного выделения. Высокими нисходящими тонами характеризуются только элементы, отличающихся особой ингерентной коннотативностью, а именно прилагательные *astounding*, *complex*, *beautiful*, *elegant* и *gigantic*.

Кроме того, в филологической интерпретации намеренно избегаются и разграничиваются в акцентуационном плане стилистические повторы. Точнее, повторяющийся элемент *objects* в *physical objects* и *natural objects* (предложение 2), который в аутентичной версии оба раза выделяется при помощи высокого нисходящего тона и оказывается напрямую связан с общим содержанием-намерением выступления, в прочтении большинства русскоговорящих филологов получает дополнительную степень выделенности только в *physical objects*, а в *natural objects* высоким нисходящим тоном характеризуется слог ['nætʃ-] в *natural*.

Более нейтральное акцентуационное оформление в филологических вариантах получают и те элементы, чья акцентуация в оригинальном тексте продиктована этическими моментами научного общения на естественно-научную тематику и новыми тенденциями в культуре интеллективного общения:

Таблица 2 - Маркированная акцентуация, обусловленная лингвокультурологическими и этическими факторами современной английской речи

Аутентичное прочтение	Филологический вариант I	Филологический вариант II	Филологический вариант III	Филологический вариант IV
1. ...therefore, ? obviously we cannot expect to be eyewitnesses of most of the process of ? evolution. 2. <...> we are pre sented with large numbers of clues: /fingerprints, /bloodstains, et cetera. 3. The equivalent of finger/prints, you might say, is DN\A, DN\A /fingerprints, and very rich they /are, <...>. 4. And there are all sorts of other clues which ? add up massively, hugely, totally con vincingly to the conclusion that evolution is a fact.	1. ...there fore, obviously we cannot expect to be eye/witnesses of most of the process of evo lution. 2. <...> we are pre sented with ↑large numbers of clues: fingerprints, bloodstains, et cetera. 3. The equivalent of finger/prints, you might say, is DN\A, DN\A fingerprints, and very rich they /are, the equivalent of foot/prints, <...>. 4. And there are ↑all sorts of other clues which add up massively, hugely, ↑totally con vincingly to the conclusion that evolution is a fact.	1. ...therefore, obviously we cannot expect to be eyewitnesses of most of the process of evo lution. 2. <...> we are pre sented with large numbers of clues: fingerprints, bloodstains, et cetera. 3. The equivalent of finger/prints, you might say, is DN\A, DN\A finger/prints, and very rich they /are, <...>. 4. And there are all sorts of other /clues which add up massively, hugely, totally con vincingly to the conclusion that evolution is a fact.	1. ...therefore, ? obviously we cannot expect to be eyewitnesses of most of the process of evo lution. 2. <...> we are presented with ↑large numbers of clues: finger/prints, blood/stains, et cetera. 3. The equivalent of finger/prints, you might say, is D-N-\A, D-N-A finger/prints, and very rich they are, <...>. 4. And there are all sorts of other /clues which add up massively, hugely, totally con vincingly to the conclusion that evolution is a fact.	1. ...therefore, obviously we cannot expect to be eyewitnesses of eyewitnesses of most of the process of 'evo lution. 2. <...> we are presented with ↑large numbers of clues: fingerprints, bloodstains, et cetera. 3. The equivalent of fingerprints, you might say, is DN\A, DNA fingerprints, and very rich they are, <...>. 4. And there are all sorts of other clues which add up massively, hugely, ↑totally con vincingly to the conclusion that 'evolution is a fact.

Слоги ['rb-] в *obviously* (предложение 1) и [æd] в *add up* (предложение 4) в аутентичной версии приобретают дополнительную степень выделенности за счет гортанной смычки, свойственной социальному диалекту Estuary English, который обладает рядом схожих черт с американским вариантом английского языка. Это свидетельствует о намеренном смещении кода [7] и стремлении англофона установить контакт с молодой аудиторией американских студентов. В филологических вариантах эти слоги твердым приступом не сопровождаются, т.е. прочтение филологов-англистов предопределяется нейтральным произносительным стандартом британского английского языка (Standard Modern British English), для которого использование гортанных смычек является нехарактерным.

Кроме того, в парантетическом внесении *and very rich they are* (предложение 3), которое воспроизводится англофоном с нисходяще-восходящим тоном, разделенным между моносyllабами [ritʃ] и [ɑ:], в филологических вариантах эффект дополнительной выделенности получает преимущественно глагол-связка *are* и произносится с высоким

нисходящим тоном. Это объясняется его сильной синтаксической позицией перед знаком препинания в результате инвертированного порядка слов.

Что касается лексической последовательности *we are presented with large numbers of clues* (предложение 2), то в ней англофон выделяет страдательный залог, который является одним из средств так называемого речевого отгораживания (*hedging*) [12], и произносит с высоким нисходящим тоном *presented*, чтобы придать высказыванию менее категоричный характер и сосредоточить внимание аудитории на объективных фактах. В филологической же интерпретации *we are presented* не получает дополнительно степени выделенности ни в одном из вариантов и предпочтение отдается прилагательному *large*, обладающему усилительной функцией в этом высказывании.

Таким образом, прагмафонетическое моделирование этого отрывка показывает, что при акцентуации тех или иных элементов текста лекции русскоговорящие филологи используют, главным образом, немаркированные средства, предусмотренные просодическим и риторическим минимумами, и выбирают местоположение эффекта дополнительной выделенности, руководствуясь правилами синтаксической просодии.

Точнее, выделенными в филологических версиях становятся преимущественно слова, находящиеся в сильной синтаксической позиции, а также слова с особой ингерентной коннотативностью и элементы речи, обладающие усилительной функцией. Последние нередко получают акцентную выделенность и в аутентичном варианте, однако в версиях русскоговорящих филологов выделенными оказываются даже те элементы, которые англофон намеренно оставляет без внимания и сопровождает акцентуацией другие слова, передающие особое метасодержание его выступления и связанные с лингвокультурологическими особенностями английского языка (например, явлением речевого отгораживания). При этом он оформляет их при помощи средств аффективной силлабики, использования которых в филологических версиях практически не наблюдается.

Из сказанного следует, что тот риторический арсенал, которым традиционно пользуются изучающие английский язык в специальных целях при использовании акцентного выделения, нуждается в значительном расширении с учетом последних веяний в культуре речевого общения, возникающих на фоне глобализации, цифровизации и демократизации английского языка. Предпринятое в настоящей работе изучение акцентуационного оформления жанра лекции позволяет расширить наше понимание ключевых процессов оптимизации интеллективного общения и заострить внимание на тех способах и средствах акцентуационной организации речи, которые придают общению на английском языке действительно эффективный характер.

Список литературы

1. Давыдов М.В., Малюга Е.Н. Интонация коммуникативных типов предложений в английском языке. М., 2002. 224 с.
2. Дечева С.В. Когнитивная силлабика. Диалог-МГУ Москва, 1998. 215 с.
3. Дечева С.В., Копанева А.В. Явление английской акцентуации в свете когнитивной силлабики // Ахмановские чтения - 2019. — Наука Москва, 2020. — С. 55–66.
4. Дечева С.В., Магидова И.М., Тренина Н.Г. A Practical Course of Cultured English and Rhetoric. АСТ- ПРЕСС Москва, 2013. 192 с.
5. Долецкая Е.С. Риторика лекторской речи: дисс. канд. филол. наук. М., 1982. 171 с.
6. Жинкин Н.И. Механизмы речи. М., 1958. 369 с.
7. Ильина К.А. Фонетическая интерференция в национальных программах BBC // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 4. Ч. 1. С. 112–118.
8. Магидова И.М. The Past, the Present and the Future of Speech Modelling as Part of Functional Stylistics // Английский язык и литература в прагмалингвистическом освещении: сборник научных статей памяти заслуженного профессора МГУ, доктора филологических наук И.М. Магидовой. М.: ИД Международные отношения, 2018. С. 19-25.
9. Пономарева М.А., Дечева С.В. Слоговое своеобразие фонетики аффлектов в американском диатопическом варианте английского языка - М.: ЛЕНАНД, 2015. 184 с.
10. Шиханцов А.С. Особенности словесного ударения в английской публичной речи: дис. канд. филол. наук. М., 2012. 216 с.
11. Янко Т.Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М., 2008. 312 с.
12. Hyland K. Hedges, Boosters and Lexical Invisibility: Noticing Modifiers in Academic Texts // Language Awareness. Vol. 9, Issue 4, 2000. P. 179-197.
13. Cutler A. Lexical stress in English pronunciation // Handbook of English Pronunciation, Wiley & Sons, 2015, PP. 106-124.
14. Dawkins R. The Greatest Show on Earth: The Evidence for Evolution. Free Press. London. 2009. 470 p.

10.02.04

Е.Г. Котова, Е.А. Линева, Е.Б. Савельева, А.В. Леонтьева

Государственный гуманитарно-технологический университет,
факультет иностранных языков,
кафедра английского языка, кафедра романо-германской филологии,
Орехово-Зуево,
Московский городской педагогический университет,
Москва, kotova070809@yandex.ru

ЭТИМОЛОГИЯ АНГЛИЙСКИХ ИДИОМ С КОМПОНЕНТОМ ДЖЕК

В статье рассматриваются популярные английские идиомы, одним из компонентов которых является мужское имя Джек. Идиоматические выражения с компонентом именем собственным представляют наибольшую трудность для понимания, однако вызывают большой интерес в плане изучения национально-культурной специфики иностранного языка, так как именно эти единицы фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы.

Ключевые слова: *идиома, имя собственное, этимология, разговорный язык, значение, контекст.*

Идиомы являются неотъемлемой частью любого разговорного языка. Они не только украшают речь, делая её более яркой, эмоциональной и интересной для собеседника, но и являются бесценным источником сведений о культурно-исторических традициях народонаселения. Представляя собой устойчивый оборот речи, значение которого не выводится из сложения значений отдельно входящих в него языковых единиц, идиома трудна для понимания без обращения к истории её возникновения. Историческая подоплёка английских идиом может быть настолько непредсказуема и трудно выводима, что человеку, изучающему английский язык как иностранный, может понадобиться помощь дополнительных справочников или, как минимум, этимологических словарей для проникновения в сущность изучаемых иностранных идиом [1, с.179]. Особую трудность вызывают идиоматические выражения с компонентом именем собственным. Так, английское имя Джек является сложным словом с точки зрения этимологии. Проблема заключается в большом количестве вещей в современном английском языке, которые называются «jack». В Оксфордском словаре перечислено около 50 из них. Первоначально это имя употреблялось для обозначения любого лица мужского пола, мужской особи животных и даже различных неодушевлённых предметов, подобно устройству под названием домкрат для подъёма тяжёлых грузов и даже пожарного локомотива из песни американских пожарных.

I got a southern jack,

All aboard on the southern jack! [2].

Имя Jack было настолько распространено в Англии, что стало использоваться для обращения к любому мужчине. Видимо по этой причине неустановленному серийному убийце, который действовал в Уайтчепеле и прилегающих районах Лондона во второй половине 1888 года, дали имя «Джек», добавив для подогрева интереса публики к этой ужасной истории слово «Потрошитель» (The Whitechapel 'Ripper' murderer). Что касается реально существующих личностей с именем Джек и вошедших в состав идиоматических выражений в качестве компонента имени собственного, то отметим их немалое количество и приведём в качестве примера выражение «Jack's the Lad» в значении явно уверенный в себе, беззаботный и часто дерзкий молодой человек; «авантюрист». Само выражение может быть связано с пресловутым вором Джеком Шеппардом (Jack Sheppard, 1702-1724). Преступная жизнь молодого человека привела к тому, что его арестовывали и сажали в тюрьму четыре

раза, но каждый раз Шеппарду удавалось сбежать. Лишь на пятый раз он понес наказание и был повешен в Тайберне в ноябре 1724 года. На поступки Шеппарда последовала впечатляющая общественная реакция. Его находчивость и бесстрашие приводили в качестве примера в газетах, брошюрах, листовках и балладах, рассказывали об его удивительных подвигах.

If ever fellow took delight in swigging, gigging, kissing, drinking, fighting Damme, I'll be bold to say that Jack's the lad [9].

Однако, входящее в состав идиоматического выражения имя собственное не всегда объясняет происхождение той или иной идиомы. Рассмотрим в качестве доказательства идиоматическое выражение «Before you could say Jack Robinson». Вероятно, что существование некоего Джека Робинсона могло бы помочь в определении этимологии данной идиомы, но, к сожалению, такой исторически значимой фигуры в английской истории не наблюдается, либо любые достоверные сведения о нем исчезли. Мы можем лишь констатировать факт существования идиомы «Jack Robinson» в романе «Эвелина» («Evelina, or the history of a young lady's entrance into the world», 1778) английской писательницы и драматурга Фанни Бёрни (Fanny Burney, 1752- 1840).

"Done!" cried Lord Merton; "I take your odds."

"Will you?" returned he; "why, then, 'fore George, I'd do it as soon as say Jack Robinson" [3].

Однако, имеются предположения о существовании некоего Сэра Джона Робинсона, служившего констеблем Лондонского Тауэра и имеющего репутацию человека, ловко и быстро отрубавшего людям головы.

Нередки случаи, когда оба компонента идиомы в достаточной мере объясняют ее происхождение. Так, в одном из выпусков Британского журнала о моде и светской жизни «The Female Tatler» (1709-1711) описывалась группа людей, среди которых упоминается Jack Tar.

...his Grace and my Lady Dutchess, Jack Tar, and Mrs. Top-gallant-Sail, with every Coffee-Man, and his Wife [7].

Дело в том, что слово «tar» в переводе с английского означает «дёготь, смола». Именно смола использовалась в качестве гидроизоляции на многих частях судна, из-за чего руки, волосы и одежда моряков обычно были вымазаны дёгтем. Поэтому неудивительно, что моряка называли «Черный Джек» или «Джек-дёготь», ведь аромат, исходивший от матроса Королевского флота в период Британского господства на море, невозможно было не заметить. Традиционная английская народная песня «Go To Sea Once More» («Еще раз выйди в море», иногда называемая «Джек Тарр-моряк») рассказывает историю о моряке по имени Джек Тарр, который теряет все после опрометчивой пьяной эскапады в Ливерпуле. Писатели и поэты того времени часто ссылались на простоту Джека, изображали его пьяницей и бабником.

And as I walked the streets alone, the whores they all did roar

There goes Jack Tarr, that poor sailor lad, he must go to sea once more [4].

Идиоматическое выражение «Jolly Jack tar» вошло в английский язык в XIX веке. Одним из самых ранних источников, в котором оно упоминается, является газета «The Edinburgh Advertiser» (1764 -1859).

Two jolly Jack tars exhibited a complaint at Bow-street on Saturday evening of having severally been robbed [8].

Но в данном контексте «Jolly, or jollie» не имеет ничего общего со словом «jolly» в значении «веселый, радостный, жизнерадостный». В 1867 году был опубликован всеобъемлющий список морских терминов «The Sailor's Word-Book: an alphabetical digest of nautical terms», составленный Уильямом Генри Смитом (Admiral W. H. Smyth). Автор имел многолетний опыт службы в Королевском военно-морском флоте. Книга была подготовлена к публикации сэром Эдвардом Белчером, офицером Королевского флота, гидрографом и исследователем. В ней термин «Jolly» определяется как «морской пехотинец».

Tame jolly, a militiaman: royal jolly, a marine [5].

Вышеупомянутая книга содержит бесценный и исчерпывающий список слов, использовавшихся моряками в XIX веке. Похоже, что морякам не особенно нравилось имя «Jack Tar», они предпочитали называть себя «Jack afloat» («Джек на плаву»).

Определенный интерес представляет происхождение идиомы «Balling the jack». Примерно в то же время, когда вышла песня «Ballin' the Jack» Джима Бурриса (Jim Burris, 1903), данное выражение использовалось английскими железнодорожниками для обозначения «движения на полной скорости». «Джек» было жаргонным названием железнодорожного локомотива, а шар (ball) означал движение на высокой скорости. В 1800 годах подобный тип железнодорожного сигнала в виде высоко поднятого красного шара, похожего на вертикальный флагшток, означал свободный путь, что само по себе было сигналом машинисту о том, что поезд может начинать ускорение. Получается, что Джим Буррис просто воспользовался сленговым выражением для обозначения «свободы движения».

Swing your foot way 'round then bring it back.

Now that's what I call Ballin' the Jack [6].

Итак, проведенное нами исследование доказало, что за каждой идиомой стоит своя история. Выражения, в которых на первый взгляд нет никакой логики, становятся понятными при взаимодействии с элементами разных культур и традиций.

Список литературы

1. Метафоры и идиомы как фиксаторы национально-культурного и исторического следа в языке и лингвокреативности. Инновационные подходы в решении проблем современного общества. Пенза, МЦНС «Наука и просвещение», 2018. С. 174-180
2. Brown Frank C. Collection of North Carolina Folklore; the folklore of North Carolina. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/frankcbrowncolle02fran>
3. Burney F. Evelina: Or The History of A Young Lady's Entrance into the World. [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.library.upenn.edu/women/burney/evelina/evelina.html>
4. Roger McGuinn in the folk tradition. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ibiblio.org/jimmy/folkden-wp/?m=199709>
5. Smyth W.H. The Sailor's Word-Book: an alphabetical digest of nautical terms. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gutenberg.org/files/26000/26000-h/26000-h.htm>
6. Song Lyrics: Ballin' the Jack. [Электронный ресурс]. URL: <https://exelana.com/lyrics/BallinTheJack.html>
7. The Female Tatler October 26-28, 1709: Iss 49. [Электронный ресурс]. URL: https://archive.org/details/sim_female-tatler_october-26-28-1709_49
8. The saying 'Jack Tar'— meaning and origin. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.phrases.org.uk/meanings/jack-tar.html>
9. The saying 'Jack the Lad'— meaning and origin. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.phrases.org.uk/meanings/jack-the-lad.html>

10.02.04

З.В. Маньковская канд. филол. наук

ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана
(научный исследовательский университет)» Мытищинский филиал,
космический факультет,
кафедра К5 «Лингвистика»,
Мытищи, mankovskaya57@mail.ru

КУЛЬТУРНО-ЗНАЧИМАЯ ИНФОРМАЦИЯ В РАССКАЗАХ РОАЛЬДА ДАЛЯ

В статье раскрывается интеллектуальный и культурный потенциал рассказов английского писателя XX века Роальда Даля. При описании национально-культурного компонента рассказов устанавливается связь с типологией культур. Делается вывод об использовании рассказов Роальда Даля для иллюстрации концепций теории межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: культурно-значимая информация, национально-культурный компонент, культурный код, социокультурная информация, гендер, маскулинные и фемининные культуры.

В английской литературе XX века Роальд Даль (1916-1990) известен как мастер коротких рассказов с неожиданной концовкой. Как утверждал сам автор, его главной целью было развлечь читателя, не дать ему скучать. Однако помимо основной цели автор выполнял очень важную задачу – обучать читателя, повышать его интеллектуальный потенциал не только в плане общечеловеческих знаний, но и, что более важно для людей, изучающих иностранный язык и культуру, культурных ценностей.

Перу Роальда Даля принадлежат несколько сборников рассказов, наиболее признанными из которых являются *Over to You, Someone like You, You never know* (Как знать), *Tales of the Unexpected* (Непридуманные истории), *More Tales of the Unexpected*. Рассказы разнообразны по жанровой принадлежности (от психологических рассказов *The Landlady* [5:127-135] до детектива с элементами гротеска и черного юмора), длине (от очень коротких *Genesis and Catastrophe* [1: 44-53] до более крупных форм *Parson's Pleasure* [1:13-44]), тематике, раскрывающей особенности пчеловодства (*Royal Jelly* [5:209-233]), виноделия (*Taste* [1:53-71]), проблем нейрохирургии (*William and Mary* [5: 136-160]), архитектуры, живописи (*Skin*, [5:76-91], *Nunc Dimitis* [5:111-127]), искусства и антиквариата (*Parson's Pleasure* [1:13-44]), литературы (*The Great Automatic Grammatizator* [1:140-165]), гендерных (маскулинных и фемининных) культур (*The Way up to Heaven* [5:161-172], *William and Mary* [5:136-160]).

О чём бы ни писал Роальд Даль, он демонстрировал глубокое знание предмета описания, тщательно выписывая детали событий и характеров героев, и делал это точно и достоверно, не перегружая описание излишними подробностями, используя реальные имена и исторические аллюзии. Его герои – художники, писатели, философы, то есть, в основном, образованные люди, которые поднимают серьёзные темы, и требуют подготовленного и заинтересованного читателя.

Национально-культурный компонент в рассказах Роальда Даля представлен такими культурно-ориентированными темами как: 1) национальный характер и типология культур (монохромные/полихромные, эмоциональные/эмотивные культуры, культуры с избеганием неопределенности и культуры, ориентированные на коммуникацию (открытые или закрытые (некоммуникабельные) культуры), 2) социально-классовая дифференциация общества как отражение культурной вариативности, 3) гендерный аспект речевого поведения коммуникантов и его связь с женской и мужской картиной мира [3,4].

В рассказе *Galloping Foxley* (Фоксли-скаун) из сборника “*You never know*” [1:100-119] автор выделяет такие национальные черты англичан как их консерватизм и приверженность

к укоренившимся традициям и привычкам, стремление к определенности и заданной структурированности. Описывая утреннюю поездку на работу на поезде, герой рассказа подчеркивает, что “five days a week, for thirty-six years, I have travelled the eight-twelve train to the city” (p.100). Стремление англичан к регулярности и привычности отмечено в рассказе такими лексемами с семой «обыденности» как *my usual four minutes to spare...*, *people standing in their right places with their right umbrellas...*, *as unchanged and unchangeable through the years...*, *orderly schedule*, *stick to their jobs*. Английская пунктуальность, уравновешенность и степенность маркируются выражениями *folk with none of this restlessness and glittering eye about them*.

Социально-классовые различия как проявление межкультурных различий в английском обществе представлены в рассказе *Parson's Pleasure* [1:13-44], в котором сталкиваются интересы двух социальных групп: с одной стороны, знатока и ценителя антикварной мебели, представителя торговой сферы господина Богиса, а с другой – фермерства в лице землевладельца Раминса и его сыновей Берта и Клода. Автор показывает противоречивые черты характера двух социальных групп: необразованность, легковёрность, подозрительность и практичность фермеров, с одной стороны, и изобретательность, изощренность, аристократичность и убедительность искусствоведа, с другой. Особенно следует отметить мастерство писателя в разработке речевых характеристик персонажей, которые являются отражением уровня их образованности. Короткие, неоформленные, грамматически незаконченные однотипные предложения фермеров ‘*There ain't no chair in the world worth four hundred pound!*’, ‘*It was in the back of that drawer underneath all them rabbit-snares*’ и отточенные, выверенные этикетные выражения господина Богиса, имеющего более высокий образовательный статус ‘*Might I inquire if you are the owner?*’.

Социально-культурную информацию можно вывести также из рассказа Роальда Даля *Galloping Foxley* [1:100-119], описывающего социальные явления, связанные с «дедовщиной» в английских частных привилегированных учебных заведениях. Особенности коммуникативного поведения двух возрастных групп – префектов (*boazers*), то есть старост/старшекласников, которые следят за дисциплиной и имеют право наказывать нарушителей, и фагов (*fags*), учеников младших классов в мужских частных средних школах, прислуживающих старшекласникам, – дают представление о способах наказания и реакции учеников младших классов на издевательства старших. Путем описания жизни и способов воспитания указанных возрастных групп автор дает читателю представление о Культурном Коде, то есть уникальных культурных особенностях англичан, которые в бессознательной форме существуют у учащихся школ Англии, и регулируют их коммуникативное поведение. Так, Роальд Даль описывает виды нарушений, за которыми обязательно следует наказание (*beatable offence*). Ярко и убедительно Роальд Даль перечисляет последствия невыполнения следующих обязанностей учеников младших классов для удовлетворения требований старшекласников: мытье и чистка обуви, развешивание одежды после занятий спортом для просушивания, наполнение ванны горячей водой, поджаривание тоста на открытом огне и т.д. Культурный код также включает в себя понимание реалий (*public schools* – школы-интернаты для детей из состоятельных семей), *house* (группы учащихся и место их проживания в пансионе), *ОТС* (Корпус военной подготовки).

Гендерные аспекты [2] культурной картины мира англичан ярко проявляются в рассказе *The Way up to Heaven* [5:161-172], иллюстрирующем коммуникативные тактики мужчины и женщины (мужа и жены), которые постоянно находятся в состоянии конфронтации из-за того, что жена больше всего в жизни боится опозданий, а муж намеренно испытывает её терпение. Мужской коммуникативный стиль характеризуется напористостью, подчеркиванием своего превосходства, диктаторским/менторским тоном разговора, демонстрирующим привилегию принятия решений в семейных вопросах. Для описания «маскулинных» речевых стратегий, в частности, для акцентирования более высокого статуса мужа автор отбирает директивные речевые акты и разделительные вопросы. Прекрасной иллюстрацией мужского доминирования является следующая ситуация. Жена боится

опоздать в аэропорт на самолет, чтобы полететь к своей дочери и внукам, которых давно не видела, а муж, который в день отъезда спускается в прихожую с большой задержкой, прежде чем сесть в давно ожидающее их такси заявляет: “I suppose, perhaps, we’d better get going fairly soon if you want to get that plane... You’ll have plenty of time, dear ... Don’t you want to drop me at the club?” Автор показывает нетерпение женщины, её стремление как можно скорее отправиться в путь и не опоздать на самолёт “The club is downtown”... “It isn’t on the way to the airport.”, и спокойствие/невозмутимость мужчины, которые приводят к непониманию, обиде со стороны женщины. Однако вместо предсказуемого в данной ситуации эмоционального взрыва жена проявляет терпимость, стремление избежать конфликта, использует тактику «согласованности». В ответ на желание мужа еще больше отсрочить время отъезда из-за потери ничего не значащего подарка, она на секунду теряет контроль над своими эмоциями, но, видя реакцию своего мужа, быстро приходит в себя, меняет тактику, прибегая к стратегии вежливой уклончивости “Nothing, dear. I’m sure, but...”

Помимо описанных выше культурно-специфических элементов в рассказах Роальда Даля следует также упомянуть широкий спектр культурных концептов, с которыми автор знакомит читателя. Они связаны с географическими реалиями (Beychevelle, Chateau Talbot) в рассказе Taste [1: 53-71], персоналиями (Roget’s Thesaurus, William Faulkner, James Joyce) в рассказе The Great Automatic Grammatizator [1:140-165], упоминанием архитектурных стилей (a Queen Anne, Georgian house, Manor House), титулов (Esq.) в рассказе Parson’s pleasure [1:13-44].

Выполняя культурно-просветительскую функцию, автор прибегает к различным способам идентификации культурных смыслов и расширения знаний читателя о них. К ним относится использование имплицатур, пресуппозиций, культурно-информационных помет.

Например, при описании обуви одного из старших учеников в рассказе Galloping Foxley автор упоминает имя обувщика Lobb, но учитывая малоизвестность данного имени и его отсутствие в фоновых знаниях читателя, восстанавливает информационную лакуну дополнительной информацией в скобках (who also had a royal crest), которая указывает на высочайшее качество обуви и отношение к королевскому двору.

Еще одним примером культурного концепта является лексема brolly в предложении I would get up from my chair, put on my raincoat and my straw hat, take my umbrella – my brolly – and set off on this long and lonely trek. Вышедшее из употребления слово brolly употребляется как неофициальное название со значением «зонтик», но, поскольку оно является менее употребительным и менее узнаваемым для читателя, автор использует культурно-информационную помету, маркируемую тире.

Некоторая часть культурно-значимой информации передается в рассказах Р. Даля в виде пресуппозиций. Например, в рассказе Mrs Bixby and the Colonel’s Coat [5:194-208] у героини, разглядывавшей стопки, сданных в ломбард вещей, промелькнула мысль ‘Why did they always pawn their teeth?’ Культурно-специфический смысл данного вопроса выводится читателем самостоятельно путем анализа вопроса. По правилам выведения пресуппозиций, если запрашивается причина действия, это значит, действие или факт существуют, то есть зубные протезы закладывают в ломбард.

Таким образом, наличие культурно-значимой информации в рассказах Роальда Даля позволяет широко использовать их для иллюстрации основных концептов теории межкультурной коммуникации (типологии культур, национального характера, гендерного критерия деления культур, отражения особенностей культурной картины мира коммуникантов и функционирования речевых актов в кросс-культурном аспекте). Изучение рассказов Роальда Даля также способствует формированию межкультурной восприимчивости студентов, прививает им интерес к наблюдению за способами решения лингвистических и нелингвистических задач в межкультурном взаимодействии, воспитывает терпимость к особенностям культур и субкультур, формирует убеждения о культурной самобытности и многообразии современного мира. Помимо этого, знакомя читателя с культурными реалиями, автор повышает его интеллектуальный и культурный кругозор.

Список литературы

1. *Даль Р.* Как знать (на английском языке). – М.: Цитадель, 2001. – 208 с.
2. *Кирилина А.В.* Гендер: лингвистические аспекты. – М.: Из-во «Институт социологии РАН», 1999. – 189 с.
3. *Маньковская З.В.* Введение в теорию межкультурной коммуникации (вербальный и невербальный аспекты): учеб. пособие. – 2-е изд. – М.: ГОУ ВПО МГУЛ, 2009. – 168 с.
4. *Садохин А.П.* Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: ЮНИТИ, 2004. – 272 с.
5. *Dahl, R.* Tales of the Unexpected: URL: <https://booksvooks.com/nonscrolablepdf/tales-of-the-unexpected-pdf-roald-dahl.html?page=107>

10.02.04

С.С. Шумбасова

Государственный социально-гуманитарный университет,
факультет иностранных языков,
кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации,
Коломна, svetshum13@gmail.com

БИБЛЕИЗМЫ В ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В настоящей статье рассматривается сопоставительный аспект в изучении фразеологических единиц библейского происхождения в языковой паре английский-немецкий. Различия обусловлены экстралингвистическими (интерпретация внутреннего смысла) и лингвистическими (внешняя форма) факторами. Представленные в статье примеры разделены на группы согласно степени англо-немецкой идиоматичности.

Ключевые слова: *фразеологическая единица, библейский текст, идиоматичная соотнесенность, интерпретация смысла.*

Английский и немецкий языки относятся к одной группе языков индоевропейской семьи – германские языки. Поэтому часто типологические исследования именно этой пары языков находятся в центре внимания современных лингвистов-исследователей. Не теряет популярности в последние десятилетия лингвокультурологический аспект, которому и посвящена настоящая статья, в частности, фразеологизмам-библейзмам.

Очевидно, что английский и немецкий языки между собой ближе, чем, например, они же к русскому языку. Тем не менее, отрицать факт существования национальных особенностей также невозможно.

В разных языках смыслы могут трансформироваться, обрастать какими-либо вариантами, оттенками. Отличия обусловлены многими факторами, в том числе, национально-культурными традициями, спецификой религиозных конфессий, языковой картиной мира, личностными особенностями переводчиков и людей, трактующих Священное писание.

Одной из таких проблем стала проблема определения источника перевода. Самые ранние попытки переложить Библию на англосаксонский язык, строго говоря, нельзя назвать переводами. Это были свободные пересказы в стихах хорошо известных библейских повествований. Одна древняя рукопись содержит поэмы, ранее приписывавшиеся монаху и поэту Кэдмону из Уитби (время расцвета ок. 670 года), но в настоящее время относимые к IX или началу XX в.

Около 380 года Папа Римский Дамасий распорядился привести все разрозненные интерпретации и варианты Библии в порядок, поэтому вплоть до своей кончины в 420 году над латинским переводом Священного писания, получившим в итоге название «Вульгата», трудился Иероним Стридонский. Начиная с VII в., когда англосаксы были обращены в христианство, и до эпохи Реформации единственной Библией, которая считалась авторитетной в Британии, была именно «Вульгата», которая с XVI века является официальной латинской Библией католической церкви.

Огромную роль в становлении литературного немецкого языка как единой объединяющей силы для большинства немецких государств сыграл перевод Мартина Лютера, который в общей сложности потратил на это почти четверть века (с 1522 по 1546 гг.). Большинство переводчиков в то время использовали «Вульгату» в качестве оригинала, Мартин Лютер же решил заложить в свой перевод идею протестантизма, то есть вернуться к мысли о необязательности посредничества церкви между Богом и людьми. Поэтому и переводил он с языка оригинала – «Ветхий завет» с древнееврейского, а «Новый завет» с греческого. За первые десять лет Библия Лютера была переиздана более 70 раз.

Лютеране, или протестанты, часто по-своему интерпретировали библейские тексты, вкладывая новые смыслы и акцентируя внимание на определенных образах и сюжетах, отличных от англиканской церкви. Таким образом, конфессиональная принадлежность явилась тем самым экстралингвистическим фактором, который учитывался в процессе формирования библейских фразеологизмов английского и немецкого языков.

Однако не стоит забывать и, собственно, про лингвистические особенности. Например, необходимо учитывать тот факт, что английский язык – аналитический, а немецкий – аналитико-синтетический, поэтому, несмотря на их схожесть на уровне фонетики, морфологии, лексики и грамматики, словообразовательные процессы сильно разнятся, а это, в свою очередь, влияет как на образование фразеологических единиц, так и на их функционирование в системе языка.

Символическое переосмысление – одна из главных особенностей, присущих библейским фразеологизмам. Оно занимает промежуточное положение между такими экспрессивными средствами, как метафора и метонимия. Безусловными лидерами, обладающими символическим смыслом, являются библейские антропонимы и топонимы. Например, такие фразеологизмы, как *der Judaskuss* – «поцелуй Иуды»; *die Weisheit Salomas* (*salomonische Weisheit*) – «мудрость Соломона» и другие, помимо присущего им общего символического значения, имеют в своем составе имена собственные, которые сами по себе являются символами. Так, слово *Judas* употребляется в значении «предатель», *Salomon* – в значении «человек, известный своей мудростью». В общем и целом, конечно, библейская символика интернациональна. Но не будем забывать про лингвистические и экстралингвистические факторы, сильно влияющие на формирование национальной интерпретации и смещение фокуса на другие смыслы, заложенные в той или иной, казалось бы, однозначной языковой единице, ведь познание Священного писания каждым народом происходило индивидуально, в результате чего у одного и того же библейского имени в одном из языков диапазон коннотаций может быть шире, чем в другом, или наоборот.

Многие библеизмы-фразеологизмы различаются по способу интерпретации основного смысла (по внутренней форме). Этот вид межъязыковых различий свойственен прежде всего ситуативным фразеологическим единицам. В английском и немецком языках фокус может быть на различных характеристиках одного и того же библейского сюжета, например, всем известная притча о блудном сыне (Лук. 15, 11-32), который оставил отчий дом, отправился бродяжничать, промотал свое состояние. В русском языке он назван по первому признаку: *блудный сын*, в английском – по второму: *prodigal son*, букв. «сын-расточитель». Во внутренней форме немецкого эквивалента отражено отношение к этому сыну со стороны отца: *der verlorene Sohn* (сын был потерян для отца). Пожалуй, из трех обозначений наиболее близко к глубинной сути притчи немецкое, поскольку главным персонажем истории является не сын, а отец, и основная моральная проблема заключается в том, как следует относиться к ушедшему и вновь обретенному сыну и, в философском плане, к отпавшим и возвратившимся адептам веры.

Выделяют следующие виды различий между английскими и немецкими библеизмами. К первой группе относятся полные и частичные эквиваленты, которые составляют *первый уровень* англо-немецкой идиоматичности – большая часть библеизмов двух языков. Сюда входят библеизмы, 1) схожие предложно-падежными формами (отделять плевелы от пшеницы / род.п. – *to separate the wheat from the chaff* – *die Spreu vom Weizen trennen* / дат.п./); бросать камень в кого-либо – *to cast stones at smb* – *den Stein auf jemanden werfen*; метать бисер перед свиньями – *cast one's pearls before swine* – *Perlen vor die Säue werfen*; 2) различающиеся оформлением синтаксических конструкций: терновый венец – *a crown of thorns* – *die Dornekrone*; знамение времени – *sign of the times* – *das Zeitzeichen*; в мгновение ока – *in twinkling of an eye* – *im Augenblick*; 3) словарные эквиваленты: запретный плод – *forbidden fruit* – *die verbotene Frucht*; адамово яблоко – *Adam's apple* – *Adamsapfel*; око за око, зуб за зуб – *an eye for an eye, a tooth for a tooth* – *Auge um Auge, Zahn um Zahn*; хлеб наш насущный – *our daily bread* – *unser täglich Brot*; Фома неверующий – *doubting Thomas* –

ungläubiger Thomas.

Ко *второму уровню* англо-немецкой идиоматичности относятся случаи с использованием слов с разным лексическим значением или разным семантическим значением составных элементов в соотносительных библеизмах: избиение младенцев – the massacre (slaughter) of the innocents – Kindermord; как будто пелена упала с глаз – the scales fell from one's eyes – es fiel einem wie Schuppen von den Augen.

Третий уровень англо-немецкой идиоматичности представляют собой отличия в количестве слов, т.е. один и тот же сюжет описывается в одном языке менее подробно: плоть от плоти – the flesh of one's flesh – Fleish von jemandes Fleisch und Bein von jemandes Bein sein; древо познания (добра и зла) – the tree of the knowledge of good and evil – der Baum der Erkenntnis.

К *четвертому уровню* относят библеизмы с различающимся составом слов, то есть немецкий библеизм имеет частично или полностью другое лексическое наполнение: беречь как зеницу ока – the apple of smb's eye – wie seinen Augapfel hüten – глас вопиющего в пустыне – the voice of one crying in the wilderness – ein Prediger in der Wüste; несть пророка в отечестве своем – a prophet is not without honor, save in his own country – der Prophet gilt nichts in seinem Vaterland.

Однако в некоторых случаях можно говорить о незначительных смысловых расхождениях английских и немецких библеизмов: вавилонское столпотворение (полная неразбериха, беспорядок при большом стечении народа) – the building of the tower of Babel – die babylonische Sprachverwirrung (букв. вавилонское смешение языков / полное непонимание друг друга); ложка дегтя в бочке меда – a fly in the ointment – ein Tropfen Wermut im Freudenbecher.

В заключение хотелось бы отметить, что уровень идиоматичной соотнесенности – это лишь малая часть исследований в области англо-немецкой фразеологии. И данный вопрос является не просто актуальным, а практически самобытным, поскольку в отечественном языкознании типологических исследований в паре английский-немецкий найти очень сложно, так что здесь есть куда двигаться и в каком направлении заниматься научными исследованиями, тем более, принимая во внимание тот факт, что западные лингвистические школы фразеологию редко рассматривают отдельно от лексического пласта, и скорее можно встретить описание вопроса лишь в предисловиях к фразеологическим словарям – здесь подобные единицы называются идиомами и редко анализируются достаточно подробно. Поэтому для исследований в этой области обычно используются лексикографические источники и метод сплошной выборки для подбора материала.

Список литературы

1. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии / Н. Н. Амосова ; предисл. О.И. Бродович. – 2-е изд., доп. - Москва : URSS : Либроком, 2009. – 206 с.
2. Бинович Л.Э. Немецко-русский фразеологический словарь. – М. : «Аквариум», 1995. – 768 с.
3. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка : Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – 2-е изд., перераб. – М. : Высш. шк., Дубна : Изд. центр «Феникс», 1996 – 381 с.
4. Мечковская Н.Б. Язык и религия : Пособие для студентов гуманитарных вузов. — М. : Агентство «ФАИР», 1998. – 352 с.

10.02.19 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

10.02.19

П.М. Алиева канд. филол. наук, Э.Г. Оздоева канд. филол. наук

Ингушский государственный университет,
Magac, pyatimat.alieva@yandex.ru, oeset@mail.ru

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕРМИНОВ РОДСТВА
ВО ФРАНЦУЗСКОМ И ИНГУШСКОМ ЯЗЫКАХ**

В статье представлены основные результаты структурно-семантического анализа терминов родства двух разноструктурных языков в сопоставительном плане. Отмечается, что термины родства являются наиболее древними лексическими единицами. Сделаны выводы о дискурсивной активности терминов разных групп, в частности о наиболее высокой частотности ядерных терминов родства, а также отмечено, что в ингушском языке функционирует больше терминов родства, чем во французском языке и указано, чем это обусловлено. Выявлено, что в ингушской художественной литературе функционирует более широкий пласт моносемантических терминов, по сравнению с французской художественной литературой, где больше полисемантических терминов.

Ключевые слова: термины родства; французский язык; ингушский язык; сопоставительный анализ; простые, составные и описательные термины.

В современной лингвистике актуализировались исследования лексем, обозначающих родственные связи, как в отдельных языках, так и в разных языках в сопоставительном плане, что обусловлено тем, что эти слова наиболее близки к самому ядру сферы человеческого бытия, поскольку обозначают самые близкие ему понятия – отец, мать, сын, дочь и т.п. Они относятся к наиболее древнему пласту лексики и представляют собой значимую часть основного словарного фонда любого языка.

В данной статье нами предпринята попытка комплексного анализа терминов родства во французском и ингушском языках в сопоставительном плане.

Исследованию терминов родства посвящены работы многих отечественных и зарубежных лингвистов: Л.Г. Моргана, В.В. Виноградова, В.Г. Гака, М.В. Крюкова, А.М. Кузнецов, Ю.И. Семенова, Э.Г. Оздоевой и др.[7; 2; 3; 5; 9; 8].

Система терминов родства – это совокупность терминов, применяющихся для номинации родственных отношений. Ю.И. Семенов по этому поводу замечает, что «точнее было бы, конечно, говорить о системе терминов родства, терминологии или номенклатуре родства, а системой родства называть систему терминов родства и систему реальных родственных отношений, вместе взятые» [9, с. 16].

Исследуя институт семьи, Л.Б. Гандарова отмечает, что «в системе родственных отношений, как правило, различают следующие **формы семьи**: нуклеарную и расширенную. Деление семей на те или иные формы зависит не от количества членов семьи, а от ее структуры. Если *нуклеарная семья* представлена лишь малой семьей (супругами и их детьми), то *расширенная (большая) семья* включает в себя не только членов нуклеарной семьи, но и их многочисленных родственников (например, бабушку, дедушку, внуков, дядю, тетю и других родственников)» [4, с.14].

Количество слов, обозначающих родство, в лексике индивида определяется в зависимости от того, как складываются его родственные связи с другими людьми. При этом следует отметить, что даже уменьшение числа родственников вследствие развода или смерти ведет к появлению новых понятий. Во французском и ингушском языках функционируют многие такие термины (*la veuve, le beau-père, la belle-mère, l'orphelin, даь сесаг, бо, нанас кхычахъа яь йиша, нанас кхычахъа ваь воша, даьна яь йиша, даьна ваь воша* и т.п.)

(Об этом более подробно см.: [1, с. 4553]). До двадцатого века в Ингушетии часто встречались случаи преднамеренного вскармливания грудью матерью чужого ребенка, чтобы сблизить два разных рода. Были также случаи, когда убийца припадал к груди матери своего кровного врага. В этом случае тоже кровная месть прекращалась и враги становились молочными братьями *энчиг(-аш)*, а у матери появлялся *шурийца хинна во1* – «молочный сын»: «*Цудухъа цхъа х1ама да вай де дезаш: хьо са наьна накхах вакха веза, т1аккха хьох хул са энчиг, вешта аьлча, цхъа накха биа воша*». – «Поэтому мы должны сделать одно дело: ты должен припасть к груди моей матери, тогда ты станешь мне молочным братом» [16, с. 36].

Все существующие системы родства Л.Г. Морган распределяет на *классификационные* и *описательные*. К классификационным он отнес системы, в которых такие понятия, как «отец», «мать», «сын», «дочь», означают не только собственного отца, мать или детей говорящего, а распространяются на целый класс лиц из поколения родителей или детей соответственно. Описательные системы четко выделяют прямую линию родства, обозначая особыми терминами каждого из родителей, сыновей и дочерей, внуков и внучек, объединяет между собой боковые линии родства, имеются термины для дядьев и тёток, племянников и племянниц, а в ряде случаев – двоюродных братьев и сестер.

Анализ структуры терминов, выявленных нами из произведений французских и ингушских авторов, позволил распределить их на три группы.

Первую группу составляют простые термины, т. е. «представляющие собой самостоятельные слова, не разложимые на отдельные компоненты» [5, с. 78]. Например, фр.: *le père, la mère, le frère, la soeur, la tante, l'oncle, le mari, l'époux, la femme, le cousin, la cousine* и др.; инг.: *да, нана, йиша, воша, йо1, во1, найц, нус* и др. Рассмотрим данные термины в художественных текстах: франц.: «*Deux femmes étaient debout, la mère, la soeur, tenant leurs coiffes emportées, regardant, elles aussi, comme si elles avaient pu voir ce que faisait à cette heure le petit, au-delà des lieues qui les séparaient*» [13, с. 372]; «*Toutes deux, ainsi à terre, la mère sur la fille, faisaient un spectacle digne de pitié*» [10, с. 172]; «*Ц1ен доал цунга дас хьаденнадале массанега а хьажса везар из ва, къаеннача Миэга а, наьнага а, з1амаг1ча йишжарашка а*» - «Если отец передал ему право правления семьей, он должен следить за всеми, за старой Мии, **матерью** и младшими **сестрами**» [15, с. 18]; «- *К1ант ва, са во1!* - *мара кхы х1ама аланзар Мандречо*» - «Мандре только сказал: «Молодец, мой сын!»» [15, с. 22]; «*Йоккхача нане йийца аьрзи лоацалоре-м цо д1авугаргвар цига*» - «Поймать бы орла, про которого рассказывала **бабушка**, он бы довез меня туда» [15, с. 14].

Термины *отец, мать, брат, сестра, сын, дочь* в обоих языках являются простыми однословными терминами. Эквивалентами терминов *la tante, l'oncle* в ингушском языке являются не цельнооформленные термины, а четыре описательных термина, каждый из которых состоит из двух простых терминов родства: *наьна йиша, даь йиша, даь воша, наьна воша*. Следовательно, семантика французских терминов *la tante, l'oncle* более общая, а в ингушских терминах конкретизируется тетя и дядя со стороны отца или со стороны матери. Что касается французских терминов *le cousin, la cousine*, в ингушском языке им соответствуют термины с более конкретной семантикой *даь веший во1, даь веший йо1, даь йиший во1, даь йиший йо1, наьна веший во1, наьна веший йо1, наьна йиший во1, наьна йиший йо1*. Аналогично терминам *дядя и тетя*, термины *двоюродный брат, двоюродная сестра* во французском языке обладают более общей семантикой, а в ингушском языке этим двум терминам эквивалентны восемь терминов с более конкретным значением.

Во вторую группу входят составные термины, образованные из простого термина, детерминированного другой лексической единицей. Например, франц.: *belle-mère, beau-père, arrière-grand-père, arrière-grande-mère, arrière-petite-fille, arrière-petit-fils, arrière-grands-parents, arrière-petits-enfants* и т.п.; инг.: *устда, устнана, маьр нана, маьр да, даь да, даь наьна да, наьна даь да, наьна даь нана, наьна наьна нана, наьна наьна да, vului vului йо1, vului йului йо1, йului vului йо1, йului йului во1* и т.п.: «*Le beau-père de Paul était carrossier, spécialisé dans la réparation de véhicules de secours: pompiers, police, EMU*» [11, с.109].

Термин *beau-père* состоит из простого термина *père* и детерминирован прилагательным *beau*. А соответствующий ему в ингушском языке термин *маьр да* состоит из двух простых терминов: *мар*, *да*. Такое же соответствие мы наблюдаем и со следующими терминами: *demi-soeur*, *demi-frère*, *petit-neveu*, *petite-nièce*: «Хьаькъял дола Саькур цу сахьате кхийттай мари **маьр даи** боабар кхерам болга. – «Сакур сразу поняла, что мужу и свекру грозит смертельная опасность» [14, с.102].

Третья группа представлена описательными терминами, являющимися «комбинацией двух или более элементарных терминов родства, связанных атрибутивными отношениями» [5]. Ср.: франц.: *le mari de la tante*, *la femme de l'oncle*, *le frère du père* и т.п.; инг.: *наьна йиша*, *даь йиша*, *даь воша*, *наьна воша*, *даь веший во1*, *даь веший йо1*, *даь йиший во1*, *даь йиший йо1*, *наьна веший во1*, *наьна веший йо1*, *наьна йиший во1*, *наьна йиший йо1* и т.п.

Если рассмотреть описательный термин *le mari de ma tante* и соответствующий ему ингушский термин *даь йиша йига найц*, то выясним, что французский термин состоит из двух простых терминов и указывается родство через слово *муж* (*mari*), а в ингушском варианте через слово *зять* (*найц*).

Таким образом, анализ структуры и семантики терминов родства позволяет сделать следующие выводы: 1) В обоих языках функционируют простые, составные и описательные термины. Количество простых терминов меньше и во французском языке, и в ингушском; 2) Составные термины образуются с помощью специальных компонентов в обоих языках, при этом во французском языке компонентами являются прилагательные (*grand(e)*, *beau (belle)*, *demi(e)*, *petit(e)*, *arrière*), а в ингушском - это корневые базовые термины родства (*да*, *нана*, *мар*, *сесаг*, *йиша*, *воша*, *йо1*, *во1*); 3) В количественном отношении в ингушском языке функционирует больше терминов родства, чем во французском языке. Многие термины родства во французском языке теряют свою дискурсивную активность. Причина, по которой многие термины родства выходит из употребления, кроется, прежде всего, в том, что наименование таких сложных родственных связей утрачивает свою значимость для общественного сознания, в особенности, в современных развитых странах, где под семьей подразумевается в основном мать, отец, дети; 4) Анализ семантики терминов показал, что моносемантических терминов родства в ингушском языке больше, чем во французском языке. Это обусловлено, на наш взгляд, более дробным делением микрополя терминов родства и наличием более обширного пласта дифференциальных семантических признаков для терминов родства и, как следствие, более разветвленная система родства в целом.

Список литературы

1. Алиева П.М., Оздоева Э.Г. Мотивированные термины родства во французском и ингушском языках. // Фундаментальные исследования. 2015. № 2. Ч. 20. -С. 4552-4555.
2. Виноградов В.В. Лексикология и лексикография. Избранные труды. М.: Наука, 1977. -312 с.
3. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков: Учебник. Изд. 3-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2006. – 288 с.
4. Гандарова Л.Б. Институт семьи в традиционных обществах Северного Кавказа.// Вестник Орловского государственного университета. 2014.№1. –С.14-19.
5. Крюков М.В. Личное имя и термины родства. // Ономастика Востока. М., 1980. –С. 27-31.
6. Кузнецов А.М. Сопоставительно-типологический анализ терминов кровного родства в английском, датском, французском, испанском языках: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1970. -175 с.
7. Морган Л.Г. Древнее общество. Л., 1935. -350 с.
8. Оздоева Э.Г. Лексика родства в ингушском языке. Назрань: ООО «Пилигрим», 2012. -128 с.
9. Семенов Ю.И. Происхождение брака и семьи. М.: Мысль, 1974. -311 с.
10. Hugo V. «Notre-Dame de Paris», М., 2007. – 221 p.
11. Levy Marc «Et si c'était vrai...», édition Robert Laffont, S.A., P., 2000. – 254 p.
12. Maupassant Guy de. Nouvelles choisies, М., 2006. - 224с.
13. Zola E. «Germinal», СПб., 2005. – 480 p.
14. Дахкильгов И.А. Наьначе: роман, дувцараш. Магас: Издательство «Сердало», 2012. - 312 с.
15. Зязиков Б. Турпала вахарцара ийс ди. Саратов, 1996. -158 с.
16. Плиев М.-С. Сыновняя клятва. Повести и рассказы. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1987. -368 с.

10.02.19

С.В. Будажапова, Л.Д. Раднаева, Б.В. Соктоева,
И.В. Хубракова, С.Д. Цыренжапова

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова,
институт филологии, иностранных языков и массовых коммуникаций,
кафедра иностранных языков,
Улан-Удэ, Sesegbud@yandex.ru, radnaeva.ljubov@gmail.com, socktoeva@mail.ru,
indrakhub88@gmail.com, tsd60@yandex.ru

АКУСТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ РЕАЛИЗАЦИЙ ЗВУКОВЫХ ЕДИНИЦ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена описанию фонетических свойств звуковых единиц английского языка, реализованных в условиях неподготовленного чтения. Материалом для исследования послужили тексты, записанные в реализации 18 дикторов – носителей русского языка (9 мужчин и 9 женщин) в возрасте от 17-23 лет с разным уровнем владения английским языком: начальный, средний, продвинутый. Проведен слуховой анализ реализаций гласных и согласных, зарегистрированы их акустические параметры с использованием программы по обработке речевых сигналов. Praat (www.praat.org).

Ключевые слова: английский язык, гласные, согласные, слуховой анализ, акустические параметры, форманты.

Введение. Первым разделом языкознания, с которым сталкиваются студенты первого курса языковых и неязыковых факультетов университетов, является фонетика. Большинство студентов сталкиваются с трудностями правильного освоения звуковой системой английского языка, существенно отличающейся от системы родного языка обучающихся, как на произносительном уровне, так при передаче звуков на письме и чтении. При этом одним из факторов затруднений успешного освоения произносительными навыками является интерферирующее влияние родного языка. В основе статьи – описание фонетических свойств звуковых единиц английского языка, реализованных в условиях неподготовленного чтения носителями русского языка.

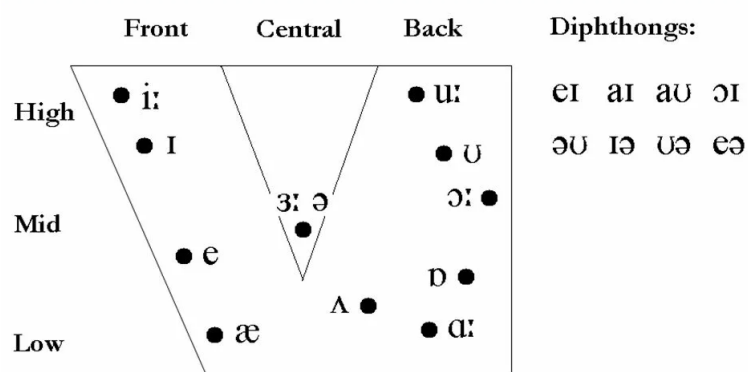
В английском языке 20 гласных и 24 согласные фонемы [6,7]. Классификация согласных и гласных представлены в символах международного фонетического алфавита в таблицах:

Таблица 1 - Система согласных английского языка

CONSONANTS (PULMONIC)											© 2005 IPA
	Bilabial	Labiodental	Dental	Alveolar	Postalveolar	Retroflex	Palatal	Velar	Uvular	Pharyngeal	Glottal
Plosive	p b			t d				k g			ʔ
Nasal	m			n				ŋ			
Trill											
Tap or Flap											
Fricative		f v	θ ð	s z	ʃ ʒ						h
Lateral fricative											
Approximant				r			j				
Lateral approximant				l							

Where symbols appear in pairs, the one to the right represents a voiced consonant. Shaded areas denote articulations judged impossible.

Таблица 2 - Система гласных английского языка

Материал и методика. Экспериментальным материалом послужили учебные тексты, записанные в процессе неподготовленного чтения в реализации 18 студентов первого курса в возрасте от 17 до 23 лет с разным уровнем языковой подготовки: начальный, средний, продвинутый. Запись экспериментального материала производилась в изолированной аудитории. Дикторы не были посвящены в цели эксперимента. Полученные записи расшифрованы при помощи программы Элан [3] и затранскрибированы на основе международного фонетического алфавита [4]. Акустические параметры определялись при помощи программы по обработке речевых сигналов Праат [5].

Слуховой анализ записей текстов в произнесении дикторов выявил типичные фонетические и фонологические ошибки. Фонетическая ошибка возникает, когда аллофон одной фонемы заменяется аллофоном той же фонемы, при этом значение слова не меняется. Фонологическая ошибка возникает, когда аллофон одной фонемы заменяется аллофоном другой фонемы, при этом значение слова меняется или искажается. Приведем ошибки, зафиксированные на сегментном уровне: 1. замена английских звуков схожими звуками русского языка. Например, английские согласные [n], [l], [s], [z], [t], [d] заменяются русскими [н], [л], [с], [з], [т], [д]; 2. Отсутствие придыхания перед гласными в звуках [p], [t], [k]. 3. Оглушение звонких согласных на концах слов (pens, dogs, boys) и озвончение глухих согласных перед звонкими (like this). 4. Палатализация согласных [p, m, v, f, t, d] перед гласными. 5. Взаимозамена разных английских звуков: [v] — [w], [s] — [θ], [z] — [ð], [f] — [θ], [w] — [ð], [t] — [θ], [d] — [ð]. Например, в словах: thing — sing — think — sink, three — free, this — with, what — that, first — thirst, Zen — then. 6. Замена русским 'в' английского [w]. 8. Несоблюдение долготы и краткости гласных. Долгота гласных в английском языке имеет смысловозначительную функцию. 7. Замена звука [ŋ] на [n], [ng], или [nk] (think, thing, sink). 8. Замена английского [r] русским [p], в том числе в словосочетаниях [tr], [dr], [fr]. 9. Уподобление звуков в потоке речи (ассимиляция) наблюдается при анализе звуков [s] и [θ], [z] и [ð], [v] и [w] в сочетаниях: is this [ɪz zɪs] или [ɪð ðɪs]; of water [əv wɔ:tə] или [əw wɔ:tə]. 10. Отсутствие связующего [r] во фразах: there is, there are, my brother is. На суперсегментном уровне замечены ошибки при реализации словесного ударения, ритмической организации текста, а также замены английских интонационных моделей русскими.

Акустический анализ. Для лингвиста основные сведения об акустических характеристиках речевого потока так же необходимы, как и сведения о способах произношения звуковых последовательностей. Нужно рассмотреть те свойства, которые существенны при описании звукового строя языка [1]. Фонетические особенности варьирования звуков в связном тексте рассматриваются на материале разных языков, в том числе на акустическом уровне [5]. В результате анализа получены частотные данные реализаций гласных и согласных. Различия между гласными описываются при помощи двух формант F1 и F2. F1 соотносится с продвижением тела языка по вертикали (подъем гласного). С увеличением степени открытости гласного частота повышается и имеет максимальное значение для английского гласного /æ/. F2 соотносится с продвижением тела языка по горизонтали (ряд гласного). F2 имеет максимальное значение для английского гласного /i/ и самое низкое значение для /u/.

F1 – первое после частоты основного тона усиление в спектре, F2 – второе. В потоке речи под влиянием соседних согласных изменяется спектральная картина гласных. На рис. 1 графически представлены среднее, стандартная ошибка и стандартное отклонение для признаков гласных /i/, /ɪ/, /e/ «ряд» и «подъем». График показывает, что анализируемые статистики отличаются как по абсолютному значению, так и по вариации. Для / i / размах вариации ранжируется в диапазоне от 1650 до 2473 Гц по признаку «ряд» гласного, что свидетельствует об неустойчивости артикуляции по этому признаку, в то время как размах вариации по признаку «подъем» находится в узком диапазоне от 304 до 402 Гц, подтверждающий устойчивость артикуляции по данному признаку. Последующий анализ данных реализаций гласных демонстрирует устойчивый широкий диапазон частотных составляющих по признаку «ряд» гласного в отличие от признака «подъем» гласного.

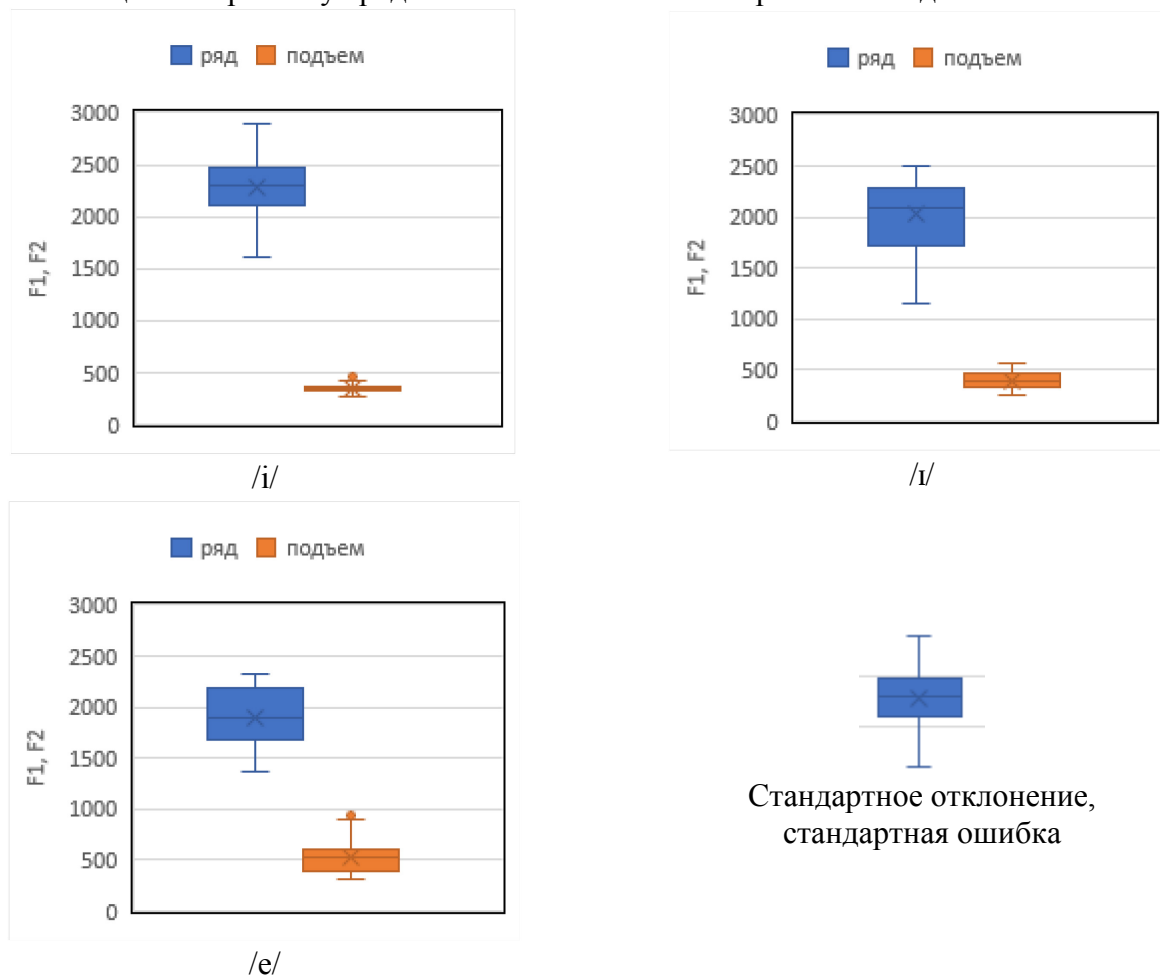

Рис. 1 - Сопоставление данных генеральных средних для долгого гласного /i/, для краткого гласного /ɪ/, для краткого гласного /e/ в составе слов, реализованных в условиях неподготовленного чтения текста.

Заключение. Акустические параметры реализаций звуковых единиц английского языка в условиях неподготовленного чтения обращают внимание на произносительные особенности реализаций звуков изучаемого языка и способы корректировки звуков по определенным признакам гласных и согласных.

Список литературы

1. Бондарко Л.В., Вербицкая Л.А., Гордина М.В. Основы общей фонетики. Санкт-Петербург. Из-во Санкт-Петербургского ун-та, 2000. 158с.
2. Международный фонетический алфавит - <https://www.internationalphoneticassociation.org/content/ipa-chart>
3. Программа аннотирования звуковых текстов Элан (Elan) - https://www.mpi.nl/tools/elan/tp/how-to/ELAN_handout_Russian.pdf
4. Программа по обработке речевых сигналов Праат (Praat) - www.praat.org
5. Раднаева Л.Д., Хубракова И.В. Особенности варьирования гласных в связной речи. Казань. Казанская наука, 1916. №2. С.84-86.
6. Ladefoged, P. A Course in Phonetics. Boston: Thomson Wadsworth, 2006.
7. Roach P. English phonetics and phonology. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

10.02.19

¹Л.Г. Васильев д-р филол. наук, ²В.В. Неборская канд. филол. наук,
³Н.В. Обухова канд. педагог. наук

¹Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского
кафедра лингвистики и иностранных языков,
Калуга, vaslievlg@tksu.ru,

²Удмуртский государственный университет,
кафедра лингвистического и лингводидактического сопровождения иноязычной
профессиональной коммуникации,
Ижевск, vvnebo@list.ru,

³Удмуртский государственный университет,
кафедра иностранных языков в сфере права, экономики и управления,
Ижевск, tabitha@mail.ru

СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РЕЧЕВОЙ АРГУМЕНТАЦИИ

В работе рассмотрены проблемы, с которыми мы сталкиваемся при рассмотрении аргументативного взаимодействия. Также выделяются прямые и косвенные участники обсуждения и составляющие объекта речевой аргументации. В статье подчеркивается, что в аргументации общие условия речевого взаимодействия строятся на рационалистических принципах.

Ключевые слова: лингвоаргументология, субъектно-объектное измерение, дискурс.

Лингвоаргументология – это лингвистическое исследование речевой аргументации. В отечественной лингвистике аргументация исследуется в основном в московской, петербургской, калужской, кубанской и центрально-сибирской школах [1].

Общие условия речевого взаимодействия в аргументации подчиняются стандартным конвенциям общения, но в аргументации оно призвано строиться на рационалистических принципах. Наше понимание рациональности очень простое: рациональность – это когнитивная атмосфера, в рамках которой для выполнения поставленных целей и задач следует придерживаться мнения об относительности истинности и использовать любые средства по оптимальному поиску решений, не нарушающие конвенции и регулятивы данного стиля общения. Трактовка рациональности связана с ненасильственным способом ведения дискуссии, а последний – с необходимостью существования открытости в обществе. Термин *открытое общество* (ОО) с философской точки зрения был подробно раскрыт К. Поппером [2]. Поэтому чтобы понять соотношение аргументации и рациональности, необходимо определить, насколько они связаны с ОО.

Расхожее представление об открытом обществе (ОО) как об обществе рыночном и демократическом вовсе не было характерно для взглядов К. Поппера. Философ представлял ОО как освобождающее критические силы человека и противопоставленное закрытому/родоплеменному обществу с его подчинением «магическим силам». Поэтому ОО имеет мало общего с политкорректным идеалом вежливости свободы слова – человек должен иметь право говорить то, что считает истинным и делать это без боязни санкций. Здесь речь идет, прежде всего, о критике и, следовательно, об аргументировании. При этом критика позиций не должна восприниматься как личное оскорбление, ибо свобода мнений должна иметь приоритет над желанием не обидеть человека.

Со сказанным связано неправомерное отождествление ОО с рациональным (научным) организованным обществом, поскольку в рамках философии науки Т. Куна мы вынуждены принимать утверждение, что научный поиск начинается там, где кончается критика. Совместимо ли это с формулой ОО? Думается, что нет, так как оставление каких-то

положений или теорий вне зоны (аргументированной) критики, т.е. фактический их фетишизм, сопряженный с табуированием, ведет к принятию не рациональности, а иррациональности. Аргументирование не должно рассматриваться и с позиций чистой (формальной) логики, которая свободна от естественно-языковых неоднозначностей и высказываний, не имеющих значения истинности, т. е. рассмотрение естественной аргументации должно проводиться при учете естественных же средств ее манифестации.

Высказав эти предварительные соображения методологического порядка, обратимся к рассмотрению проблем, с которыми мы так или иначе сталкиваемся при рассмотрении аргументативного взаимодействия.

Частным условием существования лингвоаргументативной деятельности является наличие аргументативной ситуации (АС) как ситуации речевого обмена мнениями между людьми. АС возникает в условиях когнитивного диссонанса при наличии у собеседников потребности что-либо узнать из общения с партнером. При этом такой диссонанс не должен быть слишком большим, иначе произойдет сбой в понимании.

Субъекты и манифестационные следы речевой аргументации – это прямые и косвенные участники обсуждения. Целесообразно выделять категории описания структуры обсуждения в аспекте действий (вклада) участников в обсуждении (например, их инициальные и сукцессивные выступления, замечания личного характера), с одной стороны, и структуру каждого выступления (вводные замечания, углубляющие и заключающие рассуждения, организованные в соответствии с повторяющимися типовыми образцами [6].

Партиципанты могут быть классифицированы в зависимости от наличия у них признаков (а) инициативности зачина обсуждения и (б) отношения к обсуждаемой проблеме. На основе признака (а) выделяются Актор и Контр-актор, на основе признака (б) – Пропонент и Оппонент. Актор – это тот, кто выдвинул некоторое утверждение для Обсуждения, Контр-актор – тот, кто принимает участие в обсуждении уже выдвинутого утверждения (например, рецензент). Эти роли перекликаются с ролями Отправителя и Получателя сообщений, но здесь определяется их место в аргументации; к тому же в отсроченном диалоге Контр-актор может быть как Получателем, так и Отправителем, равно как и Актор. Другое дело, что в отношении инициального сообщения роли Актора и Отправителя, с одной стороны, и Контр-актора и Получателя – с другой, судя по всему, совпадают. Выделение ролей Актора и Контр-актора происходит безотносительно к положительным или отрицательным воззрениям коммуникантов на обсуждаемые точки зрения. Роли Пропонента и Оппонента определяются с противоположных позиций: они чувствительны к принятию (Пропонент) или непринятию (Оппонент) обсуждаемого мнения, но безразличны в отношении дихотомии Отправитель/Получатель: каждый из них может быть, как Отправителем, так и Получателем. Таким образом, в аргументативной ситуации картина функциональных ролей участников дается без специальной ориентации на положение дел в коммуникации: в коммуникативной ситуации важнейшим признаком служит передача/прием информации, а в аргументативной – проблемная ситуация и отношение к ней участников. Кроме того, рассмотрение аргументативной ситуации в рамках отсроченной коммуникации также затрудняет их прямое соотнесение.

Составляющие объекта речевой аргументации.

Тезис. По мнению А.Н. Соколова, предмет разногласия в дискуссии выступает в качестве спорного вопроса, который принимает облик Положения, к которому, в отличие от Тезиса, предъявляется требование не истинности, а не-ложности; Положение связывается с логическим понятием противоположности [4]. Однако понятие противоположности напрямую связано с разделением суждений на истинные и ложные, а на этом основании у А.Н. Соколова выделяется Тезис, Положение же определяется на основе правильности/ошибочности.

Стремление избавиться от логических коннотаций термина Тезис наблюдается и в голландской прагматике, где аргументация соотносится с эксплицитным Тезисом как защищаемым положением [5]. Но тогда получается, что в условиях имплицитного Тезиса

аргументация отсутствует, с чем едва ли можно согласиться. Не вполне четкой представляется и трактовка термина *точка зрения (позиция)*. С одной стороны, это глобальный эксплицитный/имплицитный Тезис, подкрепленный эксплицитными локальными Тезисами, которые на глобальном уровне становятся Доводами. С другой стороны, это *views, attitudes, standpoints*, т.е. не то, *что* доказывается, а то, на что опираются при доказательстве: фоновые знания, пресуппозиции, мыслительное поле, откуда выбирается выражаемое мнение. Представляется, что такая неоднозначность проистекает из употребления термина исходный (initial) (Тезис), который представим в виде вершинного терминала аргументативного фрейма и представляет собою доказываемое, но известное Пропоненту заранее положение. Думается, что эта проблема в случае аргументации должна решаться исходя из того, что доказывание глобального Тезиса можно считать анализом его обоснования, а синтез представляет собою синтагматический путь к соединению отдельных положений в целое. Иными словами, в этом отношении анализ ориентирован на локальный, а синтез – на глобальный уровень.

Для разноплановой аргументации понятие исходного Тезиса более важно, потому что в такой аргументации не обязательно соблюдение логического требования однозначности и самотождественности Тезиса. «Реальная аргументация чаще всего посвящена мысленному анализу незнакомой ситуации с целью постановки диагноза, окончательного суждения. <...> Субъекту, автору должно быть гарантировано право уточнять и исправлять тезис, подбирать для него все более адекватные языковые выражения» [3, с. 6]. Такое требование справедливо для обыденной, но не для научной аргументации отсроченного характера. Даже в условиях непосредственного устного научного диалога аргументация весьма нежестка в указанном отношении, потому что подчиняется принципу стратегии. В условиях же письменного монолога или отсроченного диалога принцип тождественности Тезиса действует, хотя критерий 'истинность/ложность' – не всегда, особенно в гуманитарных текстах. Впрочем, в гуманитарных научных текстах нередки случаи постпозиционного оформления Тезиса, особенно, когда его начальная формулировка не вполне четкая.

С линейной точки зрения в работах по аргументации часто проводится терминологическое разграничение собственно Тезиса и Вывода (Заключения): Тезис в собственном смысле эксплицитен и реализуется до, а Вывод – после выражения обоснования; Вывод может быть и имплицитным, если Пропонент предлагает собеседнику самому сделать заключение. В общении без уловок сделать такое заключение обычно не составляет большого труда. Тем самым, собственно Тезис и Вывод различаются по позиционным (обязательные) и экспликаторным (факультативные) характеристикам. Представляется, что поскольку эти признаки являются тектоническими и функциональными, кардинального влияния на внутреннюю семантику Тезиса они не оказывают. Поэтому для обеих разновидностей тезисов можно сохранить единый термин *Тезис*, вводя при необходимости соответствующие уточнения.

Доводы. Доказывание Тезиса осуществляется при помощи некоторой системы высказываний, называемых по-разному: посылками, аргументами, основаниями, доводами и т.п. Среди требований, предъявляемых к доводам, логики называют; (а) истинность; (б) непротиворечивость другим высказываниям, приводимым аргументирующей стороной в обоснование своей точки зрения, самому положению, установленным фактам; (в) внутреннюю непротиворечивость, самотождественность, ясность; (г) логическую связанность с положением (тезисом); (д) независимость истинности аргумента от истинности обосновываемого положения [4, с. 13].

Логическая (референциальная) истинность присутствует далеко не во всех аргументно-дискурсивных практиках (ср. хотя бы референциально пустые множества воображаемых предметов типа *леший, кикимора* и т. п.) и для общения, не связанного с точными науками, не всегда характерна. Степень надежности тут определяется самим субъектом, поэтому в аргументологии используются правила, применение которых основано на необязательной истинности доводов [3, с. 8-9].

В силу того, что термин *посылка* связан с логическими учениями, а под аргументом мы понимаем комплекс 'Тезис + Доводы + Доказывание', целесообразно пользоваться термином Довод, который свободен от наличия условий истинности в логической интерпретации. Нельзя сказать, что условия референциальной истинности несущественны для аргументации в режиме отсроченного диалога или монолога, однако для текстов гуманитарного характера, которые оперируют образованиями не-предметного плана, денотативная картина истины все же малосущественна.

Формулировка субъект-объектных факторов лингвоаргументологии является существенной для проведения аргументативного разбора как в бытийном, так и в институциональном дискурсе. Названные факторы не могут рассматриваться по-отдельности не только в силу обеспечения целостности такого рассмотрения, но и по самой своей природе.

Список литературы

1. *Васильев Л.Г.* Аргументация и ее понимание: логико-лингвистический подход. Калуга: Калужский гос. ун-т, 2014. - 330 с.
2. *Поппер К.Р.* Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. Пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. - М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. - 448 с.
3. *Родос В.Б.* Теория и практика полемики. Томск: Томск. гос. ун-т, 1989. -55 с.
4. *Соколов А.Н.* Проблемы научной дискуссии: логико-гносеологический анализ. - Ленинград: Наука, 1980. - 157 с.
5. *Eemeren F. van, Grootendorst R.* Speech Acts in Argumentative Discussions. Dordrecht: De Gruyter, 1984. - 217 p.
6. *Grunert H., Kalivoda G.* Politisches Sprechen als opositiver Diskurs: Analyse rhetorisch-argumentativer Strukturen im parlamentischen Sprachgebrauch // Textproduktion und Textrezeption. Tübingen, 1983. P. 73-79.

10.02.19

Л.М. Гиниятуллина канд. филол. наук, М.М. Шакурова канд. филол. наук

Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова,
Академии наук Республики Татарстан,
Казань, gin_liluk@mail.ru, mshakurova@inbox.ru

ОСОБЕННОСТИ СЛОЖНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ЦЕЛЫХ В ТЕКСТАХ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОГО СТИЛЯ

В статье описываются и систематизируются научные исследования, посвященные изучению видов синтаксических отношений между компонентами сложных синтаксических целых в текстах официально-деловых документов. Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе структурно-семантических типов сложных синтаксических целых в текстах официально-делового стиля. В результате анализа выявляется функционально-прагматическая сущность сложных синтаксических целых с разными видами синтаксических отношений.

Ключевые слова: *текст, сложное синтаксическое целое, официально-деловой стиль, языковые особенности, структурно-семантические типы.*

Предложение в языкознании рассматривается как минимальная основная единица речи. Но наряду с ним при изучении строения речи большое значение приобретают группы тесно взаимосвязанных предложений, которые образуют новую синтаксическую единицу. Таких предложений лингвисты называют сложными синтаксическими целыми (далее – ССЦ).

В текстах официально-делового стиля требуется использование определенных языковых особенностей, представляющих собой сочетание фонетических, лексических, грамматических, морфемных средств. Эти средства в совокупности образуют систему функционально-стилистических норм официально-делового стиля. «Наиболее характерными для официально-делового большинства языковых систем, включая и татарский язык, следует признать такие черты, как официальность, стандартизованность и унифицированность, точность, нейтральный тон» [1, с. 17–18].

Продemonстрируем сложное синтаксическое целое из официально-делового стиля:

82 статья

1. Татарстан Республикасы Дәүләт Советы Рәисе Дәүләт Советына җитәкчелек итә һәм аның утырышларында рәислек итә, Дәүләт Советы эшен оештыра, Татарстан Республикасы дәүләт хакимиятенә башка органнары һәм жирле үзидарә органнары, дәүләт хакимиятенә федераль органнары, башка дәүләтләрнең парламентлары, жәмәгәт берләшмәләре белән мөнәсәбәтләрдә Дәүләт Советы исемненән эш йөртә, Татарстан Республикасы Конституциясендә, законнарында һәм Татарстан Республикасы Дәүләт Советы Регламентында каралган башка вәкаләтләрне тормышка ашыра.

2. Дәүләт Советы Рәисе урынбасарлары Дәүләт Советы Рәисе тапшырган вәкаләтләр буенча аның аерым вазыйфаларын үтиләр һәм, Рәис булмаган яисә ул үз вазыйфаларын башкара алмаган очракта, аны алыштыралар.

3. Татарстан Республикасы Дәүләт Советы Секретаре Дәүләт Советы Аппаратына җитәкчелек итә. [2] / Статья 82

1. Председатель Государственного Совета Республики Татарстан возглавляет Государственный Совет и председательствует на его заседаниях, организует работу Государственного Совета, представляет Государственный Совет в отношениях с другими органами государственной власти Республики Татарстан и органами местного самоуправления, федеральными органами государственной власти, парламентами других государств, общественными объединениями, осуществляет иные полномочия, предусмотренные Конституцией, законами Республики Татарстан и Регламентом Государственного Совета Республики Татарстан.

2. Заместители Председателя Государственного Совета выполняют по уполномочию Председателя Государственного Совета отдельные его функции и замещают Председателя в случае его отсутствия или невозможности осуществления им своих обязанностей.

3. Секретарь Государственного Совета Республики Татарстан возглавляет Аппарат Государственного Совета.

Сложное синтаксическое целое состоит из трех простых предложений. Зачином является номер статьи (82 *статья*). Смысловое ядро обеспечивает словосочетание *Дәүләт Советы рәисе* ‘председатель Государственного Совета’, которое повторяется девять раз и является центральной лексемой микротемы.

На лексическом уровне выявлены следующие языковые особенности: употреблено много заимствований, калькированной лексики; экспрессивно не окрашенных слов; стандартизованных выражений, терминов соответствующей сферы.

На морфологическом уровне характерны такие языковые особенности: из самостоятельных частей речи чаще употребляются имена существительные (61 слово из 100), сложные глаголы (*рәислек итә* ‘председательствует’, *эш йөртә* ‘действует’, *тормышка ашыра* ‘воплощает в жизнь’, *житәкчелек итә* ‘руководит’), изафетные сочетания; глагольные сказуемые обеспечивают параллельную связь между предложениями.

На синтаксическом уровне имеются следующие языковые особенности: первое предложение ССЦ осложнено однородными сказуемыми, связанными между собой интонацией перечисления; обстоятельства места, определения, где средствами связи выступают интонация перечисления и союз *һәм* ‘и’; второе предложение осложнено обстоятельством времени; третье предложение – простое.

На морфемном уровне выделены такие языковые особенности: однокоренные слова *рәис/рәислек итә* ‘председатель – председательствует’; производные существительные образованные от существительных присоединением аффикса *-лек* (*житәкчелек* ‘руководствование’, *рәислек* ‘председательство’).

Рассмотрим еще два примера ССЦ в официально-деловых документах, которые имеют одинаковую структуру.

(1) Татарстан Республикасы Президенты Указы

(2) А. Ә. Кәримовны Татарстан Республикасы Премьер-министры урынбасары – Татарстан Республикасы сәнәгать һәм сәүдә министры итеп билгеләп кую турында

(3) Кәримов Альберт Әнвәр улын Татарстан Республикасы Премьер-министры урынбасары – Татарстан Республикасы сәнәгать һәм сәүдә министры итеп билгеләп куярга.

(4) Татарстан Республикасы Президенты Р. Н. Миңнеханов

(5) Казан, Кремль

(6) 2015 ел, 23 декабрь [3] /

Указ Президента Республики Татарстан

О назначении Каримова А. А. заместителем Премьер-министра Республики Татарстан – Министром промышленности и торговли Республики Татарстан

Назначить Каримова Альберта Анваровича заместителем Премьер-министра Республики Татарстан – Министром промышленности и торговли Республики Татарстан.

Президент Республики Татарстан Р. Н. Минниханов

Казань, Кремль

23 декабря 2015 года

(1) Татарстан Республикасы Дәүләт Советы карары

(2) Алтынчы чакырылыш Татарстан Республикасы Дәүләт Советы депутатларын сайлауны билгеләү турында

(3) Татарстан Республикасы Конституциясенең 75 статьясындагы 15 пункты, Татарстан Республикасы Сайлау кодексының 87 статьясындагы 1 өлеше нигезендә Татарстан Республикасы Дәүләт Советы карар бирә:

Алтынчы чакырылыш Татарстан Республикасы Дәүләт Советы депутатларын сайлауны 2019 елның 8 сентябренә билгеләргә.

(4) Татарстан Республикасы Дәүләт Советы рәисе Ф. Х. Мөхәммәтшин

(5) Казан шәһәре

(6) 2019 елның 5 июне [4] /

Постановление Государственного Совета Республики Татарстан

Об установлении выборов депутатов Государственного Совета Республики Татарстан шестого созыва

В соответствии с пунктом 15 статьи 75 Конституции Республики Татарстан, частью 1 статьи 87 Избирательного кодекса Республики Татарстан Государственный Совет Республики Татарстан постановляет:

Выборы депутатов Государственного Совета Республики Татарстан шестого созыва назначить на 8 сентября 2019 года.

Председатель Государственного Совета

Республики Татарстан Ф. Х. Мухаметшин

город Казань

5 июня 2019 года

Каждый из этих сложных синтаксических целых состоит из шести предложений. В зачине сообщается название документа, во втором предложении сообщается суть документа, т.е. микротема. В третьем предложении каждого ССЦ почти целиком повторяется второе предложение, но с изменением формы глагола: имя действия во втором предложении в третьем становится инфинитивом.

5, 6 предложения – номинативные предложения, где сообщается место и время оформления документа. Третье предложение каждого анализируемого ССЦ имеет особую структуру. В первом оно выражено неопределенно-личным предложением, во втором – аналитическим сложноподчиненным предложением.

Итак, в ССЦ из текстов официально-делового стиля характерны языковые особенности на лексическом, морфемном, морфологическом и синтаксическом уровнях и, в основном, это одинаковый набор для всех ССЦ из текстов исследуемого стиля.

Список литературы

1. *Тимерханов А.А.* Язык деловых бумаг в современном татарском языке: дис... док. филол. наук. – К., 2006. – 51 с.
2. Татарстан Республикасы Конституциясе // URL: https://minjust.tatarstan.ru/konstitutsiya.htm?pub_id=1084014 (дата обращения 20.12.2021)
3. Татарстан Республикасы Президенты Указы // Ватаным Татарстан. – 2015. – 25 декабрь.
4. Татарстан Республикасы Дәүләт Советы карары // Ватаным Татарстан. – 2019. – 7 июнь.

10.02.19

Н.В. Зененко, Л.П. Сон

Военный университет министерства обороны Российской Федерации,
факультет иностранных языков,
кафедра романских языков,
Москва, zenenko@mail.ru, luciason@mail.ru

ИСПАНСКИЕ ПАРЕМИИ: ПРОЯВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА И СОХРАНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Статья посвящена исследованию испанских паремиологических единиц как отражения национального характера испанцев. Образ мира, порожденный индивидуальным сознанием, влияет на формирование образа мира в коллективном сознании. Эти процессы вырабатывают национальный характер, черты которого получают воплощение в поведенческих нормах нации и в языке.

Ключевые слова: *де-глобализация, национальная идентичность, национальный характер, паремиологические единицы.*

В современном нестабильном обществе некоторые понятия, которые еще в XX веке были объектом изучения философии, политологии или социологии, в XXI веке привлекают внимание лингвистов. Политическая и эпидемиологическая турбулентность планетарного масштаба привела к частичной «культурной изоляции» и инициировала процессы де-глобализации. Под де-глобализацией мы понимаем стремление нации к сохранению этнокультуры и национальной идентичности. Известно, что глобализация, как этап общественно-исторического развития человечества, которому присуща высокая степень интеграционных процессов практически во всех сферах жизнедеятельности человека, привела к наднациональной интеграции, нанеся ущерб национальной идентичности [4].

За последние два года глобальная эпидемиологическая ситуация и, как следствие, пандемия COVID-19, запустили процессы де-глобализации [4], что в итоге привело к реактивации национального самосознания и его проявления в национальном характере.

Философы XX века отмечают, что у научного сообщества нет единого понимания термина «национальный характер». Невозможно представить список параметров, на основании которых формируется характер той или иной нации (И.Л. Солоневич 1991, Ю.П. Платонов 2003, Ю.А. Серебрякова 2018, Р.Б. Мункеева 2018 и др.). Однако все единодушны в том, что представители разных этнических групп различаются по способу мышления, по темпераменту, подчиняясь своим моральным устоям, обычаям и традициям, что неизменно в результате находит отражение в языке.

Национальный характер зиждется на национальной культуре, которая приводит к созданию не только, так называемого, этнокультурного артефакта в виде исторических памятников, национальных костюмов и блюд, но и этнокультурного ментефакта, а именно, Священных писаний, пословиц, поговорок, афоризмов и т.д., что закрепляется в естественном языке и является отражением национального характера.

Так, популяризатором национальных языковых ценностей, стал вдохновленный идеями Эразма Роттердамского испанский филолог Антонио де Небриха, который в 1492 году опубликовал Грамматику кастильского языка. Впервые в своей Грамматике известный ученый использовал кастильскую терминологию, отказавшись от латинской, продемонстрировав, тем самым, национальный характер испанца.

Общеизвестно, что естественный язык, используя собственный языковой ресурс, способен удовлетворить не только интеллектуальные, духовные, социальные потребности общества, но и будучи особо важным для его носителей, становится средством выражения духовности и картины мира нации. По мнению В. Фон Гумбольдта, в языке хранятся «... интеллектуальные духовные гены», переходящие из поколения в поколение [3].

Известный советский психолог Л.С. Выготский, основатель теории сознания, был первым в отечественной (а может и мировой) науке, кто занимался вопросами связи мышления и речи [2, 5]. Целью его экспериментального труда (длиною в 10 лет) было выявление и понимание генезиса мышления и речи. Гипотезой исследования стала «зависимость развития мышления от речи, от средств мышления и от социально-культурного опыта ребенка» [2, 82].

Важнейшая сфера функционирования языка – это устная коммуникация, основой которой является разговорный язык. Представляется важным в данном контексте определение понятию «разговорный язык», сформулированное Ю.М. Скребневым: «Разговорный язык – это в некотором смысле минимальная система национального языка, филогенетически и онтогенетически первичная система, важная по диапазону общественной и индивидуальной значимости» [6, 87].

Неотъемлемой частью любого естественного языка в его разговорной форме являются паремиологические изречения. В современной лингвистике большое внимание уделяется изучению явлений, отражающих связь языка и культуры, языка и общества, языка и этноса. Таковыми являются паремии и фразеологические обороты.

Важно заметить, что «... при анализе языка как феномена культуры и отразившихся и закрепившихся в нем проявлений культуры отдельного внимания заслуживает паремиологический и фразеологический фонд языка» [5, 89].

Именно они являются ценнейшими источниками сведений о культуре, менталитете народа и о формировании национального характера.

К области паремиологических единиц относят ряд языковых явлений – это поговорки, пословицы, крылатые слова, афоризмы. В паремиях и фразеологизмах запечатлены представления определенного этноса о системе ценностей, общественной морали, отношении к миру, людям, к другим народам. Фразеологизмы, пословицы, поговорки, цитаты наглядно иллюстрируют образ жизни, кодируют национально-культурные стереотипы и национальный характер, образы, традиционные представления, оценочные нормы, модели поведения и обобщенные схемы ситуаций, закрепившихся в сложных социопатических образованиях – национально-специфических концептах.

В нашей статье культурная информация паремиологических (а также, фразеологических) единиц понимается как специфика проявления национального характера испанцев, и разговорному языку здесь отводится приоритетное место. Разговорный язык – это важнейший источник формирования испанских паремий и фразеологизмов, который, с одной стороны, впитал в себя, а, с другой стороны, транслирует особенности испанского национального характера.

Так, одной из характерных черт испанца является лень и, как следствие, борьба с ленью. Например: *Quien tiene tiempo y tiempo espera, tiempo viene que se arrepiente* (исп.) – *Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня* (рус.). Данная поговорка может использоваться в общении для мотивации собеседника к выполнению работы в срок.

Еще один пример, доказывающий сказанное выше: *Primero el deber, después el placer* (исп.). Или *Primero la obligación y después la devoción* (исп.) – *Сначала долг, потом удовольствие; сначала обязательства, а потом – привычка* (рус.). В русском языке данной поговорке соответствует «Сделал дело – гуляй смело». По смыслу эти поговорки соответствуют предыдущей и несут в себе похожий смысл. Это изречение побуждает к тому, что необходимо сначала потрудиться, сделать все дела и только потом отдыхать.

В характере испанца – поучать друга или соседа. Считается, в жизни действует принцип взаимности, то есть, как мы относимся к человеку, так и он будет относиться к нам. Конечно, никто не хочет чувствовать к себе плохое отношение, а для этого нужно делать добро

человеку, если хочешь получить то же самое в ответ: «За добро добром и платят». Например: *No hagas a los demás lo que no quieres que te hagan a tí* (исп.) – Не делай другим того, чего не желаешь себе (рус.).

Другой пример: *Allí donde fueres, haz lo que vieres* (исп.) – В чуждой монастырь со своим уставом не ходят (рус.). Данная поговорка указывает человеку на то, что следует вести себя на чужой земле или в чужом доме, придерживаясь тех норм и правил поведения, которые там приняты. Считается неприличным навязывать свое мнение другим людям и пытаться заставить их что-либо изменить, а также судить других по своим законам и привычкам.

Испанцы нередко бывают излишне критичны по отношению к другим людям: *Se ve la paja en el ojo ajeno y no la viga en el propio* (исп.) – В чужом глазу соринку видит, а в своем бревно не замечает (рус.). Многие люди не замечают своих недостатков, и в то же время пытаются разглядеть их в других, потому что они, как кажется, сильнее бросаются в глаза. Очень часто неверное действие или поступок человека осуждается со стороны других людей, которые, вероятно и сами когда-либо поступали неправильно. Такое поведение считается неправильным, и использование данной поговорки призывает человека начать, в первую очередь, с себя. Нужно сначала самому научиться быть «правильным» и вовсе не осуждать действия других.

В характере испанца определенное бескорыстие, они предпочитают любовь богатству. Например: *Contigo pan y cebolla* (исп.) – С тобой хлеб и лук (рус.). В русском языке есть аналогичное высказывание: «С милым и в шалаше рай», но в испанском варианте используются слова «*pan*» и «*cebolla*» – лук и хлеб, что традиционно считалось продуктами, символизирующими бедность.

В большинстве своем испанцы люди осмотрительные и осторожные, об этом свидетельствует следующий афоризм: *Las paredes también oyen* (исп.) – Стены тоже слышат (рус.). «*Las paredes oyen*» – название пьесы, которую написал Хуан Руис де Аларкон-и-Мендоса (*Juan Ruiz de Alarcón y Mendoza*) – испанский драматург, автор многих пьес, ставших шедеврами классического испанского театра. В пьесе высмеиваются привычки клеветать и сплетничать. Эта пословица может быть применима к тому, кто говорит слишком громко, тем самым поступая неосмотрительно, неосторожно. Используется для того, чтобы предостеречь кого-либо от неверных действий, чтобы человек был более бдительным.

В характере испанца – бережливость: *Guardadoña Estrujada para doña Despilfarrada* (исп.) – (букв.) Донья Эструхада копит для доньи Деспильфаррада (рус.). Имя Эструхада (*Estrujada*) значит извлекающая, выжимающая выгоду, а Деспильфаррада (*Despilfarrada*) – транжирка, расточительная. Таким образом, фразеологизм имеет значение: копит бережливый, а промотает транжир.

Обратим внимание еще на некоторые важные черты, которые формируют национальный характер испанцев.

Например, *no hay que cruzar el puente antes dellegara él* (исп.) – Не нужно переходить мост, еще не добравшись до него (рус.). Значение этой пословицы сводится к тому, что не стоит торопить события, неуместно загадывать что-либо наперед. Данное изречение учит здравомыслию, то есть нужно сначала добиться поставленной цели, и только потом «праздновать победу», ведь никто не знает, как могут сложиться обстоятельства. Необходимо все делать вовремя и к месту, не забегая вперед.

Другой пример: *derramar aceite y saltra mal* (исп.) – пролить масло и рассыпать соль – к несчастью/ссоре (рус.). В Испании оливковое масло является национальным продуктом, и, говорят, что оливковое масло – это «жидкое золото» страны. Соответственно, пролить масло – плохая примета. Что касается соли, то этот продукт издавна считался очень дорогим. Поэтому в Испании соль стала символом дружбы, то есть, как надо беречь соль, так нужно беречь и дружбу. Отсюда пошло поверье о том, что если соль рассыпается, то разрывается в последствии и дружба. И считается, что необходимо бросить щепотку соли через левое плечо, чтобы избежать ссоры.

Испанцы очень трепетно относятся к своему здоровью: *consaludysinzipatossecaminaelmundoentero* (исп.) – (букв.) *когда ты здоров, ты и босиком можешь обойти весь свет* (рус.) – *Здоров будешь, всё добудешь*. Житель Испании считает, что здоровье – это главное богатство человека, обладая им можно достичь любой цели и решить любую задачу.

Пословица *recibidoyaeldaño, ataparelhorado* (исп.) – (букв.) *получив удар, прячься* (рус.) призывает к смирению при невозможности изменить ситуацию.

Очень часто человек, не сумев сразу добиться желаемого, бросает начатое дело. Пословица *lapacienciaeslallavedetodaslaspuerta* (исп.) – *терпение – ключ от всех дверей* (рус.) учит тому, что нужно быть более устремленным, трудолюбивым и терпеливым. В любом деле главное – упорство. Обладая такими качествами, можно добиться результата – *Терпенье и труд все перетрут*.

Исследуя проблему национального характера, не стоит забывать, что в полном объеме он (национальный характер) проявляется в коммуникативном поведении. Так, эмоциональные и экспрессивные жители Испании считаются «контактной нацией», они не боятся вторгаться в личное пространство собеседника, не сдерживают своих эмоций, нередко красноречиво жестикулируют. В неформальной обстановке, зачастую приветствуя или прощаясь с малознакомыми людьми, сокращают дистанцию до дружеских объятий и даже поцелуев.

На основании анализа приведенных паремий и фразеологических единиц можно составить некоторое представление о национальном характере испанца, для которого свойственны бескорыстие, осмотрительность, дружелюбие, осторожность, преодоление собственной лени, бережливость, предусмотрительность, суеверие, стремление поучать и критиковать других людей, эмпатия, способность считаться и уважать чужое мнение, забота о здоровье, высокая эмоциональность и экспрессивность.

Таким образом, посредством паремиологических единиц и фразеологизмов транслируется национальный характер испанца. Кроме того, паремии становятся не только проявлением, но и своего рода защитой и сохранением национальной идентичности, сформировавшейся за долгую историю испанского народа, богатую культурными традициями и обычаями, что особенно важно в непростом и противоречивом современном мире.

Другими словами, выявление отличительных черт национального характера самостоятельной этнической группы позволяет описать процессы сохранения национальной идентичности отдельного сообщества. Изучение понятия «национальный характер» актуально для анализа традиций, норм поведения, поведенческой коммуникации, духовности народа. Базовые черты национального характера закрепляются в языке.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О.С. Ахманова – М., 1966. – 598 с.
2. Выготский Л.С. Мышление и речь. [Текст] / Л.С. Выготский – Изд. 5, испр. М.: Лабиринт, 1999. – 352 с.
3. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: пер. с нем. / общ. ред. Г.В. Рамишвили. Текст] / В. Фон Гумбольдт – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. – 400 с.
4. Зененко Н.В., Сон Л.П. Сленгизмы как способ сохранения национальной идентичности (на материале мексиканского молодежного сленга) [Текст] // Н.В. Зененко, Л.П. Сон – Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия Гуманитарные науки – № 10/2. 2021. – С.67-71.
5. Пьянзина И.Н. Национально-культурная специфика фразеологизмов американского варианта английского языка [Текст] / И.Н. Пьянзина – Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки / № 2, 2006. – С. 88-101.
6. Скребнев Ю.М. Введение в коллоквиалистику [Текст] / Ю.М. Скребнев – под ред. О.Б. Сиротининой. – Саратов, 1985. – 206 с.

10.02.19

Н.Г. Иванова, А.В. Кириллова, Д.Е. Меренкова, М.В. Шурупова

Государственный гуманитарно-технологический университет,
кафедра английской филологии и переводоведения,
кафедра романо-германской филологии,
Орехово-Зуево, ayakafedra@ggtu.ru

РОЛЬ АББРЕВИАТУРЫ В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена анализу роли и значения аббревиатуры как одного из наиболее продуктивных способов словообразования в современном английском языке. Авторы рассматривают значимость аббревиатурных форм в устной и письменной формы коммуникации между людьми. В работе представлены примеры аббревиатур, разделенных по тематическим группам.

Ключевые слова: *аббревиатура, словообразование, коммуникация, современный английский язык.*

За последние десятилетия темп нашей жизни значительно увеличился. У жителей планеты появилась необходимость экономить время, что и привело к трансформации мышления людей и, как следствие, к изменению языка. В связи с этим особенно изменилось текстовое общение между людьми: оно подверглось значительным сокращениям для быстроты восприятия информации и ответной реакции на нее. Причины, вызвавшие сокращения, могут носить как лингвистический, так и экстралингвистический характер, но они подчиняются единому закону – срочности передачи информации и получения ответа в кратчайшее время.

На современном этапе развития английского языка лингвисты (теоретики и практики) проявляют особый интерес к аббревиатурам, их структуре и семантике, как к наиболее интенсивно развивающимся новым единицам языка, входящим в состав лексикологии современного английского языка.

Аббревиатуры – наиболее продуктивный современный способ образования слов, коммуникативно важных для всех сфер человеческой деятельности и широко использующийся как в повседневной жизни (вывески, реклама, виды транспорта, названия фирм), так и в текстах газетно-публицистического стиля современного английского языка.

Преимущество аббревиатуры заключается в том, что в ней информация передается меньшим количеством символов, поэтому «емкость» каждого символа значительно больше, чем в соответствующих начальных единицах, что дает основание рассматривать аббревиацию как один из типов оптимизации речевого сообщения [4, с. 87–89].

Аббревиатуру не следует путать с сокращениями или акронимами, которые имеют другие семантические и фонетические функции. Сокращение слова производится путем опущения определенных букв или слогов внутри слова или отрезая ее часть, или объединяя первые и последние буквы или элементы данного слова или фразы. Сокращение является аббревиатурой, но аббревиатура не обязательно является сокращением. Акронимы же – это аббревиатуры, состоящие из первых букв следующих друг за другом слов в названии чего-либо, и рассматриваются в языке как подгруппа аббревиатур. Аббревиатуры используются в технических материалах, таблицах, всевозможных сносках, списках, заказах и счетах, рисунках, чертежах, и т.д., т.е. там, где необходимо сэкономить место и время, но сохранить главный смысл. Кодовый буквенный язык аббревиатуры должны быть единым, узнаваемым и понятным всем членам данного сообщества, в противном случае информация останется нерасшифрованной и непонятной. Самой важной задачей любого коммуникативного акта является передача знаний на данном языке, причем языковые знаки имеют различную

степень семиотической глубины в процессе общения: от минимального значения слова до широкого культурно-исторического фона, связанного с дальнейшим развитием значением слова. В зависимости от конкретной страны национальный словарь включает большее или меньшее количество слов-сокращений в зависимости от ее экономического, культурного и научно-технического развития. Для большого количества конкретных слов и выражений языка значение национальных культурных факторов выражается в конкретном контексте интерпретации второстепенных факторов.

Следует отметить, что коммуникация в социуме происходит не только в форме письменного общения, и ее вербальная форма также очень важна для функционирования любого современного языка. Язык существует только в мире людей, и любой языковой процесс преломляется на всех уровнях языковой системы, приобретая национально обусловленный и исторический характер.

Аббревиатурные процессы отображают логику, присущую развитию любого государственного языка, стремящегося к логичному сокращению языкового выражения через закодированные символы, и сохраняют ее информационную важность для целей и задач коммуникации. Декодирование символов реализуется как психологическим, так и лингвистическим методом семантического согласования символов (языковых сигналов) при общении и передаче полученных значений единиц. Поэтому аббревиатуру можно считать образованием, наделенным всеми симптомами кодового языка символов.

Аббревиатуры подразделяются на несколько групп:

а) имена и фамилии известных политических деятелей и бизнесменов:

e.g. JFK = John F. Kennedy, Rocky = Rockefeller, LBJ = Lyndon Baines Johnson

б) названия международных организаций:

CBF = Central Bureau for Fundraising – Центральное Бюро по расширению фондов развития

CEE = Central and Eastern Europe (an) – Центральная и Восточная Европа

DCCA = Development and Cooperation in Central Asia – Развитие и Сотрудничество в Центральной Азии

DfID = UK's Department for International Development – Министерство по международному сотрудничеству Великобритании

EJAF = Elton John AIDS Foundation – Фонд Элтона Джона по борьбе с ВИЧ

FSU = Former Soviet Union – бывший Советский Союз

GG&GD = Municipal Health Service, Amsterdam, the Netherlands – Муниципальное здравоохранение, Амстердам, Нидерланды

GIDO = Group of International Donor Organizations – Группа Международных Донорских Организаций

NGO = Non-governmental organization – неправительственная организация

NIS = Newly Independent States (of the former Soviet Union) – вновь образованные независимые государства бывшего Советского Союза

OSCE = Organization for Security and Cooperation in Europe – Европейская Организация по безопасности и сотрудничеству

SIDA = Swedish International Development Agency – Шведское Агентство по международному развитию

TACIS/EU = Technical Assistance to the Commonwealth of Independent States/European Union – Техническая помощь Странам Содружества Независимых Государств / Евросоюза

UNAIDS = Joint United Nations Programme on HIV/AIDS – Совместная Программа Организации Объединенных Наций по борьбе с ВИЧ

UNGASS = United Nations General Assembly Special Session – Специальная Сессия Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций

USAID = United States Agency for International Development – Агентство Соединенных Штатов по международному развитию

WHO = World Health Organization – Всемирная организация по здравоохранению.

В качестве вывода отметим, что самым современным и наиболее продуктивным способом словообразования как в английском, так и в русском языке, являются сокращения и аббревиации, которые представляют довольно сложное многогранное явление. Возникновение большого количества сокращенных лексических единиц в современном английском языке, несомненно, является адекватной реакцией языка на появление множества новых социальных понятий, которым нужно дать название и закрепить их в языке. Это объясняет широкое распространение в англо-американской общественно-политической литературе сокращенных слов и словосочетаний [3, с. 91–93]. Однако такие понятия, как правило, очень громоздки и неудобны, что, естественно, провоцирует стремление передать их кратко, что в свою очередь порождает аббревиатурные сокращенные формы.

Список литературы

1. *Антрушина Г.Б.* Лексикология английского языка / Г.Б. Антрушина, О.В. Афанасьева, Н.Н. Морозова. – М.: АСТ, 2017. – 377 с.
2. *Арнольд И.В.* Лексикология современного английского языка: учебное пособие / И.В. Арнольд. – 4-е изд., перераб. – М.: Изд-во «Флинта», 2017. – 376 с.
3. *Иванова Н.Г., Кириллова А.В., Меренкова Д.Е., Шурупова М.В.* К вопросу о структурной классификации сокращений в современном английском языке // *Казанская наука*. – Казань: Изд-во Рашин Сайнс, 2021. – №1. – С. 91–93.
4. *Иванова Н.Г., Кириллова А.В., Меренкова Д.Е., Шурупова М.В.* Аббревиатуры и сокращения как способ словообразования в современном английском языке // *Казанская наука*. – Казань: Изд-во Рашин Сайнс, 2021. – №7. – С. 87–89.
5. *Каращук П.М.* Словообразование английского языка / П.М. Каращук. – М.: Высшая школа, 2003. – 302 с.

10.02.19

С.Г. Ларина, О.Н. Поддубская, А.В. Сахарова

Государственный гуманитарно-технологический университет,
факультет иностранного языка,
кафедра английского языка,
Орехово-Зуево, sakharova5@mail.ru

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ СУБЪЕКТИВНОЙ СФЕРЫ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Статья посвящена рассмотрению процесса формирования языковой личности с точки зрения становления ее субъективной сферы, т.е. области личностных смыслов. Обращается внимание на то, что антропоцентристский подход в языкознании, пришедший на смену лингвоцентризму с его «диктатурой языка», открыл широкие перспективы не только в плане реконструкции различных типов языковых личностей, но и понимания того, каким образом закладывается собственно личность носителя языка.

Ключевые слова: *языковая личность, личностный смысл, прагматикон, тезаурус, лингвокреативность.*

Концепт «языковая личность» (ЯЛ) не просто прочно закрепился в системе лингвистических категорий, приобретя статус междисциплинарного, но и достаточно убедительно демонстрирует свою эвристическую ценность. Лингвоперсонология как область лингвистики, сконцентрированная на изучении языковой личности, идет от исследования «человека говорящего» до «лингвистического инстинкта», «языковой способности», «языковой компетентности» и т.д. Указанные тенденции развития интереса к ЯЛ подводят к необходимости сосредоточиться на формировании субъективной сферы носителя языка в его развитии от индивида к личности.

Длительное время процесс формирования индивидуального языкового сознания рассматривался с позиции «диктатуры языка». Обосновывая принцип изоморфизма языка и сознания, А.А. Потебня отмечал, что «акт сознания субъекта выступает в качестве производного от языковой структуры, которая объективна и не зависит от индивидуальных свойств личности и понимание которой обусловлено принадлежностью к одному и тому же народу» [7, с. 142].

Общими моментами лингвоцентризма являются: 1) признание языка как, прежде всего, определенного внешнего фактора, противостоящего индивиду; 2) поиск универсального соотношения языковых и психических фактов и выявление причинно-следственной связи между ними. Одним из крайних проявлений лингвоцентризма стала генеративная грамматика (Н. Хомский), исходящая из абсолютизации определяющей роли языка в становлении языковой личности и понимания языка по отношению к его носителю как надличностной силы.

Конструктивистская парадигма (в психологии Л.С. Выготский, Ж. Пиаже, в лингвистике – У. Крофт, Д. Геераертс, Дж. Тейлор, Е. С. Кубрякова и другие) обусловила сдвиг в сторону изучения языка как «особого продукта интеллекта» [6], который возникает в процессе когнитивного развития индивида. Так, согласно Л.С. Выготскому, в естественном языке слова обладают общепризнанными значениями, но в индивидуальном сознании за ними закрепляются субъективные смыслы. При этом процессы усвоения семантики и материальной стороны слов асинхронны: раньше и быстрее усваивается физическая форма знака, а настройка механизмов адекватной языковой репрезентации гораздо более длительна и сложна [2, с. 37].

По мнению лингвистов [1, с. 36], одним из направлений когнитивного подхода к языку может рассматриваться и теория языковой личности Ю.Н. Караулова. Как правило, она используется в качестве методологического инструмента для реконструкции личности носителя языка. Фонд исследований, включающий как описание различных типов ЯЛ, объединенных по разным основаниям (профессиональному, возрастному, этническому и пр.), так и языковых личностей, обладающих яркой индивидуальностью, весьма обширен. Вместе с тем, представляется, что обращение к теории ЯЛ позволяет выйти и на такой аспект, как становление субъективной сферы индивидуального языкового сознания, под которой понимается, прежде всего, область личностных смыслов. Личностный смысл, как полагал А.А. Леонтьев, включает в себя «единство знака, образа и эмоционального отношения» [5, с. 55].

Субъективная сфера носителя языка начинает оформляться уже на первом, еще неличностном уровне структуры ЯЛ (лексика, грамматика), тем самым закладывая субъективность как основу личности. Если лексика и грамматические формы даются индивиду в готовом виде, то наполнение их смыслом – процесс индивидуальный. Следовательно, психологическое содержание одних и тех же знаков у различных людей как носителей языка может отличаться. Усвоение различных лингвистических единиц – от отдельных слов до синтаксических моделей – происходит в контексте их индивидуального освоения.

По мере перехода на уровень тезауруса и прагматикона субъективная сфера носителя языка расширяется и обогащается как за счет постоянной, так и вариативной составляющей. Первая включает в свое содержание стереотипы, обеспечивающие знание предметного мира и коммуникативное взаимодействие, вторая – индивидуальные субъективные смыслы.

Так, языковое поведение как часть коммуникативного поведения во многом обусловлено конвенциональностью грамматических и лексических значений языка. Конкретному речевому акту всегда предшествует процесс категоризации определенных концептуальных схем, вписанных в структуры национального языка. Однако языковая компетентность как отражение субъективной сферы языковой личности выражается через индивидуальные интенции ЯЛ. В процессе коммуникации происходит постоянное согласование языковых и, шире – коммуникативных конвенций, с личностными субъективными смыслами. При этом субъективная область коммуникативных интенций – не только результат использования ЯЛ социально одобренных конвенций, то и выбора между ними, основанного на собственном жизненном опыте, степени освоения принятых в определенном языковом сообществе языковых, социокультурных норм и ценностей.

Можно говорить о языковых конвенциях разных уровней, каждый из которых предполагает большую или меньшую свободу выражения субъективной сферы ЯЛ. На уровне языковой нормы обеспечивают в целом результативность речевого поведения коммуникантов за счет общей согласованности лексических, грамматических, семантических, прагматических норм. Конвенции второго уровня относятся к социокультурному контексту, воплощенному в узусе нации. Третий уровень конвенциональных установок отражает собственно сферу субъективности ЯЛ, т.е. индивидуальный опыт владения языком, осмысленный и закрепленный в системе языковых конвенций определенного языкового сообщества. Можно предположить, что сочетание этих уровней и образует субъективную сферу личной свободы выбора ЯЛ между конвенциональными установками.

Однако область субъективных смыслов носителя языка не сводится только лишь к согласованию языковых конвенций и индивидуальных интенций. Одним из актуальных направлений исследования формирования сферы субъективности ЯЛ является изучение детской лингвокреативности. Так, специалисты в сфере онтолингвистики полагают, что она присуща всем детям в процессе изучения языка, хотя и выражена в них неодинаково [4, с. 37]. Отмечается также, что детское языковое творчество двояко по своей природе: «с одной стороны, это креативность «вынужденная», компенсирующая дефицит языкового и

когнитивного опыта ребенка; данный вид креативности проявляет обостренную интуицию в использовании детьми потенциала языковой системы; с другой стороны, это креативность, обнаруживающая способность ребенка к осознанному нарушению языковых конвенций» [3, с. 8].

Таким образом, субъективная сфера языковой личности представляет некое «ядро», в котором формируется система личностных смыслов индивида как носителя языка. Становление этой сферы начинается еще на вербально-семантическом уровне овладения языком, что свидетельствует о ее глубокой укорененности в жизненном опыте формирующейся личности.

Список литературы

1. *Беляевская Е.Г.* Теория языковой личности и когнитивная лингвистика // Языковая личность: аспекты изучения. – Москва: МАКС Пресс, 2017. – С. 34-46.
2. *Выготский Л.С.* Лекции по психологии. Мышление и речь. — Москва: Издательство Юрайт, 2018. — 459 с.
3. *Гридина Т.А.* К истокам вербальной креативности: творческие эвристики детской речи // Лингвистика креатива-1: коллективная монография. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2009. – С. 5-58.
4. *Доброва Г.Р.* Креативность языковой личности в аспекте вариативности речевого онтогенеза // Лингвистика креатива – 2: коллективная монография. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2012. – С. 37-38.
5. *Леонтьев А.А.* Психолингвистический аспект языкового значения // Принципы и методы семантических исследований. – Москва: Наука, 1976. – С. 46-73.
6. *Пиаже Ж.* Схема действий и усвоение языка // Семиотика. – Москва: Радуга, 1983. – С. 133–136.
7. *Потебня А.А.* Мысль и язык: собрание трудов. – Москва: Лабиринт, 1999. – 300 с.

10.02.19

К.А. Мельникова

Ярославский государственный технический университет,
кафедра иностранных языков,
Ярославль, ledeja@yandex.ru

РАЗЛИЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЙ «ДИСКУРС» И «МЕДИАДИСКУРС»

Целью настоящей работы является исследование происхождения понятий «дискурс» и «медиадискурс» в лингвистике, провести анализ различных подходов отечественных и зарубежных исследователей к определению этих понятий, выявить их основные специфические характеристики и дать собственное определение «медиадискурса». Также определены основные тенденции в развитии современного дискурса, основывающиеся на взаимодействии участников коммуникацию

Ключевые слова: *понятие «дискурс», понятие «медиадискурс», текст, медиатекст, коммуникация.*

Возникновение дискурсивных теорий послужило началом развития новых тенденций в языкознании, поскольку, как справедливо отмечает В. Н. Бабаян, «лингвистическое описание дискурса» стало первоочередной задачей ученых-лингвистов [6, с. 76].

Исследованиями дискурса занимались и продолжают заниматься как отечественные, так и зарубежные ученые [1, 3, 4, 5, 6, 16]. До середины XX в. исследователями предпринимались попытки рассматривать функционирование языка с формальных точек зрения, однако во второй половине XX в. язык начинают изучать исходя из особенностей восприятия личности, ее поведения, культуры и пр. В. Н. Бабаян справедливо отмечает, что «лингвистические исследования вышли за пределы собственно предложения, то есть в область сверхфразового синтаксиса. С лингвистической точки зрения **дискурс** представляет собой комплексную (сложную) языковую единицу, которая состоит из последовательности предложений, связанных в смысловом отношении» и предлагает при анализе дискурса принимать во внимание и самих продуцентов дискурса, и коммуникативно-речевую ситуацию в целом [7, с. 20].

Понятие «**discourse**» в переводе с французского означало «речь», но в 50-е гг. XX в. французский лингвист Э. Бенвенист ввел термин «**дискурс**» [9, с. 139].

Современные исследователи рассматривают дискурс с различных точек зрения. Например, с точки зрения В. Е. Чернявской, **дискурс** является «языковым выражением определенной общественной практики, упорядоченным и систематизированным использованием языка, за которым встаёт особая идеологически и социально обусловленная ментальность» [15, с. 3].

В. Н. Бабаян своей работе «Дискурс как сложный коммуникативный феномен», определяет **дискурс** как: «1) связный текст, сопряженный речевой ситуацией; 2) целостная коммуникативная (речевая) единица; 3) устный или письменный вид текста (речевое произведение), обращенный к слушателю/читателю; 4) монолог – диалог; 5) адресованное сообщение; 6) семантически связанная последовательность предложений-высказываний (реплик)» [2, с. 129].

Не подлежит сомнению, что в современных условиях осуществления коммуникации огромную роль играет **медиадискурс**. Появление и развитие технических средств осуществления коммуникации (радио, телевидение и, особенно, Интернет) оказало огромное влияние на массовое сознание людей (участников коммуникации) и, в свою очередь, на дискурс.

Даже если со стороны реципиента медиадискурса коммуникативный процесс носит пассивный характер, т.е. реципиент может не отвечать на звонки, сообщения и пр., то так или иначе, получая дискурсивный контент, реципиент становится молчаливым наблюдателем, а, следовательно, участником диалога в триаде [8, с. 92]. Таким образом, участники коммуникации так или иначе становятся участниками медиадискурса вне зависимости от того, хотят они этого или нет.

Т. Г. Добросклонской считает **медиадискурс** «совокупностью процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации» [10, с. 26]. Основополагающая для понимания «концепция медиадискурса включает в себя не только медиатекст и канал, но и множество экстралингвистических факторов, связанных с особенностями создания медиасообщения, его получателя, обратной связи, культурообусловленных способов кодирования и декодирования, а также социально-исторического и политико-идеологического контекста» [11, с. 49].

Е. А. Кожемякиным **медиадискурс** определяется как «тематически сфокусированная, социокультурно обусловленная речемыслительная деятельность в массмедийном пространстве» [13, с. 16].

М. Р. Желтухина полагает, что **медиадискурс** представляет собой «вербальный или невербальный, устный или письменный текст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, выраженный средствами массовой информации, взятый в событийном аспекте, представляющий собой действие, участвующий в социокультурном взаимодействии и отражающий механизм сознания коммуникантов» [12, с. 295].

Как отмечают некоторые исследователи, «медиадискурс является диалогичным по своей структуре, поскольку предполагает участие в процессе коммуникации как источника информации (сайты в сети Интернет, СМИ), так и реципиента информации (любой получатель данного контента)» [14, с. 173].

Таким образом, может быть сделан вывод, что **медиадискурс** – это устное или письменное коммуникативное взаимодействие, которое происходит через некий канал вещания, дискурс которого ориентирован как на присутствующего, так и на неприсутствующего читателя, слушателя или зрителя. Не вызывает сомнений, что основными принципами дискурса и медиадискурса являются взаимодействие участников коммуникации, их роли в данном процессе, выбор вербальных/ невербальных речевых средств осуществления коммуникации, особенности личного восприятия и оказание взаимного коммуникативного воздействия в процессе речевого общения.

Список литературы

1. *Бабаян В.Н.* Теория дискурса в системе наук о языке / В. Н. Бабаян, С. Л. Круглова // Ярославский педагогический вестник. – 2002. – № 3. – С. 55-57.
2. *Бабаян В.Н.* Дискурс как сложный коммуникативный феномен / В. Н. Бабаян // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2006а. – Т. 12. – № 4. – С. 127–129.
3. *Бабаян В.Н.* Лакуны в триаде (диалог с молчащим наблюдателем /МН/) / В. Н. Бабаян // Вопросы психолингвистики. – 2006б. – № 3. – С. 168-182.
4. *Бабаян В.Н.* Диалогический дискурс и его структура / В. Н. Бабаян // Иностранные языки в высшей школе. – 2007. – № 5. – С. 98–103.
5. *Бабаян В.Н.* Диалог в триаде с молчащим наблюдателем / В. Н. Бабаян. – Ярославль : РИЦ Международный университет бизнеса и новых технологий, 2008. – 290 с. – Текст : непосредственный.
6. *Бабаян В.Н.* Различные подходы к определению понятия «дискурс» и его основные характеристики / В. Н. Бабаян // Верхневолжский филологический вестник. Ярославль. – 2017. – № 1. – С. 76–81.
7. *Бабаян В.Н.* К вопросу о единице диалогического дискурса / В. Н. Бабаян, Л. А. Тюкина // Лингводидактика в неязыковом вузе: традиционные и инновационные подходы: сб. научных статей по материалам II Международной научно-практической конференции, г. Ярославль, 14-16 мая 2020 г., Ярославль : Изд-во ЯГТУ, 2020. – С. 20–23.
8. *Бабаян В.Н.* Молчащий наблюдатель в диалогическом пространстве терциарной речи / В. Н. Бабаян. – Текст : непосредственный // Иностранные языки в высшей школе. – 2010. – № 4 (15). – С. 90–98.
9. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика / Э. Бенвенист ; [перевод с французского Ю. Н. Караулова и др.]. – Москва : Едиториал УРСС, 2002. – 448 с.
10. *Добросклонская Т.Г.* Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации / Т. Г. Добросклонская // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2006. – № 2. – С. 20-33.
11. *Добросклонская Т.Г.* Массмедийный дискурс в системе медиалингвистики / Т. Г. Добросклонская // Медиалингвистика. – 2015. – № 1(6). – С. 45-56.
12. *Желтухина М.Р.* Медиадискурс / М. Р. Желтухина // Дискурс-Пи. – 2016. – № 3-4(24-25). – С. 292-296.
13. *Кожемякин Е.А.* Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 2 (83). С. 13-21.
14. *Мельникова К.А.* Определение основных тем и целей политкорректного медиадискурса (на материале зарубежных СМИ) / К. А. Мельникова, Л. А. Тюкина // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 6-5(108). – С. 171-174. – DOI 10.23670/IRJ.2021.108.6.172.
15. *Чернявская В.Е.* Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия / В. Е. Чернявская. – Москва : Флинта, 2006. – 136 с. – ISBN 5-89349-987-5.
16. *Crystal D.* The Cambridge Encyclopedia of the English Language / D. Crystal. – Cambridge : Cambridge Press, 1995. – 491 p.

10.02.19

Р.Ф. Мирхаев канд. филол. наук

Академия наук Республики Татарстан,
Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова,
Казань, mirhaev77@mail.ru

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В статье дается обзор изученности в диахроническом аспекте форм существования татарского языка, которые в своей совокупности представляют собой его функциональную парадигму. Как показывает анализ научной литературы, в настоящее время в данном аспекте исследована только письменная разновидность литературного идиoma татарского языка. А научные данные, касающиеся эволюции других его функциональных страт, носят лишь обобщенный и фрагментарный характер. Это обстоятельство в целом обусловлено отсутствием письменных материалов, которые позволили бы в полной мере реконструировать историю их формирования и развития.

Ключевые слова: татарский язык, функциональная парадигма языка, форма существования языка, идиом, языковая страта, диахронический аспект.

В современном языкознании понятие «функциональная парадигма языка» употребляется для обозначения модели последовательного расположения форм бытования того или иного языка согласно их иерархии [3, с. 4]. Если на начальном этапе в исследованиях в этой области внимание ученых в основном было направлено на разграничение и анализ обработанных наддиалектных языковых разновидностей путем их частичного сопоставления с диалектными и другими нелитературными идиомами, в дальнейшем на первый план вышла разработка проблем, связанных с изучением функциональной парадигмы языка как целостной коммуникативной структуры и определением ее типологии.

По своей структуре и составу функциональные парадигмы различных языков не совпадают друг с другом, не одинаковы в рамках одной системы и соотношение ее элементов. Поэтому «моделирование этих систем в применении к языкам с разной исторической судьбой и последующий анализ полученного материала должны в конфигурации функциональных парадигм, в характере их членения на страты и ярусы раскрыть с одной стороны, общие, стабильные черты, с другой – черты индивидуальные, характерные для немногих языков, или даже свойственные одному языку» [6, с. 3].

В отечественном языкознании количество и отличительные черты форм существования языка, которые представляют собой «самостоятельные языковые структуры, естественно объединяющиеся в группы с различной иерархией по признаку общности исходного материала и потому в принципе доступные пониманию в пределах одного народа, но различающиеся по уровню совершенства, универсальности и по преимущественным сферам использования» [1, с. 53], уже давно установлены и конкретизированы. Учеными в качестве таковых выделяются следующие языковые структуры: литературный язык в его устной и письменной реализации, диалекты (территориальные, социальные), обиходно-разговорные формы (койне, интердиалекты), просторечие.

В настоящее время из всех форм существования татарского языка в диахроническом аспекте изучена только литературная форма. На основе извлеченного из старотатарских письменных текстов различных жанров материала функциональное и структурное состояние татарского литературного языка в различные периоды, особенности его употребления в таких общественных сферах как художественная литература, массовая информация, наука, делопроизводство, личная переписка, религиозные культы, история становления и развития его письменных норм и традиций описаны в подробностях.

Исследования же татарских диалектологов, за исключением отдельно взятых работ, в основной своей массе посвящены изучению лексики, фонетического и грамматического строя диалектов татарского языка в их современном состоянии. Что касается научных изысканий исторического характера в этой области, здесь можно указать труды Ф.С. Хакимзянова (1978, 1987), в которых предпринимаются попытки реконструкции диалектов так называемого волжско-булгарского языка – регионального варианта языка оногуро-булгарских племен, основавших в VII в. в причерноморских и азовских степях государство Великая Булгария. Им высказывается мнение о том, что данный язык представлял собой не единое целое, а состоял из различных диалектов. Далее ученый в его структуре выделяет три диалекта и указывает на отдельные признаки, которыми они характеризуются в области фонетики и морфологии [7, с. 15–20].

Что касается вопроса изучения в диахронии остальных форм существования татарского языка, в частности его социальных диалектов, койне и просторечия, здесь ученые ограничиваются лишь отдельными высказываниями общего характера. Так, например, формирование первых койне в истории татарского языка Ф.С. Фасеев соотносит с эпохами Волжской Булгарии и Золотой Орды [4, с. 809]. Далее в сборнике «Старотатарская деловая письменность», ученый наряду с письменно-литературным языком выделяет следующие формы существования татарского языка: общенародно-разговорный язык; местные (территориально-этнические и этнографические) наречия, диалекты и говоры; устно-городское и местное просторечие; язык профессионально-социальных «диалектов»; язык фольклора (язык и стиль фольклорных памятников) [2, с. 12].

В статье, посвященной изучению вокализма татарского языка в синхронии и диахронии, Ф.С. Фасеев характеризует его уже как сложный континуум, включающий в себя такие функциональные подсистемы как общее койне (казанское, местное, сельское, фольклорное и др.), письменно-литературные разновидности бытования и функционирования языка, территориально-диалектные разновидности татарской народно-разговорной речи, социально-профессиональные, семейно-возрастные, аффективно-эмоциональные разновидности речи. По мнению ученого, они находят свое отражение в основном в лексике и фонетическом строе языка [5, с. 99–100]. Однако при этом им не выдвигаются какие-либо научные трактовки, раскрывающие сущность выделенных выше форм существования татарского языка.

В структуре функциональной парадигмы волжско-булгарского языка Ф.С. Хакимзянов, наряду с диалектами выделяет и такую форму наддиалектного характера как койне. Но ввиду отсутствия прямых языковых данных, имеющих какое-либо отношение к нему, он ограничивается лишь выделением его типов (таких как узкорегionalное и внетерриториальное койне), и анализом культурно-исторических и общественно-политических факторов, повлиявших на его становление и определивших его общетюркский характер [8, с. 9–11].

Особенности функциональной стратификации татарского языка в XVI – начала XIX вв. рассматривается Ф.М. Хисамовой в ее работе, посвященной изучению специфики функционирования татарского языка в указанный период в сфере дипломатии и официально-деловых документов. В частности, ею выделяются следующие формы существования татарского языка: диалекты (казанско-татарский и мишарский диалекты с их многочисленными говорами), общенародно-разговорный язык (полудиалект, наддиалектное койне), обработанный вариант наддиалектного койне (устный литературный язык), язык эпических произведений, письменно-литературный язык [9, с. 24–29].

Таким образом, научные данные, которые кроме письменной литературной формы существования татарского языка позволили бы восстановить эволюцию и других его функциональных разновидностей, таких как территориальные и социальные диалекты, койне и просторечие, в целом носят лишь обобщенный и фрагментарный характер. Данное обстоятельство в первую очередь объясняется отсутствием письменных источников, которые позволили бы в подробностях реконструировать указанные идиомы и описать в диахронии

особенности их функционирования в тех или иных общественных сферах. На основе этого можно было бы определить закономерности бытования татарского языка в различных историко-социальных условиях и путей его дальнейшей эволюции.

Список литературы

1. Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка: (К вопросу о предмете социолингвистики). – Ленинград: Наука, 1975. – 276 с.
2. Старотатарская деловая письменность: [Сборник] / Сост., переводы, коммент. и исслед. выполн. Ф.С. Фасеевым. – Казань: Ин-т яз., лит. и истории, 1981. – 171 с.
3. Типы наддиалектных форм языка / М.Н. Славятинская, З.Ю. Кумахова, М.А. Кумахов и др. – М.: Наука, 1981. – 309 с.
4. Фасеев Ф.С. Краткий грамматический справочник татарского языка / Ф.С. Фасеев // Татарско-русский словарь / Сост. К.С. Абдразаков, Г.С. Амиров, А.Ш. Асадуллин и др. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 863 с.
5. Фасеев Ф.С. Вокализм татарского языка в синхронии и диахронии // К формированию языка татар Поволжья и Приуралья. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1985. – С. 99–109.
6. Функциональная стратификация языка / М.М. Гухман, Н.И. Толстой, В.А. Чернышев и др. – М.: Наука, 1985. – 240 с.
7. Хакимзянов Ф.С. Язык эпитафий Волжских Булгар. – М.: Наука, 1978. – 206 с.
8. Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык. – М.: Наука, 1987. – 191 с.
9. Хисамова Ф.М. Татарский язык в восточной дипломатии России (XVI – начало XIX вв.). – Казань: Мастер Лайн, 1999. – 408 с.

*10.02.19***О.П. Мотина**

Башкирский государственный университет,
факультет романо-германской филологии,
кафедра иностранных языков естественных факультетов,
Уфа, lelikka@mail.ru

ТИПОЛОГИЯ ПАРОНИМОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ПО ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОМУ ПРИНЦИПУ

В статье представлена типология паронимов английского языка по функционально-семантическому принципу. Проанализирована семантическая соотнесенность единиц, составляющих группы рекуррентных и окказиональных однокорневых паронимов.

Ключевые слова: *пароним, типология, рекуррентные единицы, окказиональные единицы.*

Вопрос о систематизации паронимических единиц поднимается в работах многих как отечественных, так и зарубежных лингвистов. Различные классификации созвучных слов представлены Н.А. Янко-Триницкой, О.В. Вишняковой, Н.П. Колесниковым, В.И. Красных, А.А. Евграфовой, В.И. Половниковой, У. Коутсом, Д.А. Крузом, А. Румом, Р.Р.К. Хартманном, Г. Джеймсом и другими исследователями. Тем не менее, в современном языкознании до сих пор не существует единой интерпретации самого понятия «пароним», что приводит к противоречиям при выделении типов созвучных лексем.

Мы определяем паронимы как слова одной части речи, обладающие близостью формальной структуры и характеризующиеся системной или контекстной семантической соотнесенностью, которые могут ошибочно или намеренно смешиваться в речи [4, с. 75].

Объектом исследования в данной работе выступают однокорневые паронимы английского языка. Систематизация разнокорневых созвучных единиц не представляется возможной ввиду того, что их отнесение к паронимам носит зачастую субъективный характер, «в качестве похожих выбирают такие признаки предметов, которые актуальны для конкретного человека» [2, с. 40].

В английском языке корпус проанализированных единиц насчитывает 571 однокорневую паронимическую пару субстантивного, адъективного и глагольного характера. Паронимический фонд был выделен из словарей Macmillan English Dictionary for Advanced Learners [6] и Dictionary of Confusibles A. Рума [5] методом фронтального анализа. Все парные единицы отобраны в соответствии со следующими критериями выделения парооппозиций: 1) фонетическая близость, 2) принадлежность к одной части речи, 3) полное или частичное различие в лексическом значении, 4) этимологическое родство единиц, 5) полная или частичная невозможность взаимозамены в речи вследствие несовпадения сфер лексической сочетаемости, 6) возможность ошибочного смешения в речи в результате общности корня [3, с. 194].

Типология паронимических лексем, на наш взгляд, должна не только основываться на степени семантической соотнесенности единиц, составляющих парооппозицию, но и принимать в расчет их функционирование в речи, то есть контекст употребления. Паронимия предстает для коммуникантов, в первую очередь, как столкновение фонетически сходных слов в речи [1, с. 83].

Таким образом, в данном исследовании предлагается типология паронимов английского языка по функционально-семантическому принципу.

Принимая в расчет семантическую близость созвучий и их функционирование в контексте отобранные парооппозиции можно поделить на рекуррентные и окказиональные. Обе группы представлены однокорневыми и разнокорневыми лексемами. К рекуррентным

паронимам мы относим слова, которые обладают близостью фонетической и семантической структур, что может приводить к их ошибочному смешению в речи. Окказиональные лексемы можно охарактеризовать фонетическим сходством и семантическим расхождением, подобные единицы являются паронимическими лишь в контексте.

В проанализированном фонде паронимов английского языка преобладают рекуррентные лексемы, они составляют 67 % от общего числа единиц, окказиональные пары насчитывают 33 %.

Рассмотрим семантические отношения между рекуррентными однокорневыми единицами.

Среди рекуррентных паронимов преобладают лексемы, характеризующиеся наличием одного или нескольких общих значений в лексико-семантических структурах. Так, в глагольной парооппозиции *evoke // invoke* оба члена имеют общее значение 'to bring a particular emotion, idea, or memory into your mind' ('вызывать воспоминания, чувства') [6, с. 475]. Соответственно, в контекстах, где подразумевается вышеупомянутое значение, данные созвучные лексемы взаимозаменяемы, например, *evoke/invoke memories, evoke/invoke fear*. Однако, если лексема *evoke* однозначна, то для лексико-семантической структуры глагола *invoke* характерно, помимо упомянутого, еще несколько значений. Только *invoke* может использоваться в таких сочетаниях как, например, *invoke a law/rule, invoke the spirits, invoke protection*. Замена паронимов в данных контекстах будет ошибочна. Примеры подобных рекуррентных единиц многочисленны в паронимическом фонде английского языка (*effective // effectual, fictional // fictitious, base // basis, forcible // forceful, brooding // broody* и т.д.).

К рекуррентным паронимам относятся также слова, не имеющие общих лексико-семантических вариантов, но связанные с одним и тем же понятием. В результате аффиксации они разграничивают свои значения. К примеру, оба члена адъективной парооппозиции *envious // enviable* образованы от существительного *envy* ('зависть'). Суффиксы *-ous, -able* придают разные оттенки значениям лексем: *envious* – 'wishing that you had what someone else has' ('завистливый'); *enviable* – 'an enviable quality or situation is one that other people admire and would like to have as well [6, с. 462]' ('завидный'). Дистрибуция рассматриваемых паронимов ввиду их семантического расхождения различна, например, *envious* часто сочетается со словами *expression, desire, look*, в то время как *enviable* встречается в словосочетаниях *enviable position, enviable salary, enviable charm* [5, с. 53].

Довольно часто подобные рекуррентные созвучные слова очень близки семантически и необходимо внимательно изучить словарные дефиниции, чтобы четко разграничить их в схожем контексте. Так, например, кажущиеся на первый взгляд тождественными словосочетания *continual/continuous rain, continual/continuous pain, continual/continuous interruptions* семантически не идентичны. Паронимы *continuous // continual* образованы от глагола *to continue* ('продолжаться'), но вследствие суффиксации выражают разные характеристики продолжительности событий: *continuous* – 'happening or existing without stopping' ('происходящий без остановки, непрерывно'); *continual* – 'happening again and again over a long period of time' ('повторяющийся снова и снова') [5, с. 40]. Соответственно, несмотря на возможность употребления этих паронимов в схожих контекстах, отождествлять их будет ошибочным.

Окказиональные однокорневые паронимы характеризуются несовпадением сфер лексической сочетаемости. Такие созвучные единицы вступают в паронимические отношения только в контексте. Окказиональные парооппозиции представлены адъективными (*dripping // drippy, graceful // gracious*), субстантивными (*humility // humiliation, twinkle // twinkling*) и глагольными единицами (*pose // propose, elude // allude*).

В английском языке распространены случаи образования окказиональных адъективных паронимов от разных значений одного и того же существительного. Например, члены паронимической пары *deductible // deductive* можно соотнести с разными значениями существительного *deduction*. Лексема *deductible* (удерживаемый) соотносится со значением 'an amount or number taken from the total' (удержание), в то время как *dedictive* (дедуктивный)

– со значением ‘something that you know from the information or evidence you have’ (вывод, заключение) [6, с. 362]. Соответственно, паронимы *deductible* // *deductive*, несмотря на фонетическую близость, являются окказиональными.

Примечательно, что в проанализированных корпусах есть паронимические пары, принадлежащие к разным частям речи, но образованные от одной производящей основы; при этом паронимы могут относиться к разным функционально-семантическим типам. Например, субстантивная паронимическая пара *fruit* // *fruition* является окказиональной, поскольку ее составляющие выражают разные понятия, а прилагательные *fruity* // *fruitful* характеризуются словарной семантической соотнесенностью и, соответственно, выступают в качестве рекуррентных единиц.

Разграничение паронимов английского языка по функционально-семантическим типам достаточно полно отображает и упорядочивает тот слой лексических единиц, которые характеризуются формальным сходством и полным или частичным семантическим различием. Представленная типология помогает избежать ошибок, связанных с употреблением и возможностью/невозможностью взаимозамены паронимов в речи.

Список литературы

1. Демидова Е.Н. Паронимия как актуальная стилистическая проблема // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. – Н.Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2013. – С. 82-88.
2. Кашина Н.В. Изучаем паронимы в средней школе // Филологический класс, 2011. – № 26. – С. 40-44.
3. Мотина О.П. Функционально-семантические типы паронимов современного русского языка // Межкультурная ↔ интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода: материалы VII Международной научно-практической конференции. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2018. – С. 193-199.
4. Мотина О.П. Паронимия и смежные явления звукового подобия слов // Основные вопросы лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации: сборник трудов XI международной научно-практической конференции. – Астрахань: «Астраханский университет», 2020. – С. 75-79.
5. Room A. Dictionary of Confusable Words / A. Room. – London: Routledge: Taylor&Francis group, 2000. – 251 p.
6. Macmillan English Dictionary: For Advanced Learners. – International Student Edition. – Oxford: Macmillan Education, 2002. – 1692 p.

10.02.19

Э.Г. Оздоева канд. филол. наук, П.М. Алиева канд. филол. наук

Ингушский государственный университет,
Marac, oeset@mail.ru, pyatimat.alieva@yandex.ru

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФОРМ ГЛАГОЛА В ИНГУШСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена сопоставительному анализу синтетических и аналитических форм глагола в типологически разных языках: ингушском и французском. Отмечается, что аналитические формы во французском языке отличаются устойчивостью своих компонентов, а в ингушском языке они более подвержены влиянию лексической семантики вспомогательных глаголов.

Ключевые слова: *аналитические и синтетические формы глагола; ингушский язык; французский язык; сопоставительный анализ.*

В наши дни в значительной степени возрос интерес лингвистов к исследованиям языков в сопоставительном плане. Актуализировались также исследования ингушского и французского языков [1; 7]. В статье проводится сопоставительный анализ глагольной системы синтетического ингушского и аналитического французского языков. Выбор именно глагола обусловлен тем, что в обоих языках глагол является одним из самых сложных частей речи. Данное исследование проводится с целью выявления аналогий и качественных различий в ингушском и французском языках, отличающихся по своему происхождению, распространению и типологии. Для достижения этой цели решаются задачи: 1) определить типологические характеристики сопоставляемых языков; 2) изучить особенности функционирования аналитических глагольных форм в сопоставляемых языках на функционально-семантическом уровне.

Сопоставляемые нами языки относятся к разным семьям: ингушский язык является одним из языков нахско-дагестанской группы иберийско-кавказских языков, а французский язык относится к романской группе индоевропейской языковой семьи. Ингушский язык относится к агглютинативным языкам (обладающим некоторой долей флективности), а также к синтетическим с элементами аналитизма (о чем свидетельствует использование послелогов и вспомогательных глаголов). Касаясь этого вопроса, В.Г. Гак отмечает: «Сходные грамматические значения могут выражаться различными формальными способами. Способы грамматического выражения являются важной типологической характеристикой языка, настолько существенной, что все классификации в структурной типологии отражают, прежде всего, эту сторону языка» [5, с. 83].

Грамматическое значение передается с помощью звуковых изменений. Грамматические изменения возможны в слове и в предложении и типологическое расхождение между языками зависит от того, происходит ли звуковое изменение, которое выражает грамматическое значение в пределах слова или за его пределами (в предложении). Следовательно, способы грамматического выражения определяются по отношению к слову. Если изменения происходят в самом слове, то это морфологическая категория, а если за пределами слова – синтаксическая категория. И в том, и в другом случае происходит изменение за счет добавления или изменения какого-нибудь элемента.

Во французском языке множественное число имен существительных образуется путем добавления буквы *s*: *livre – livres, maison – maisons, portable – portables*. К основе добавляется грамматический элемент без ее изменения. В письменной речи этот способ – агглютинация, а в устной речи данные слова не подверглись изменению – это аналитический способ. Аналогично образование формы женского рода некоторых прилагательных, например, *amical*

– amicale. Рассмотрим образование личных глагольных форм: *je mange, tu manges, il mange, elle mange, ils mangent, elles mangent*. В письменной речи эти формы образованы путем флексии, а в устной речи – это аналитический способ, поскольку изменения происходят за пределами слова.

Вопросы, связанные с аналитическими формами нахских языков, в том числе и ингушского языка, довольно подробно изучены в работах Н.М. Барахоевой [2; 3; 4], также данного вопроса частично касаются исследования Р.И. Долаковой и др. [6]. Аналитические конструкции представляют собой в основном сочетание двух глагольных форм: деепричастия, выражающего основное лексическое значение глагола-модификатора, придающего аналитической форме разнообразные дополнительные оттенки значения. Все вспомогательные глаголы произошли от полнозначных глаголов. Долакова Р.И. в ингушском языке выделяет пять вспомогательных глаголов: *да (в, й, б)* – «быть в наличии»; *хила* – «быть (становиться)»; *дала (в, й, б)* – «стать»; *далла (в, й, б)* – «находиться где-либо (заниматься чем-либо)»; *латта* с исходным значением «стоять». Последние две глагольные лексемы в составе аналитической формы полностью десемантизируются и выступают в значении «находиться в процессе осуществления какого-либо действия» [6]. Для сравнения, во французском языке два вспомогательных глагола *avoir* – «иметь», *être* – «быть» служат для образования многих сложных глагольных форм (*passé composé, plus-que-parfait, subjonctif passé, conditionnel passé, passé antérieur, futur antérieur, plus-que-parfait du subjonctif, participe passé composé* и др.

Вспомогательные глаголы представляют собой формы слова. Так, при сопоставлении форм полных глаголов *да (в, й, б)* в ингушском и *être* во французском в случаях: *Из са домтагла ва / Il est mon ami* – «Он (есть) мой друг» с формами вспомогательных глаголов в аналитических формах: *Са домтагла ваха воал / Mon ami va partir* – «Мой друг **собирается сейчас уходить**» отмечается грамматико-структурная общность форм полных и вспомогательных глаголов. Как мы видим, во французском примере функции вспомогательного глагола выполняет глагол **aller**, также глаголы *venir, faire, laisser* могут выполнять эти функции. Частотность данных глаголов во французском языке высока. Таким образом, во французском языке аналитизм в образовании глагольных форм выражен весомо, следует также отметить, что в устной речи больше аналитических форм, чем в письменной речи.

Наличие пяти вспомогательных глаголов и их сочетаемость с причастно-деепричастными формами НСВ и СВ и инфинитивом выделяется Н.М. Барахоевой в качестве специфической особенности ингушского языка [4]. Таким образом, аналитические формы глагола в ингушском языке характеризуются следующими признаками: 1) компоненты, входящие в состав аналитической формы взаимосвязаны так, что исключается взаимозаменяемость данных компонентов; 2) идиоматичность, которая выделяется как основание этой неразложимости; 3) охват всей глагольной лексики языка; 4) включение в систему соотносительных форм глагола в качестве элементов парадигматического ряда.

Итак, вслед за Н.М. Барахоевой, в ингушском языке мы можем выделить **три серии аналитических глагольных форм**: презентные – аналитические формы настоящего времени, претеритальные – аналитические формы прошедшего времени, перфектные – аналитические формы со значением перфектности.

Основным значением настоящего времени является обозначение действия, протекающего в момент речи: *Аз язду*. – «Я пишу»; *Ара шеллуш латт*. – «На улице начинает холодать». Как мы видим, кроме синтетической формы настоящего времени, употребляются еще аналитические формы, которые служат для конкретизации временного значения или выражают дополнительные модальные или аспектуальные значения. Аналитические формы настоящего времени образуются от основ деепричастий, инфинитива и вспомогательных глаголов.

1. Формы на *латт* выражают следующие значения: а) настоящее время данного момента: *Полковник Мусайца цхъа дакъа хъа а ийца, Къарамсолтийна хъатлавоаглаш латт*. – «Полковник, взяв совместно с Мусой одну часть, приближается к Карамсолту»; б) начало

действия данного момента: *Къахъегамхой керда вахар кхоллаш латт*. - «Рождается новый мир свободы трудящихся»; 3) длительность действия: *Даим лувш ва* - «Все время говорит».

2. Формы на *дIаэттар* обозначают интенсивное действие с оттенком неожиданности: *Амма бегаи бакъдар хинна дIаэттар*. - «Однако шутка превращается (неожиданно) в правду».

3. Аналитическая форма настоящего времени, состоящая из инфинитива и вспомогательных глаголов: *гIерт*, *я* и др., обозначает ожидаемое действие, действие, которое вот-вот должно совершиться: *ДогIа да гIерт*. - «Дождь собирается»; *ГIана чу тIом бар, из каста йоакхаргйолаш я*. - «В крепости была битва, ее вот-вот возьмут». Описанные выше сложные формы в указанных значениях грамматикализованы, «привязаны» только к одной временной форме, что и позволяет включить их в систему форм настоящего времени.

Аналитические формы прошедшего времени образуются от причастий, деепричастий и вспомогательных глаголов. Как отмечает Н.М. Барахоева, «в системе прошедшего времени в ингушском языке представлены четыре аналитические формы имперфективной серии. Аналитические и синтетические формы имперфекта образуют структурные оппозиции на основе признаков: обычность, постоянность, узуальность» [2, с.81].

Прошедшее незаконченное время, или имперфект, образуется от основы причастно-деепричастной формы на *-аи*, *-еи* и вспомогательных глаголов *хила* в соответствующих временных формах - *хиннад* (в, й, б), *хиннадар* (в, й, б), *латта*: *Цкъа сои дади хъунагIа даха хиннадар*; *ЧIоагIа бохам баьнна хиннадар цу кхалсага*. Оно имеет формы, которые по модальному значению соответствуют простым формам прошедшего времени. Имперфект имеет очевидное значение и употребляется тогда, когда говорящий сам является свидетелем совершения действия, т. е. в модальном плане данная форма соответствует прошедшему категорическому времени, что обусловлено формой вспомогательного глагола *вар*: *Къурейи городе вахаи вар*. - «Курейш жил в городе».

Форма аналитического плюсквамперфекта реализует действие, более отодвинутое в прошлое, чем действие, выраженное синтетической формой: *аьлар* - *аьннадар* - *оалаш хиннадар* / *аьнна хиннадар* «сказал - сказал (раньше, чем совершил другое действие) – сказал когда- то» и образуется от причастия прошедшего времени на *-даь* / *-ваь* / *-баь* / *-яь* и вспомогательных глаголов.

Аналитические формы французского глагола образуются противопоставлением перфектных и неперфектных форм. Перфектная форма обозначает действие, протекавшее в период, предшествующий какому-либо моменту времени и соотносённый с этим моментом. Таким образом, значение перфектной формы может быть охарактеризовано как 1) предшествование: *L'année passé j'avais visité l'Espagne et cet été j'ai visité l'Italie* – «В прошлом году я посетил Испанию, а этим летом я побывал в Италии»; 2) соотносённость. Момент времени, которому предшествует действие, обозначенное перфектной формой, выявляется из контекста. Таким моментом может быть какое-либо другое действие, следующее за первым и обозначенное неперфектной глагольной формой (*Quand il était en Japon, sa femme avait déjà fait des projets pour lui* – «Когда он был в Японии, его жена построила планы в отношении него»), или же временная точка, обозначенная обстоятельственным словом или словосочетанием или же вся описываемая в речи ситуация

Проведенное исследование позволило нам сделать следующие выводы: 1) аналитические формы ингушского и французского глаголов характеризуются структурной раздельнооформленностью и семантической целостностью; 2) в обоих сопоставляемых языках аналитические формы глагола функционируют в парадигматической оппозиции с синтетическими; 3) аналитические формы во французском языке отличаются устойчивостью своих компонентов; в ингушском языке они более подвержены влиянию лексической семантики вспомогательных глаголов.

Список литературы

1. Алиева П.М., Оздоева Э.Г. Мотивированные термины родства во французском и ингушском языках. // Фундаментальные исследования. 2015. № 2. Ч. 20. -С. 4552-4555.
2. Барахоева Н.М. Структурно-типологическая характеристика форм прошедшего времени ингушского и немецкого языков: дисс. ... канд. филол. наук. -М., 1994. -375 с.
3. Барахоева Н.М. Результативные конструкции в системе ингушского глагола // Актуальные проблемы ингушского языка. Назрань, 1998. - С.18- 51.
4. Барахоева Н.М. Грамматические формы и категории глагола как новая лингвистическая парадигма: на примере нахских языков. Дисс. ... д. филол. наук. Нальчик, 2011.
5. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. М.: КомКнига, 2006. - 288с.
6. Долакова Р.И. Система прошедших времен в чеченском и ингушском языках. Известия, т.2, выпуск 2, Языкознание, Грозный, 1961. -С.3-71.
7. Евлоева З.И., Оздоева Э.Г., Алиева П.М. Конверсия во французском и ингушском языках. Казанская наука. № 3 2019. –Казань, 2019. –С. 82-86.

10.02.19

А.М. Туктамышова

Казанский национальный исследовательский технический университет
имени А.Н.Туполева-КАИ,
кафедра иностранных языков, русского и русского как иностранного,
alsu.tuktamyshova@kai.ru

ОТНОШЕНИЕ УЧИТЕЛЕЙ НАЧАЛЬНЫХ ШКОЛ К МНОГОЯЗЫЧИЮ И ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКЕ: ТАТАРСТАН, РОССИЯ

На основе анализа интервью с учителями в работе представлены результаты исследования отношения учителей начальной школы к многоязычию и языковой политике в 2х школах Республики Татарстан.

Ключевые слова: *многоязычие, языковая политика, отношение к языкам, учителя начальной школы*

Введение

Личное отношение, интерпретации учителей по какому-либо вопросу составляют то, что можно считать «невидимыми» компонентами образовательного процесса; тем не менее, проявления этих незаметных элементов могут окрашивать все, что делают учителя. Несмотря на хорошо задокументированные преимущества программ раннего многоязычного (билингвального) обучения и влияние различных языковых политик на языковое обучение в школе [1, 7], мало исследований, посвященных пониманию того, что учителя думают о многоязычии и языковой политике [2]. Цель данной работы – изучить отношение учителей начальных классов к изучению и преподаванию русского, татарского и английского языков в условиях многоязычного региона России, Татарстан.

Теоретическая основа

Такие научные области, как многоязычное образование, социология языка и языковая политика могут быть интегрированы для исследования того, откуда берутся знания учителей о языковом образовании и политике, как они проявляются в работе учителей, их интерпретациях и действиях. Немногие исследования берут на себя многоплановые исследования, хотя анализ одних и тех же данных из нескольких дисциплинарных систем отсчета был бы “both interesting and timely” (и интересным, и своевременным) [5, с.22,]. Фейерклов (Fairclough) [6] и Краули (Crowley) [4] доказывают необходимость изучения языка в социальном контексте. Точка зрения О’Рурка (O’Rourke) [8], совпадает с предыдущими мнениями о необходимости изучения языка в его социальной, политической и этнолингвистической среде.

Для целей данной работы будет использоваться термин трансдисциплинарности, предлагаемый Хирш Хадорн и его коллегами (Hirsh Hadorn et al.) [9] для организации изучения отношения учителей к многоязычию и языковой политике; термин объединяет вклад всех трех научных областей.

Методология

В рамках исследования были поставлены следующие вопросы: как учителя относятся к многоязычию и языковой политике в трех типах школ в Казани, а именно, как учителя понимают многоязычие и политику многоязычия в контексте своей школы?

Основываясь на определении *тематического исследования* (case study research) Йин (Yin) [10] и Кресуэлла (Creswell) [3], эта работа исследует отношение учителей в рамках ограниченной системы школы. Для этого исследования выбраны три типа школ: 1) школа с татарским языком обучения (Школа 1), 2) школа с русским языком обучения (Школа 2), 3) школа с русским языком обучения и с углубленным изучением английского языка

(Школа 3). В трех разных типах школ основное внимание уделяется трем разным языкам – татарскому, русскому и английскому. Таким образом, анализ языковых установок в одной и той же области, школах, но в разных контекстах может показать разные точки зрения на проблемы [3, 8]. Для отбора школ и учителей использовалась целенаправленная выборка.

Результаты

Интервью с учителями

Из-за ограниченного места будет предоставлен анализ только двух учителей из 25. Для анонимности псевдоним «Учитель 1-4» относится к учителю из школы 1 и четвертому учителю, опрошенному в этой школе.

Школа с татарским языком обучения (Школа 1). Учитель 1-4 производит впечатление сторонника изучения и сохранения татарского языка. Она с оптимизмом смотрит на будущее татарского языка в своей школе и обществе, потому что помнит времена, когда даже говорить по-татарски на публике не принято,

Ну, мәсәлән, теге транспортта барганда да, татарча сөйләшмиләр иде. Татарча сөйләшә башласаң, мин мәктәптә укыганда, 78 елда мин кем анда инде, кечкенә, шул 80нче еллар булгандыр инде. Ни. Татарча сөйләшә башласаң, теге 'поговорите по-русски', дип һаман әйтә иделәр. 'Татарка из травмпарка,' дип әйтеп җибәрәләр иде алар. Балалар арасында да мәктәптә инде ие. Шуңа күрә андый ниләр булды.

(Ну, например, в общественном транспорте никто не говорил по-татарски. Если вы начали говорить по-татарски, когда я училась в школе, в 1978 году, кем я была тогда, маленькой, значит, это были 1980-е годы. Так . Если вы начали говорили по-татарски, значит, тебе говорили "говори по-русски". Еще добавляли: "Ты татарин с трамвайного парка (трамвайной остановки)". Это было и у детей в школе. Поэтому у нас такие вещи были)

Языковая дискриминация в общественных местах, насмешки в школе, когда говорят по-татарски, были тем, с чем выросли поколения таких учителей, как Учитель 1-4. Она считает, что ситуация с разговорными языками, особенно с татарским, сейчас намного лучше, и замечает, что за последние 4-5 лет некоторые русские семьи приводят своих детей учиться в татарскую школу. Она полностью поддерживает многоязычие, *“балага артык тел белү ул начар түгел. Белсәләр әйбәтрәк инде, күбрәк телләргә белсеннәр”* (ребенку неплохо выучить другой язык. Если знают, пусть учат больше языков). Также она поддерживает изучение русского, английского и других языков, так как для детей многоязычие дается легче и естественнее, чем для взрослых. Она считает, что роль родителей, участие в воспитании детей оказывает большое влияние на изучение языка учащимися, даже в ситуациях, когда родители не являются носителями языка. Мотивация обучающихся к изучению языков исходит от их родителей, но на самом деле именно учителя помогают детям изучать языки.

Учитель 1-4 далее иллюстрирует эту идею на примере одной из своих учениц: Понаблюдав за несколькими школами, мать приводит своего ребенка в эту школу, потому что она ей нравится. Изначально родительница была обеспокоена тем, что в семье не говорят по-татарски, но потом активно занялась изучением языка с дочерью. *“И менә үзе дә шунда, (кыз исеме) сиңа кирәк. ‘Менә мин дә синең белән бергә өйрәнәм,’ дип, ул бит бер институтка курсларга йорде, татар телен өйрәнергә. Әле шуннан соң ул миңа килеп, сораулар биреп, менә монда ничек.”* (И она там [сказала]: (имя дочери), тебе это нужно. Я буду учиться вместе с тобой, поэтому мама посещала какие-то курсы в университете, чтобы выучить татарский язык. Она даже зашла, чтобы задать мне вопросы, как [сказать] здесь).

Учитель отмечает, что сейчас, спустя четыре года, девочка свободно общается с другими по-татарски, пишет сочинения. Напротив, сопротивление родителей и учащихся изучению татарского языка объясняется нежеланием родителей учить язык, и их нежеланием поддерживать изучение татарского языка своими детьми дома. Таким образом, чтобы решить эту проблему, учитель прямо описывает тот факт, что если изучение языка может показаться тяжелым испытанием для родителей, для маленьких детей это легко, и простой поддержки родителей в изучении языка часто бывает достаточно, чтобы дети преуспели.

Школа с русским языком обучения (Школа 2). Учитель 2-6 является заместителем директора начальной школы, она также прямо заявляет, что ее мнение основано на мнении директора их школы. Мнение Учителя 2–6 о многоязычии смещены в сторону изучения того, что она называет “перспективными” языками. Она высказывает положительное мнение о необходимости изучения английского языка и поддерживает изучение английского языка как способ продвинуться в будущем, в частности, учиться, жить или путешествовать в другой стране. Она поддерживает свой аргумент о том, что английский — это язык, который полезно учить, приводя примеры из своего личного и профессионального опыта и цитируя родителей из школы. Лично она считает, что “Все абсолютно понимают... Я сколько раз была за границей, абсолютно понимают, что это европейский язык. Если ты хочешь дальше продвигаться, нужен не татарский, а английский язык”.

Отношение учителя к русскому языку выявляется, когда она сравнивает его с использованием и преподаванием татарского языка. Прежде всего, она заявляет, что этническая принадлежность ее семьи очень разнообразна. Ее родители, бабушка и дедушка имеют русские, марийские, еврейские и украинские корни. Ее муж имеет татарское и русское происхождение, но “И вот дети наши вообще непонятно, какой национальности, хотя мы написаны везде “русские”. Интересно, что, несмотря на это разнообразное происхождение, выбор национальности для их смешанной семьи становится русским.

В целом учительница отрицательно относится к татарскому языку, как к языку, который не используется и не нужен в обществе, как к языку, отнимающему время от изучения других более важных предметов, как к языку, создающему проблемы в школе и т. д. Интересно, что Учитель 2-6 начинает свой рассказ о татарском языке с положительной ноты: «Потому что очень как бы тоже хорошо отношусь [к татарскому языку]». Несмотря на то, что учитель смягчает свою точку зрения, упоминая способность своих детей говорить на татарском языке или некоторых детей в школе, которые хотят изучать татарский язык, она решительно поддерживает противников преподавания татарского языка в школах. Она пытается привести множество аргументов, чтобы показать, что ни она сама, ни ее дети, ни большинство учащихся и их родителей, ни широкая общественность не видят необходимости и не говорят по-татарски.

Вторая проблема с татарским языком по мнению Учителя 2-6 — неадекватная учебная программа. Учитель описывает, что лексика в учебниках и грамматика, которую преподают, далеки от реалий татарской речи в повседневной жизни, поэтому она констатирует, что то, чему учат, не применимо и не нужно. Предлагается также крайний пример русской родительницы, чтобы показать, что мать была настолько расстроена татарским языком, что рвала татарские учебники и тетради дочери. Девочка очень хорошо училась и сдавала все предметы, кроме татарского языка и литературы. Учитель 2-6 признается, что «Две тройки кое-как мы ей нарисовали просто. Можно сказать». Так как в школе должны быть татарские классы, и для показателей школы необходимо иметь высокие оценки учеников, учительница признается, что они «нарисовали» воображаемые оценки, которые на самом деле не отражали знание учащимися татарского языка.

Отношение учителя 2-6 к языковой политике демонстрирует аналогичную враждебность по отношению к той языковой политике, которая поддерживает татарский язык. Когда ей задали гипотетические вопросы о том, что она бы делала, если бы у нее была возможность изменить ситуацию в отношении языкового образования, она заявила, что вернет конституцию в республике, которая была до той, которая была принята в 1992 году, и она готова принять все законы, которые распространяются на все регионы России: «Все законы, законы Российской Федерации на образовательном уровне, мне больше нравятся, чем в Татарстане».

Обсуждение и результаты

Анализ показал, что отношение учителей к многоязычию неодинаково в зависимости от языка; учителя, как правило, относятся к каждому языку, который составляет многоязычный репертуар, по-разному. Они приписывают каждому языку различные роли и поддерживают

или отрицают ценность того или иного языка. Отношение учителей к татарскому языку было неизменно благоприятным в Школе 1 и варьировалось в Школе 2, при этом Школа 2 проявляла двусмысленность и некую враждебность по отношению к изучению татарского языка. Отношение к русскому языку было более или менее одинаковым во всех школах, что свидетельствует о сохраняющемся доминирующем статусе языка в школах, обществе и во всех других сферах жизни страны. Отношение к английскому языку было в основном благосклонным и указывало на экономические, профессиональные и глобальные преимущества владения английским языком.

Список литературы

1. *Bialystok E.* (2013). The impact of bilingualism on language and literacy development. In T.K. Bhatia & W.C. Ritchie (Eds.), *The handbook of bilingualism and multilingualism* (2nd ed.), (pp.624-648). Oxford, UK: John Wiley & Sons.
2. *Byrnes D.A., Kiger G., & Manning M.L.* (1997). Teachers' attitudes about language diversity. *Teaching and teacher education*, 13(6), 637-644.
3. *Creswell J.W.* (2007). *Qualitative inquiry and research design: Choosing among five approaches* (2nd ed.). Thousand Oaks, CA: Sage Publications, Inc.
4. *Crowley T.* (1990). That obscene object of desire. In J. Joseph & T. Taylor (Eds.), *Ideologies of Language*. New York, NY: Routledge.
5. *Duff P.* (2002). Research approaches in applied linguistics. In B. Kaplan (Ed.) *The Oxford Handbook of Applied Linguistics* (pp. 13-23). Oxford, UK: Oxford University Press.
6. *Fairclough N.* (1996). *Language and power*. London, UK: Longman.
7. *Menken K., & García O. (Eds.).* (2010). *Negotiating language education policies: Educators as policymakers*. New York, NY: Routledge.
8. *O'Rourke B.* (2011). *Galician and Irish in the European context: Attitudes towards weak and strong minority languages*. London, UK: Palgrave Macmillan.
9. *Hirsh Hadorn, G., Biber-Klemm, S., Grossenbacher-Mansuy, W., Hoffman-Riem, H., Joye, D., Pohl, C.,...& Zemp, E.* (2008). The emergence of transdisciplinarity as a form of research. In H. Hoffmann-Riem, S. Biber-Klemm, W. Grossenbacher-Mansuy, D. Joye, C. Pohl, U. Wiesmann, & E. Zemp, (Eds.), *Handbook of transdisciplinary research*. (pp. 19-39). Zurich, CH: Springer.
10. *Yin R.K.* (2009). *Case study research: Design and methods* (4th ed.). Thousand Oaks, CA: Sage publications.

10.02.19

Р.А. Эфендиева, Э.Ю. Улимбашева, Л.Х. Дзасежева

ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»,
Социально-гуманитарный институт,
кафедра английского языка,
Нальчик, emma.ulimbashewa@yandex.ru,
rosinaefendieva@mail.ru, dzasezheva@mail.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ БАЗА ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ

Настоящая статья посвящена исследованию социокультурных основ формирования этнических стереотипов. Данный анализ позволит раскрыть сущность этнических стереотипов, их место и роль в духовной культуре.

Ключевые слова: *стереотипы поведения, этнос, ценности, обычаи, этнопсихология.*

Жизнеспособность культуры во многом определяется тем, насколько развиты структуры, определяющие ее единство и целостность. Это единение и неповторимость духовной культуры этносов достигается путем выработки единообразных правил поведения, общей памяти и общей картины мира. Именно на интегрирующие и стабилизирующие аспекты функционирования культуры направлено действие механизма традиции, в основе которого лежат этнические стереотипы поведения и общения. Социокультурные аспекты формирования этнических стереотипов можно тщательно рассмотреть на примере этнических традиций.

Стереотипизация жизненного опыта представляет собой суть механизма традиций, но это не означает отсутствие функционирования этнических стереотипов в современной культуре, поскольку ни одна духовная культура не может существовать без традиции. Стереотипные формы поведения издавна привлекают к себе внимание представителей самых различных научных дисциплин - психологов, лингвистов, социологов, историков. Такие разновидности стереотипизированного поведения, как обряды и обычаи, стали традиционными объектами этнографических исследований, поскольку в стереотипах поведения отчетливо выражается этническое своеобразие культуры. при наличии национальных стереотипов поведения и общения отчетливо выражаются этнокультурные особенности нации. Количество стереотипных форм поведения, вырабатываемых в каждом этносе не лимитировано сферой традиций. Нормы поведения присущи многим сферам деятельности, и прежде всего для коммуникации, социализации индивидов, трудовых приемов и навыков, игрового поведения.

В каждом этносе есть свои стереотипы и его варианты. Учитывая специфику социальной организации в сфере "заданного" поведения можно рассмотреть различные типы: поведение солдата, крестьянина, младенца, подростка, взрослого человека и др. Также можно говорить о поведении испанца в отличие от англичанина, католика от православного. Каждая нация в процессе взаимодействия с внешней средой накапливает определенный опыт.

Этот опыт является ядром, на котором зиждется сама возможность существования народа во времени. Конечно, каждый народ склонен хранить, копить и трансформировать опыт своему будущему. Трансформация имеющейся информации осуществляется двумя способами: на генетическом и не генетическом уровнях. Аккультурация также способствует передаче не наследственной информации и полностью направлена на научение. Когда мы передаем ту или иную информацию, мы стараемся ее упорядочить и выделить наиболее важные моменты. Чтобы осуществить эти действия, нам и нужны эти этнические стереотипы. Они помогают нам хранить любую информацию и передавать ее из поколения, таким образом снабжая нас знаниями и обогащая опытом. Имея все это, мы приобретаем память, которую периодически обновляем. значимой информацией.

Но национальные стереотипы поведения нужны не только для выражения и соблюдения нормы, но и для того, чтобы их нарушать и даже игнорировать. Поведение, которое выходит за рамки, как нам представляется, имеет свои нормы. Этому способствует обширный спектр явлений, присущих определенной нации и культуре. Как пишет Ю. Лотман "норма и ее нарушения не противопоставлены как мертвые данности. Они постоянно переходят друг в друга. Возникают правила для их нарушений и аномалии, требуемые существования для своих норм. Реальное поведение человека будет колебаться между этими полюсами. При этом различные типы культур будут диктовать субъективную ориентированность на норму (высоко оценивается "правильное" поведение, жизнь "по обычаю", "как у людей") "или же ее нарушение (стремление к оригинальности, необычности, чудачеству, юродству, обесцениванию нормы амбивалентным соединением крайностей). Не нужно заблуждаться, что направленность на нарушение нормы относилась лишь к сфере личностного поведения. Все нации имеют свои сугубо специфические стереотипы как "правильного", так и "неправильного" поведения. При этом второй тип поведения в историческом плане не является новацией. Он имеет гораздо более глубокие корни. Во всяком обществе и во все времена первый тип поведения был на перекрестке со вторым, ярким выражением которого являлся праздник. Баланс норм и этнических стереотипов поведения не сводится к их отождествлению. Нормы и этнические стереотипы где-то соприкасаются, а где-то - существенно расходятся[1:16].

Когда мы рассматриваем роль стереотипов в межкультурной коммуникации важно не забывать и то, что стереотипы всегда национальны. Хотя, порой можно найти аналоги в разных культурах. На такие моменты следует обращать больше внимания, так как совпадая во многом, эти стереотипы могут отличаться в некоторых аспектах, которые представляют немалое значения для успешной коммуникации. Отличительные особенности, существующие у разных народов, затрагивают многие стороны. К примеру, тематику коммуникации, то есть, что дозволено, а что табуировано в той или иной культуре, как говорить на ту или иную тему, как относиться ко времени, как вести себя в социуме и так далее. Также по-разному проявляются и стереотипы-представления. Например: Корейцы говорят: «Жена должна быть как лиса, а муж – как медведь», имея в виду, что жена должна быть умной, гибкой в общении и хитрой, а медведь сильным. На первый взгляд ассоциации, связанные с этими животными у корейцев, схожи с ассоциациями у русских. Но при детальном рассмотрении оказывается, что русская лиса – это в первую очередь эталон хитрости, и это качество воспринимается русскими негативно. Медведь же для русских в первую очередь неуклюж, а потом уже ему приписывают все другие качества. То же самое происходит с этнокультурными стереотипами, которые подразделяются на автостереотипы – представление о своем народе и о своей культуре и гетеростереотипы, схематично обобщающие взгляды на другие народы и культуры. Известно, что для немца француз является скупым и тщеславным, нам же, русским француз представляется самым галантным джентльменом. Самыми пунктуальными, как известно, являются немцы, которые всегда и везде вовремя, без минуты опозданий, итальянцы славятся своими серенадами и харизмой. А вот такого снобизма и чопорности как у англичан, нет ни у одной нации. Чтобы понять что такое стереотип, его необходимо рассмотреть с разных сторон, как с положительной, так и с отрицательной. Например, Тер-Минасова утверждает, что, несмотря на схематизм и обобщенность, стереотипные представления содержат первоначальные знания о других народах и других культурах и тем самым подготавливают почву для общения с ними, ослабляя культурный шок [4:27]. А.П. Садохин считает, что эти мнения часто формируются на основе стереотипных представлений об этих странах. Например, Германия ассоциируется с надежностью и высоким качеством, Япония – с передовыми технологиями в электронике, Франция – с хорошим вином. Поэтому понимание того, как потенциальные потребители воспринимают страну и культуру производителя продвигаемого продукта, является эффективным средством в маркетинге. В процессе межкультурного взаимодействия нельзя думать только о стереотипах. Их нужно расценивать лишь как этап,

дающий первичное представление о культуре, и оно, к сожалению, может быть ошибочным. . В процессе коммуникации это представление может существенно измениться как в положительную, так и в отрицательную сторону. . «Непроизвольная фиксация на уже имеющемся стереотипе серьезно затрудняет наблюдение за реальными действиями партнеров, и в этом случае стереотип действует как коммуникационный фильтр, как бы отсеивая те моменты действий, которые не соответствуют стереотипу [3:88]. Таким образом, можно с уверенностью полагать, что стереотипы ведут к своего рода неправильной трактовке реальности . Следствием этого, как считает Поршнев Б.Ф, является то, что действительное поведение партнеров, как и их намерения, остаются незамеченными или неправильно понятыми, это оказывает влияние на ход общения и может стать источником конфликтов. Поэтому проблема построения адекватного поведения с учетом существующих стереотипов всегда актуальна» [2:42].

Таким образом, социокультурной базой формирования этнокультурных стереотипов является набор целостных, привычных элементов в виде различных традиций, которые отождествляют наиболее формальные виды стереотипов поведения, присущих определенным этносам и народам .

Список литературы

1. *Лотман Ю.М.* Семиосфера Культура и взрыв – С. –Петербург: «Искусство- СПб» 2000. 704с.
2. *Поршнев Б.Ф.* Противопоставление как компонент этнического самосознания. М.: Просвещение, 1973. 123 с.
3. *Садыхин А.П.* Межкультурная коммуникация. М.: Альфа-М, 2006. 298с.
4. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М.: Интеллект-Центр, 2000. 271 с.

АННОТАЦИИ
ABSTRACTS

Е.Е. Иванов, О.Ю. Юрьева
УДАР КАК НЕОЧЕВИДНАЯ СМЫСЛОВАЯ
СТРУКТУРА «ПРИСУТСТВИЯ ИНОГО»
В ОНТОПОЭТИКЕ Г. ГАЗДАНОВА

Ключевые слова: Ф. Достоевский, иноформа,

«двусоставность», гнозис, нуминозное, призрак, витальное.

Статья посвящена изучению гностического подтекста прозы Г. Газданова по аналогии с «двусоставной» (Т. Касаткина) прозой Ф. Достоевского. Предлагается рассматривать «онтопоэтику» художественного мира Г. Газданова как воспроизводство присутствия в наличном бытии неочевидного содержания. При этом «исходный смысл» иллюзорности постороннего мира реализуется «иноформой» насильственного вторжения удара в кажимость повседневности, разоблачающего и обновляющего её.

В.А. Пржиготский
СБОРНИК РАССКАЗОВ СИБИРСКОГО ПИСАТЕЛЯ-
ЧИНОВНИКА Н. И. НАУМОВА «В ЗАБЫТОМ КРАЮ»

Ключевые слова: Н. И. Наумов, писатель-чиновник,
сибирская литература, государственная служба.

Рассмотрены рассказы и очерки сибирского писателя-чиновника Н. И. Наумова, представленные в сборнике «В забытом краю», опубликованном в Санкт-Петербурге в 1882 г. Исследованы идейно-эстетические особенности данных произведений на фоне общей эволюции творчества Наумова. Показана структурообразующая роль государственной службы в рассказах и очерках начала 1880-х гг.

О.В. Родинова
РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР В ИНТЕРПРЕТАЦИИ
К.К. ПАВЛОВОЙ

Ключевые слова: песни, межкультурная коммуникация,
русский фольклор, переводческое осмысление, топонимы, образ,
постоянные эпитеты, сюжет, национальные особенности.

В статье осуществлен анализ немецкоязычных переводов К.К. Павловой песен русского фольклора. Автор приходит к выводу, что переводческое осмысление русских лирических песен передает особенности быта народа. При этом поэтом-билингвом лишь отчасти сохранена метафоричность языка оригинальных текстов.

М.В. Елкина, А.Д. Паутов, Л.Г. Пушкарёва
СПЕЦИФИКА КОНТЕНТА СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ
О КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ В УСЛОВИЯХ
ПАНДЕМИИ

Ключевые слова: социальная реклама, коронавирус, Covid-19,
информационное воздействие, вакцинация.

В работе представлены результаты анализа контента видео-и наружной социальной рекламы о коронавирусной инфекции и борьбе с Covid-19 в условиях пандемии. Авторами исследования сделан вывод о специфике содержания социальной рекламы и ее эмоциональной окрашенности, особенности рекламных видеороликов для целевой аудитории различных возрастных групп.

А.У. Киньябулатов, С.Г. Аксенов, С.Ш. Сабирзянов,
Р.А. Гайнуллин, В.Ф. Усманов, В.Д. Чистонов, Э.Г. Усманов,
А.С. Султанмуратова, Ф.Б. Рахматова

ВКЛАД ЖУРНАЛИСТА, ЗАСЛУЖЕННОГО РАБОТНИКА
ПЕЧАТИ И МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ РЕСПУБЛИКИ
БАШКОРТОСТАН Р.А. АЮПОВА В РАЗВИТИЕ
ПРОПАГАНДЫ СПОРТА И ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ

Ключевые слова: спорт, физическая культура,
газета, здоровый образ жизни, энциклопедия.

Инициатор Федерации спортивных журналистов Республики Башкортостан, журналист, краевед, заслуженный работник печати и массовой информации Республики Башкортостан

Е.Е. Иванов, О.Ю. Юрьева
UDAR AS A NON-OBVIOUS SEMANTIC STRUCTURE
OF THE "PRESENCE OF THE OTHER"
IN THE ONTOPOETICS OF G. GAZDANOV

Keywords: F. Dostoevsky, inoform,

"two-partedness", gnosis, numinous, ghost, vital.

The article is devoted to the study of the gnostic subtext of the prose of G. Gazdanov by analogy with the "two-part" (T. Kasatkin) prose of F. Kasatkin. Dostoevsky. It is proposed to consider the "ontopoetics" of the artistic world of G. Gazdanov as a reproduction of the presence of non-obvious content in the present existence. At the same time, the "original meaning" of the illusory world of this world is realized by the "foreign form" of the violent invasion of the impact into the appearance of everyday life, exposing and renewing it.

V.A. Przhigotskiy
THE COLLECTION OF THE SIBERIAN WRITER-OFFICIAL
N. I. NAUMOV "IN THE FORGOTTEN LAND"

Keywords: N. I. Naumov, writer-official,
Siberian literature, civil service.

The stories and essays of the Siberian writer-official N. I. Naumov, presented in the collection "In the Forgotten Land", published in St. Petersburg in 1882, are considered. The ideological and aesthetic features of these works are studied as a result of the general evolution of Naumov's literary work. The structure-forming role of the civil service in the stories and essays of the early 1880s is shown.

O.V. Rodikova
INTERPRETATION OF THE RUSSIAN FOLKLORE
BY K.K. PAVLOVA

Keywords: songs, intercultural communication,
Russian folklore, translational interpretation, toponyms, image,
conventional epithets, plot, national peculiarities.

The article analyzes the German-language interpretations of the Russian folklore songs by K.K. Pavlova. The author comes to the conclusion that the translational interpretation of the Russian lyrical songs renders the domestic life peculiarities of the folks. At the same time, the bilingual poet has only partly preserved the metaphorical language of the original texts.

M.V. Elkina, A.D. Pautov, L.G. Pushkareva
SPECIFICS OF SOCIAL ADVERTISING CONTENT ABOUT
CORONAVIRUS INFECTION IN A PANDEMIC

Keywords: social advertising, coronavirus, Covid-19,
informational impact, vaccination.

The paper presents the results of the analysis of the content of video and outdoor social advertising about coronavirus infection and the fight against Covid-19 in a pandemic. The authors of the study concluded about the specifics of the content of social advertising and its emotional coloring, the features of advertising videos for the target audience of different age groups.

A.U. Kinyabulatov, S.G. Aksyonov, S.Sh. Sabirzyanov,
R.A. Gainullin, V.F. Usmanov, V.D. Chistonov, E.G. Usmanov,
A.S. Sultanmuratova, F.B. Rakhmatova

CONTRIBUTION OF A JOURNALIST, HONORED WORKER
PRESS AND MASS MEDIA OF THE REPUBLIC OF
BASHKORTOSTAN R.A. AYUPOV IN THE DEVELOPMENT
OF PROMOTION OF SPORTS AND HEALTHY LIFESTYLES

Keywords: sport, physical culture, newspaper,
healthy lifestyle, encyclopedia.

The initiator of the Federation of Sports Journalists of the Republic of Bashkortostan, journalist, local historian, honored worker of the press and mass media of the Republic of

Рашид Асгатович Аюпов с 1972 года работает в газете «Вечерняя Уфа». Член Союза журналистов РФ и РБ Р.А. Аюпов был первым редактором по спорту и физической культуре в Научном издательстве «Башкирская энциклопедия», он автор около 140 статей в Краткой энциклопедии Башкортостана, в течение полвека им написано свыше 1000 статей по развитию спорта, физической культуры, пропаганды здорового образа жизни и оздоровление населения республики.

А.У. Киньябулатов, С.Г. Аксенов, С.Ш. Сабирзянов,
В.Д. Чистонов, В.Ф. Усманов, А.С. Султанмуратова,
Р.А. Гайнуллин, Э.Г. Усманов, Ф.Б. Рахматова

ЗНАЧЕНИЕ СПОРТИВНЫХ ГАЗЕТ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ, СПОРТА И МЕДИЦИНЫ БАШКОРТОСТАНА НА РУБЕЖЕ XX—XXI ВЕКОВ

Ключевые слова: физическая культура, спорт, газеты, журналы, здравоохранение, общественное здоровье, здоровый образ жизни.

После принятия 11 октября 1990 года Декларации о государственном суверенитете в Республике Башкортостан отмечался значительный подъем спортивной журналистики на рубеже XX—XXI веков, который был замечен в увеличении количества спортивных газет и журналов, как республиканского, так и районного значения. Особое внимание Союза журналистов Республики Башкортостан было уделено телевидению и радиовещанию, на которых регулярно проводились теле- и радиопередачи различного формата.

Аль-хадитхи Басим Хашиа Абдулраззак
ТЕТЯ, ТЕТКА, ТЕТЕНЬКА, ТЕТЕЧКА, ТЕТУШКА,
ТЕТЕХА В ФУНКЦИИ ОБРАЩЕНИЯ

Ключевые слова: семантика, прагматика, аппеллятив литературная норма.

Объектом исследования в настоящей статье являются обращения тетя, тетя, тетенька, тетечка, тетушка, тетеха на основе имен родства. В качестве предмета размышлений стало их семантико-прагматическое содержание. На функционирование данных лексем в качестве аппеллятивов влияет комплекс прагматических значений: возраст, пол, социокультурный статус, родственник/неродственник; перлокутивный эффект.

О.А. Глушенко РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА В ЭКСПРЕССИВНОЙ НОМИНАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ НАЗВАНИЙ СЕРТИФИКАТА О ВАКЦИНАЦИИ ОТ COVID-19 И QR-КОДА)

Ключевые слова: эмотив, экспрессивное слово, номинация, семантика, языковая картина мира, COVID-19, QR-код.

Современные наименования сертификата о вакцинации от COVID-19 и QR-кода описаны с точки зрения семантики, системных отношений и прагматической нагрузки в дискурсе. Названия охарактеризованы в аспекте отражения в языке социального протеста из-за ковид-ограничений.

И.А. Дини, Д.А. Решетняк, Е.Г. Шапаренко
НЕКОТОРЫЕ КРИТЕРИИ ПРАГМАТИЧЕСКОГО
АНАЛИЗА ТЕКСТОВ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ К
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Ключевые слова: речевой акт, прагматика, лингвистическая экспертиза, языковые средства.

Настоящая статья описывает прагматический инструментарий как основу лингвистической экспертизы текста. В фокусе внимания находятся критериальные признаки оценки ролей и поведения участников коммуникативного акта в текстах, представленных к лингвистической экспертизе. Отмечено, что поэтапная работа с текстом с учетом его разбора по представленным критериям, позволяет прийти к наиболее объективным результатам и дать соответствующую лингвистическую оценку.

Bashkortostan, Rashit Asgatovich Ayupov, has been working in the «Vechernyaya Ufa» newspaper since 1972. Member of the Union of Journalists of the Russian Federation and the Republic of Belarus R.A. Ayupov was the first editor on sports and physical culture at the Scientific Publishing House "Bashkir Encyclopedia", he is the author of over 140 articles in the Concise Encyclopedia of Bashkortostan, for half a century he has written over 1000 articles on the development of sports, physical culture, promotion of a healthy lifestyle and improvement of the population republics.

A.U. Kinyabulatov, S.G. Aksenov, S.Sh. Sabirzyanov,
V.D. Chistonov, V.F. Usmanov, A.S. Sultanmuratova,
R.A. Gainullin, E.G. Usmanov, F.B. Rakhmatova

THE IMPORTANCE OF SPORTS NEWSPAPERS FOR THE DEVELOPMENT OF PHYSICAL CULTURE, SPORTS AND MEDICINE OF BASHKORTOSTAN AT THE TURN OF THE XX-XXI CENTURIES

Keywords: physical culture, sports, newspapers, magazines, healthcare, public health, healthy lifestyle.

After the adoption of the Declaration of State Sovereignty on October 11, 1990, a significant rise in sports journalism was noted in the Republic of Bashkortostan at the turn of the XX-XXI centuries, which was noticeable in the increase in the number of sports newspapers and magazines, both republican and district significance. Special attention of the Union of Journalists of the Republic of Bashkortostan was paid to television and radio broadcasting, where TV and radio broadcasts of various formats were regularly held.

Al-hadithi Basim khashea Abdulrazzak
WORD-FORMATION VARIANTS
OF THE LEXEME 'AUNT': THE ADDRESSING FUNCTION

Keywords: semantics, pragmatics, appellative literary norm.

The object of research in this article is the treatment of aunt, aunt, auntie, auntie, auntie based on the names of kinship. Their semantic and pragmatic content became the subject of reflection. The functioning of these lexemes as appellatives is influenced by a set of pragmatic meanings: age, gender, socio-cultural status, relative/unrelated; perlocutionary effect.

О.А. Glushchenko REPRESENTATION OF SOCIAL PROTEST IN AN EXPRESSIVE NOMINATION (USING THE EXAMPLE OF THE NAMES OF THE COVID-19 VACCINATION CERTIFICATE AND QR CODE)

Keywords: emotive, expressive word, nomination, semantics, language picture of the world, COVID-19, QR code

The modern names of the COVID-19 vaccination certificate and QR code are described in terms of semantics, system relations and pragmatic load in the discourse. The names are characterized in the aspect of reflection in the language of social protest due to covid restrictions.

I.A. Deeney, D.A. Reshetnyak, E.G. Shaparenko
SOME CRITERIA FOR PRAGMATIC ANALYSIS OF TEXTS
SUBMITTED FOR LINGUISTIC EXPERTISE

Keywords: Speech act, pragmatics, linguistic expertise, linguistic means.

This article describes the pragmalinguistic tools as the basis for the linguistic examination of the text. The focus of the research is the criteria for evaluating the roles and behavior of the participants in the communicative act in the texts submitted for linguistic expertise. It is noted that the phased work with the text, taking into account its analysis according to the criteria presented, allows to arrive at the most objective results and give an appropriate linguistic assessment.

В.В. Егорова, О.О. Хасанова
СИСТЕМА АРТЕМ В МАЛОЙ ПРОЗЕ Е.А. КАТИШОНОК

Ключевые слова: лингвопоэтика,
артема, художественный текст, Катishонок.

В статье представлены результаты изучения сборника рассказов Е.А. Катishонок «Счастливый Феликс» в лингвопоэтическом аспекте. Использование автором артем, основанных на нарушении литературно-языковой нормы, становится одним из важнейших приемов смыслопорождения художественного текста.

А.Н. Ерёмин
К ВОПРОСУ О ЛЕКСИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ И ТИПАХ
ЗНАЧЕНИЙ СЛОВ

Ключевые слова: лексическая семантика,
типы лексических значений.

В настоящей статье рассмотрены лексические значения со стороны их функционального назначения: а) что-либо зафиксировать на ментальном уровне: номинативно фиксирующие значения; б) что-либо сконструировать на ментальном уровне: манипулятивно-конструирующие значения; в) третий синкретичный тип совмещает семантику первых двух.

Е.С. Константинов
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОПИСАТЕЛЬНЫХ ГЛАГОЛЬНО-
ИМЕННЫХ ОБОРОТОВ В ЛЕТОПИСНЫХ ТЕКСТАХ
XIII–XV ВЕКОВ

Ключевые слова: описательный глагольно-именный оборот,
устойчивость, диахрония, структура, семантика.

Статья посвящена изучению описательных глагольно-именных оборотов (ОГИО) в текстах древнерусских летописей. В ходе исследования описано функционирование данных единиц в текстах Лаврентьевской, Ипатьевской и Новгородской первой летописей, проведен структурный и семантический анализ. Рассматриваются особенности этих конструкций в диахронии.

С.В. Минибаева, Т.В. Желтикова
СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КАК ЧЕРТА
ИДИОСТИЛЯ ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА
(НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТА РОМАНА «ЖИЗНЬ
НАСЕКОМЫХ»)

Ключевые слова: языковая личность; идиостиль;
семантическая трансформация; расширение семантики;
ассоциативно-смысловые связи слов.

В статье рассматривается явление семантической трансформации как свойство индивидуального стиля Виктора Пелевина. Отмечается, что изменение значения слова в текстах приобретает характер расширения семантики и может возникать на основе этимологических и ассоциативно-смысловых связей между лексемами. В результате сделан вывод о том, что рассмотренная черта идиостиля автора способствует формированию контекстного восприятия смыслового содержания речевого произведения.

Е.А. Неклюдова
СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ КОММУНИКАТИВНОГО
ПОВЕДЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИКА (НА
МАТЕРИАЛЕ УСТНОЙ РЕЧИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ
ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Ключевые слова: коммуникативная стратегия,
коммуникативные тактики, политическая коммуникация,
гендерная лингвистика, Вологодская область.

В статье представлен сопоставительный анализ стратегий и тактик коммуникативного поведения региональных политиков – мужчин и женщин (на материале устной речи политических деятелей Вологодской области). Определены особенности речевого поведения политиков с точки зрения гендерного фактора. Выделены основные приемы реализации коммуникативных стратегий и тактик.

V.V. Yegorova, O.O. Hasanova
THE ARTEM SYSTEM IN SMALL PROSE
BY E.A. KATISHONOK

Keywords: linguopoetics, artyom, artistic text, Katishonok.
The article presents the results of studying the stories of E.A. Katishonok included in the collection «Happy Felix» in the linguopoetic aspect. The use by the author of artyom, based on the violation of literary and linguistic norms, becomes one of the most important methods of meaning generation of a literary text.

A.N. Eremin
ON THE QUESTION OF LEXICAL MEANING AND TYPES
OF MEANINGS OF WORDS

Keywords: lexical semantics, types of lexical meanings.
In this article, lexical meanings are considered from the side of their functional purpose: a) to fix something at the mental level: nominatively fixing values; b) to construct something at the mental level: manipulatively constructing values; c) the third syncretic type combines the semantics of the first two.

E.S. Konstantinov
FUNCTIONING OF A VERBAL-NOMINAL PHRASES
IN CHRONICLE TEXTS XIII–XV CENTURIES

Keywords: verbal-nominal phrases, stability, diachrony,
structure, semantics.

The article is devoted to the study of verbal-nominal phrases in the texts of Old Russian chronicles. In the course of the study a structural and semantic analysis was carried out, and the functioning of verb constructions in the texts of the Laurentian, Ipatiev and Novgorod first chronicles was described. The features of these constructions are considered.

S.V. Minibaeva, T.V. Zheltikova
SEMANTIC TRANSFORMATION AS A FEATURE OF
VICTOR PELEVIN'S IDIOSYNCRASY (BASED ON THE
TEXT OF THE NOVEL «INSECT LIFE»)

Keywords: linguistic personality; idiosyncrasy; semantic
transformation; expansion of semantics; associative-semantic
connections of the word.

The article considers the phenomenon of semantic transformation as a property of Victor Pelevin's individual style. It is noted that the change in the meaning of a word in texts acquires the character of an extension of semantics and can arise on the basis of etymological and associative-semantic connections between lexemes. As a result, it is concluded that the considered feature of the author's idiosyncrasy contributes to the formation of contextual perception of the semantic content of the speech work.

E.A. Neklyudova
STRATEGIES AND TACTICS OF COMMUNICATIVE
BEHAVIOR OF THE VOLOGDA REGION POLITICIAN
Keywords: communicative strategy, communicative tactics,
political communication, gender linguistics, Vologda region.
The article presents a comparative analysis of strategies and tactics of communicative behavior of the Vologda region politicians. The features of the speech behavior of politicians from the point of view of the gender factor are determined. The main methods of implementing communicative strategies and tactics are highlighted.

А.А. Немыка, Е.Н. Рожик, С.С. Камшук
**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОСМОНИМОВ
 В СОВРЕМЕННОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ
 (НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ ПЕСЕННЫХ ТЕКСТОВ):
 ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ
 АСПЕКТЫ**

Ключевые слова: песенный дискурс; космонимы; концепт «Космос»; лингвокультурология; лингводидактика.

В статье представлены результаты анализа использования космонимов в современных песенных текстах на материале русского языка. Новизна исследования заключается в том, что в нем раскрыт лингвострановедческий потенциал песенного дискурса при включении в него языковых единиц, репрезентирующих концепт «Космос»; выявлена лингводидактическая целесообразность применения песен в роли учебного текста для развития языковой и коммуникативной компетенций у учащихся различного уровня подготовки, включая обучение русскому языку как иностранному. Авторами представлена собственная точка зрения на критерии отбора фрагментов песенного дискурса в качестве учебных текстов, в том числе с учетом их жанровой специфики.

Ж.Ю. Шацкая

**МЕТОНИМИЯ КАК ЯЗЫКОВАЯ ФОРМА ОПИСАНИЯ
 ОБРАЗНОГО КОМПОНЕНТА КОНЦЕПТА «МОДА»**

Ключевые слова: метонимия, образный компонент, концепт.

В данной работе представлены результаты исследования образного компонента концепта «Мода» через метонимические модели. Полученные результаты указывают на распространенные метонимические образы. К ним относятся образ модной вещи, деятельности, способа выражения.

И.В. Шерстяных

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ МЕТАПОКАЗАТЕЛЯ «ШУТКА»:
 ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Ключевые слова: метамаркер, метапоказатель, речевая рефлексия, речевой жанр, шутка.

В статье описываются условия вербализации метатекстовых элементов «шутка», «шуточка», «шутить» в речи носителей русского языка. На обширном лексикографическом и речевом материале предпринята попытка определения роли названных метамаркеров, включенных в относительно устойчивые сочетания, в процессе речеобразования. Установлено, что «шутка», «шуточка», «шутить» реализуют ряд дискурсивных функций: помогают идентифицировать речевой жанр, вербализируют рефлексию говорящего по отношению к высказыванию, с их помощью осуществляется фатическая функция.

Т.В. Алеиникова, Н.В. Горохова, И.Н. Третьякова
**РЕТЕРМИНОЛОГИЗАЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
 (НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕРМИНОВ
 НЕФТЕГАЗОВОГО ДИСКУРСА)**

Ключевые слова: терминологизация, детерминологизация, транстерминологизация, ретерминологизация, нефтегазовый дискурс.

Статья посвящена изучению процесса ретерминологизации лексических единиц в нефтегазовом дискурсе. Исследование лексического корпуса нефтегазовой терминологии позволило провести анализ исследуемого материала и установить, что ретерминологизация является продолжением процесса детерминологизации, выступая источником пополнения языкового массива предметной области знания, а также процесса транстерминологизации, ведущим к преобразованию семантики определенного слова-термина. Результаты исследования показали, что поиск и выявление терминов, подвергающихся ретерминологизации, затруднено и требует диалектического анализа сведений и систематизации специального лингвистического знания. Выводы, сделанные относительно процессов ретерминологизации, подтверждены

A.A. Nemyka, E.N. Rozhik S.S. Kamshuk
**FUNCTIONING OF COSMONIMS IN MODERN
 IMAGINARY LITERATURE DISCOURSE
 (ON THE EXAMPLE OF RUSSIAN SONG'S LYRICS):
 LINGUOCULTURAL AND LINGUODIDACTIC ASPECTS**
Keywords: song discourse; cosmonyms, the concept of "Space",
 linguoculturology, linguodidactics.

The article presents the results of the analysis of the use of cosmonyms in modern song texts based on the material of the Russian language. The novelty of the research is seen in the fact that it reveals the linguocultural potential of song discourse when linguistic units representing the concept of "Space" are included in it; the linguodidactic expediency of using songs as an educational text for the development of language and communicative competencies among students of various levels of training, including teaching Russian as a foreign language, is revealed. The authors present their own point of view on the criteria for selecting fragments of song discourse as educational texts, including taking into account their genre specifics.

Zh.Yu. Shatskaya

**METONYMY AS A LANGUAGE FORM OF DESCRIBING
 IMAGE COMPONENT OF THE CONCEPT «MODA»**

Keywords: metonymy, image component, concept

This paper presents the results of the image component study of the concept «Moda» through metonymic models. The obtained results highlight the typical metonymic images. These are images of a fashionable thing, activity, way of expression.

I.V. Sherstyanykh

**VERBALIZATION OF THE «JOKE» META-INDICATOR:
 LEXICOGRAPHIC ASPECT**

Keywords: speech reflection, meta-marker, meta-indicator, speech genre, joke.

The article describes the conditions for verbalization of the meta-indicator «joke» in the speech of native speakers of the Russian language. Based on extensive lexicographic and speech material, an attempt is made to determine the role of these meta-indicator included in relatively stable combinations in speech formation. It is established that «joke» implements a number of discursive functions: help to identify the speech genre, verbalize the speaker's reflection in relation to the utterance, with their help, the phatic function is carried out.

T.V. Aleinikova, N.V. Gorokhova, I.N. Tretyakova
**RETERMINOLOGISATION PROCESS OF LEXICAL UNITS
 IN OIL AND GAS DISCOURSE**

Keywords: terminologisation, determinologisation, transterminologisation, reterminologisation, oil and gas discourse.

The article is devoted to the study of the of reterminologisation process of lexical units in oil and gas discourse. The study of oil and gas terminology made it possible to claim that reterminologization is a natural process of determinologization, as well as the process of transterminologization, leading to the transformation of the semantics of a professional term. The results of the study made it possible to conclude the identification of special terms that are subject to reterminologisation is difficult, requiring a diachronic analysis of information and the systematization of special linguistic knowledge. Reterminologisation processes are confirmed by the results of practical work that was carried out at the faculties of oil and gas of the National University of Oil and Gas (Gubkin University).

результатами практической работы, которая проводилась на факультетах нефтегазовых направлений подготовки РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина.

Е.В. Бутенко, Г.А. Циммерман
СТИЛЕВАЯ ЦИТАЦИЯ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
В КИНОДИАЛОГЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Ключевые слова: пословица, стиливая цитация,
лингвостилистические средства, киноперевод.

В работе представлены результаты изучения специфики стиливой цитации пословичных единиц в художественном языке, и в кинодискурсе в частности. Встраиваемые в речь персонажей пословицы могут несколько модифицироваться, соотносясь с ситуацией общения и целевой установкой высказывания, что, по сути, и составляет прием их стиливой цитации. Видение этого приема актуально в киноперевод, поскольку сохранение паремнологического обогащения высказывания требует подбора соответствующих языковых средств для узнавания в цитируемом отрезке его проverbsиального прототипа.

В.Е. Глызина, И.В. Пашаева, А.В. Федорюк
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИНТЕНСИФИКАТОРОВ
В ДИСКУРСЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Ключевые слова: языковая личность, фразеологические
интенсификаторы, интенциональное состояние,
эгоцентрированный дискурс.

Настоящая статья касается исследования роли фразеологических интенсификаторов в эмоциональном дискурсе языковой личности. Подробно описан процесс коммуникации, направленный на самовыражение языковой личности с целью воздействовать на адресата. Описаны типы как внутренних, так и внешних речевых актов, ярко демонстрирующие цели, мотивы, установку и интенциональность языковой личности. Делается вывод о том, что фразеологические интенсификаторы, включенные в дискурс языковой личности, играют важную роль усилителя оценочной ситуации, тем самым, способствуя достижению иллюклативной силы.

И.Т. Закиева
ОСОБЕННОСТИ АВТОРСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ В
ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КУРТА ВОННЕГУТА “КОЛЫБЕЛЬ ДЛЯ
КОШКИ” И “СИРЕНЬ ТИТАНА”

Ключевые слова: неологизмы, окказионализмы,
способы образования.

В данной работе рассматривается роль авторских неологизмов в процессе самоорганизации текста.

Н.М. Залесова, Е.Ю. Баженова, Т.Ю. Ма, М.А. Зуева
ИСЛАМСКИЕ РЕАЛИИ И ИХ РОЛЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ
ПРОИЗВЕДЕНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Х.
ХОССЕЙНИ «THE KITE RUNNER»)

Ключевые слова: реалия, виды реалий, антропонимы,
топонимы, национально-культурный колорит.

Данная статья посвящена исследованию исламских реалий на материале романа Х. Хоссейни “The Kite Runner”. В результате анализа данного произведения выделено 5 видов реалий: бытовые, ономастические (антропонимы и топонимы), этнографические, реалии государственно-административного устройства и общественной жизни и реалии мира природы. В статье определена роль реалий в создании национально-культурного колорита художественного произведения: они позволяют создать нужную атмосферу, воссоздавая особенности природного ландшафта, религии, образования и т.д. Делается вывод о том, что реалии являются компонентом фоновых знаний читателя, необходимых для понимания иноязычного текста. Недостаточное знание событий в истории страны, ее важнейших персоналий

E.V. Butenko, G.A. Tsimmerman
STYLISTIC CITATION OF PAREMIOLOGICAL UNITS IN
FILM DIALOGUE (BASED ON THE EXAMPLES IN
RUSSIAN AND ENGLISH)

Keywords: proverbs, stylistic citation,
linguistic-stylistic means, film translation.

The paper presents the results of studying the specifics of proverbial stylistic citation in the artistic language, and in the film discourse in particular. Proverbs, embedded in the speech of characters, can be partially modified according to the situation of communication and the aim of an utterance, which, in fact, constitutes the device of proverbial stylistic citation. The vision of this technique is relevant in film translation, since the preservation of paremiological enrichment of an utterance requires the selection of appropriate linguistic means, so that the proverbial prototype could be identified in the quoted form.

V.E. Glyzina, I.V. Pashaeva, A.V. Fedoryuk
THE FUNCTIONING OF PHRASEOLOGICAL
INTENSIFIERS IN THE LINGUISTIC PERSONALITY
DISCOURSE

Keywords: linguistic personality, phraseological intensifier,
intentional state, egocentric discourse.

This article deals with the study of the role of phraseological intensifiers in the emotional discourse of a linguistic personality. The communication process aimed at self-expression of a linguistic personality in order to influence the listener is described in detail. The types of internal and external speech acts that express the aims, motives, attitude and intentionality of the linguistic personality are presented. The authors come to the conclusion that the phraseological intensifiers included in the discourse of a linguistic personality can enhance the evaluation and contribute to the achievement of illocutionary power.

I.T. Zakieva
PECULIARITIES OF AUTHORIAL NEOLOGISM IN
NOVELS OF KURT VONNEGUT “CAT’S CRADLE” AND
“THE SIRENS OF TITAN”

Keywords: neologisms, occasionalisms, means of word formation.
This paper deals with the role of authorial neologisms in process of text self-organisation.

N.M. Zalesova, E.Y. Bazhenova, T.Y. Ma, M.A. Zuyeva
ISLAMIC CULTURE-SPECIFIC CONCEPTS AND THEIR
ROLE IN THE CLASSIC NOVEL (AT THE EXAMPLE
OF H. HOSSEINI NOVEL “THE KITE RUNNER”)

Keywords: culture-specific concept, types of culture-specific concepts, anthroponyms, toponyms, national and cultural colour.
The article is devoted to the research of Islamic realia on the material of the novel “The Kite Runner” by K. Hosseini. The analysis of the work of fiction resulted in outlining 5 types of realia: household realia, onomastic realia (anthroponyms and toponyms), ethnographic realia, administrative realia and nature realia. The article reveals the role of realia in creating national and cultural atmosphere and concludes that realia, being a component of a reader’s background knowledge, are essential for understanding a text in a foreign language. On the contrary, lack of knowledge about the history of a country, its outstanding personalities results in misunderstanding of comparisons and historical allusions and, ultimately, in communication failure.

приводит к непониманию сравнений и исторических ссылок, и, в конечном итоге, к срыву коммуникации в рамках художественного текста.

Е.В. Комлева

ИНТЕРМЕДИАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР АПЕЛЛЯТИВНОСТИ В ТЕКСТАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Ключевые слова: апеллативность, политическая пропаганда, поликодность, интермедальность, тип текста.

Статья посвящена изучению интермедальных англоязычных текстов политической пропаганды, отличительным признаком которых является взаимодействие семиотических кодов из различных знаковых систем. Распространение компьютерных технологий способствует появлению все новых политических пропагандистских текстов, включающих графическое оформление и различные изображения. Исследовательский интерес к изучению текстов политической пропаганды обусловлен стремительным проникновением политической сферы в повседневную жизнь человека, совершенствованием стратегий поликодового воздействия на адресата.

А.В. Копанева

ПРАГМАФОНЕТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ АКЦЕНТНОЙ ВЫДЕЛЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: синлабика, акцентуация, эффект дополнительной выделенности, когнитивная обработка, прагмафонетическое моделирование, этика интеллективного общения.

В работе рассматриваются особенности расстановки и просодического оформления эффекта дополнительной слоговой и словесной выделенности в жанре лекции. Они выявляются за счет специальной обработки выступлений британских ученых с опорой на принципы когнитивной синлабики и их последующего прагмафонетического моделирования, которое предполагает сопоставительный анализ аутентичного звучания материала и его воспроизведения высококвалифицированными филологами-англичанами. Такой подход к изучению избранной проблематики дает возможность заострить внимание на случаях маркированной акцентуации, которая выходит за рамки нейтральной английской фонации и всецело обусловлена обновленной риторикой интеллективного общения, а также лингвокультурологическими особенностями английского языка. Результаты исследования свидетельствуют о том, что эти предпосылки акцентного выделения в первую очередь нуждаются в более подробном освещении, поскольку в условиях цифровизации английского языка именно они становятся ключевым для оптимизации общения в глобальном англоязычном пространстве.

Е.Г. Котова, Е.А. Линева, Е.Б. Савельева, А.В. Леонтьева ЭТИМОЛОГИЯ АНГЛИЙСКИХ ИДИОМ С КОМПОНЕНТОМ ДЖЕК

Ключевые слова: идиома, имя собственное, этимология, разговорный язык, значение, контекст.

В статье рассматриваются популярные английские идиомы, одним из компонентов которых является мужское имя Джек. Идиоматические выражения с компонентом именем собственным представляют наибольшую трудность для понимания, однако вызывают большой интерес в плане изучения национально-культурной специфики иностранного языка, так как именно эти единицы фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы.

З.В. Маньковская

КУЛЬТУРНО-ЗНАЧИМАЯ ИНФОРМАЦИЯ В РАССКАЗАХ РОАЛЬДА ДАЛЯ

Ключевые слова: культурно-значимая информация, национально-культурный компонент, культурный код,

Е.В. Комлева

INTERMEDIAL NATURE OF APPEAL IN THE TEXTS OF POLITICAL PROPAGANDA (ON MODERN ENGLISH)

Keywords: the appellative category, the political propaganda, the polycode character of the text, the intermediality, text's types. The article is devoted to the study of intermedial English-language texts of political propaganda, the distinguishing feature of which is the interaction of semiotic codes from different sign systems. The spread of computer technology contributes to the emergence of new texts, including graphic design and various images. The research interest in the study of political propaganda texts is due to the rapid penetration of the political sphere into the daily life of a person, the improvement of strategies for polycode impact on the addressee.

А.В. Копанева

PRAGMAPHONETIC MODELLING OF ACCENTUATION IN THE MODERN ENGLISH LANGUAGE

Keywords: syllabics, accentuation, additional prominence, cognitive processing, pragmaphonic modelling, the ethical aspect of intellectual communication.

This paper deals with the peculiarities of the localisation and the prosodic means of accentual highlighting in the genre of lecture. They are brought to the fore with the help of the cognitive processing of the material, followed by its pragmaphonic modelling, which presupposes the comparative analysis of the authentic text with its interpretation done by some highly qualified Russian anglicists. This kind of approach makes for a much deeper study of the effect of additional prominence in the English language and helps us to single out the cases of marked accentuation, which are fully conditioned by the new rhetoric of intellectual communication and the linguoculturological aspect of English speech. The results of the present paper indicate that these antecedents of accentuation need to be studied in greater detail because they acquire the key role in the optimisation of communication in the modern global English-speaking world.

Е.Г. Котова, Е.А. Линева, Е.Б. Савельева, А.В. Леонтьева ETYMOLOGY OF ENGLISH IDIOMS WITH A JACK COMPONENT

Keywords: idiom, proper name, etymology, spoken language, meaning, context

The article discusses popular English idioms, one of the components of which is the male name Jack. Idiomatic expressions with a proper name component are the most difficult to understand, but they are of great interest in terms of studying the national and cultural specifics of a foreign language, since it is these units that fix and transmit cultural attitudes and stereotypes from generation to generation.

З.В. Маньковская

CULTURALLY-SENSITIVE INFORMATION IN ROALD DAHL'S STORIES

Keywords: culturally-sensitive information, cultural component of meaning, Cultural Code, social and

социокультурная информация, гендер, маскулинные и фемининные культуры.

В статье раскрывается интеллектуальный и культурный потенциал рассказов английского писателя XX века Роальда Даля. При описании национально-культурного компонента рассказов устанавливается связь с типологией культур. Делается вывод об использовании рассказов Роальда Даля для иллюстрации концепций теории межкультурной коммуникации.

С.С. Шумбасова

БИБЛЕИЗМЫ В ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: фразеологическая единица, библейский текст, идиоматичная соотнесенность, интерпретация смысла.

В настоящей статье рассматривается сопоставительный аспект в изучении фразеологических единиц библейского происхождения в языковой паре английский-немецкий. Различия обусловлены экстралингвистическими (интерпретация внутреннего смысла) и лингвистическими (внешняя форма) факторами. Представленные в статье примеры разделены на группы согласно степени англо-немецкой идиоматичности.

П.М. Алиева, Э.Г. Оздоева

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕРМИНОВ РОДСТВА ВО ФРАНЦУЗСКОМ И ИНГУШСКОМ ЯЗЫКАХ

Ключевые слова: термины родства; французский язык; ингушский язык; сопоставительный анализ; простые, составные и описательные термины.

В статье представлены основные результаты структурно-семантического анализа терминов родства двух разнотипных языков в сопоставительном плане. Отмечается, что термины родства являются наиболее древними лексическими единицами. Сделаны выводы о дискурсивной активности терминов разных групп, в частности о наиболее высокой частотности ядерных терминов родства, а также отмечено, что в ингушском языке функционирует больше терминов родства, чем во французском языке и указано, чем это обусловлено. Выявлено, что в ингушской художественной литературе функционирует более широкий пласт моносемантических терминов, по сравнению с французской художественной литературой, где больше полисемантических терминов.

С.В. Будажапова, Л.Д. Раднаева, Б.В. Соктоева,
И.В. Хубракова, С.Д. Цыренжапова

АКУСТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ РЕАЛИЗАЦИЙ ЗВУКОВЫХ ЕДИНИЦ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: английский язык, гласные, согласные, слуховой анализ, акустические параметры, форманты.

Статья посвящена описанию фонетических свойств звуковых единиц английского языка, реализованных в условиях неподготовленного чтения. Материалом для исследования послужили тексты, записанные в реализации 18 дикторов – носителей русского языка (9 мужчин и 9 женщин) в возрасте от 17-23 лет с разным уровнем владения английским языком: начальный, средний, продвинутый. Проведен слуховой анализ реализаций гласных и согласных, зарегистрированы их акустические параметры с использованием программы по обработке речевых сигналов. Praat (www.praat.org).

Л.Г. Васильев, В.В. Неборская, Н.В. Обухова
СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
РЕЧЕВОЙ АРГУМЕНТАЦИИ

Ключевые слова: лингвоаргументология, субъектно-объектное измерение, дискурс.

В работе рассмотрены проблемы, с которыми мы сталкиваемся при рассмотрении аргументативного взаимодействия. Также выделяются прямые и косвенные участники обсуждения и составляющие объекта речевой аргументации. В статье подчеркивается, что в аргументации общие условия речевого взаимодействия строятся на рационалистических принципах.

cultural information, gender, masculine and feminine cultures.

The article highlights intellectual and cultural potential of stories written by Roald Dahl, an English author of the 20th century. The culturally-relevant information is derived from stories to explain and illustrate the typology of cultures. The article recommends using Roald Dahl's stories in the explication of the main concepts of the theory of intercultural and cross-cultural communication.

S.S. Shumbasova

BIBLEISMS IN GERMANIC LANGUAGES: A COMPARATIVE ASPECT

Keywords: phraseological unit, biblical text, idiomatic correlation, interpretation of meaning.

This article examines the comparative aspect in the study of phraseological units of biblical origin in the English-German language pair. The differences are due to extralinguistic (interpretation of the inner meaning) and linguistic (external form) factors. The examples presented in the article are divided into groups according to the degree of Anglo-German idiomaticity.

P.M. Alieva, E.G. Ozdueva

STRUCTURAL AND SEMANTIC CHARACTERIZATION OF KINSHIP TERMS IN FRENCH AND INGUSH

Keywords: kinship terms; French; Ingush language; comparative analysis; simple, composite and descriptive terms.

The article presents the main results of the structural-semantic analysis of the terms of relatedness of two different-structured languages in comparative terms. It is noted that the terms of kinship are the most ancient lexical units. Conclusions were made about the discursive activity of terms of different groups, in particular about the highest frequency of nuclear terms of kinship, and it was also noted that more kinship terms function in the Ingush language than in French and it is indicated what is due to this. It was revealed that in Ingush fiction there is a wider layer of monosemantic terms, compared to French fiction, where there are more polysemantic terms.

S.V. Budazhapova, L.D. Radnaeva, B.V. Socktoeva,
I.V. Khubrakova, S.V. Tsyrenzhapova

ACOUSTIC PARAMETERS OF REALIZATIONS OF SOUND UNITS OF THE ENGLISH LANGUAGE

Keywords: English, vowels, consonants, auditory analysis, acoustic parameters, formants.

The article is devoted to the description of the phonetic properties of the sound units of the English language, realized in conditions of unprepared reading. The material for the study was the texts recorded in the implementation of 18 speakers - native speakers of the Russian language (9 men and 9 women) aged 17-23 years with different levels of English proficiency: elementary, intermediate, advanced. An auditory analysis of the realizations of vowels and consonants was carried out, their acoustic parameters were recorded using the Praat speech signal processing program (www.praat.org).

L.G. Vasiliev, V.V. Neborskaya, N.V. Obukhova
SUBJECT-OBJECT DIMENSION
OF THE VERBAL ARGUMENTATION

Keywords: lingvo-argumentation, subject-object dimension, discourse.

This paper presents the problems which we face while studying argumentative interaction. It also accounts for direct and indirect agents of the discourse and the parts of the verbal argumentation object. The article deals with the idea that in argumentation general conditions of verbal communication are based on rational principle.

Л.М. Гиниятуллина, М.М. Шакурова
ОСОБЕННОСТИ СЛОЖНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ЦЕЛЫХ
В ТЕКСТАХ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОГО СТИЛЯ

Ключевые слова: текст, сложное синтаксическое целое, официально-деловой стиль, языковые особенности, структурно-семантические типы.

В статье описываются и систематизируются научные исследования, посвященные изучению видов синтаксических отношений между компонентами сложных синтаксических целых в текстах официально-деловых документов. Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе структурно-семантических типов сложных синтаксических целых в текстах официально-делового стиля. В результате анализа выявляется функционально-прагматическая сущность сложных синтаксических целых с разными видами синтаксических отношений.

Н.В. Зененко, Л.П. Сон
ИСПАНСКИЕ ПАРЕМИИ: ПРОЯВЛЕНИЕ
НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА И СОХРАНЕНИЕ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Ключевые слова: де-глобализация, национальная идентичность, национальный характер, паремиологические единицы.

Статья посвящена исследованию испанских паремиологических единиц как отражения национального характера испанцев. Образ мира, порожденный индивидуальным сознанием, влияет на формирование образа мира в коллективном сознании. Эти процессы вырабатывают национальный характер, черты которого получают воплощение в поведенческих нормах нации и в языке.

Н.Г. Иванова, А.В. Кириллова, Д.Е. Меренкова, М.В. Шурупова
РОЛЬ АББРЕВИАТУРЫ В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ
ПРОЦЕССЕ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: аббревиатура, словообразование, коммуникация, современный английский язык.

Статья посвящена анализу роли и значения аббревиатуры как одного из наиболее продуктивных способов словообразования в современном английском языке. Авторы рассматривают значимость аббревиатурных форм в устной и письменной формах коммуникации между людьми. В работе представлены примеры аббревиатур, разделенных по тематическим группам.

С.Г. Ларина, О.Н. Поддубская, А.В. Сахарова
К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ СУБЪЕКТИВНОЙ
СФЕРЫ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Ключевые слова: языковая личность, личностный смысл, прагматикон, тезаурус, лингвокреативность.

Статья посвящена рассмотрению процесса формирования языковой личности с точки зрения становления ее субъективной сферы, т.е. области личностных смыслов. Обращается внимание на то, что антропоцентристский подход в языкознании, пришедший на смену лингвоцентризму с его «диктатурой языка», открыл широкие перспективы не только в плане реконструкции различных типов языковых личностей, но и понимания того, каким образом закладывается собственно личность носителя языка.

К.А. Мельникова
РАЗЛИЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЙ
«ДИСКУРС» И «МЕДИАДИСКУРС»

Ключевые слова: понятие «дискурс», понятие «медиадискурс», текст, медиатекст, коммуникация. Целью настоящей работы является исследование происхождения понятий «дискурс» и «медиадискурс» в лингвистике, провести анализ различных подходов отечественных и зарубежных исследователей к определению этих понятий, выявить их основные специфические характеристики и дать собственное определение

L.M. Giniyatullina, M.M. Shakurova
FEATURES OF DIFFICULT SYNTACTIC UNITS IN
OFFICIAL-BUSINESS STYLE TEXTS

Keywords: text, a difficult syntactic unit, official-business style, linguistic features, structural and semantic types.

The article describes and systematizes scientific research devoted to the study of the types of syntactic relations between the components of difficult syntactic unities in the texts of official business documents. The scientific novelty of the research consists in a comprehensive analysis of the structural and semantic types of difficult syntactic unities of official-business style texts. As a result of the analysis, the functional-pragmatic essence of difficult syntactic unities with different types of syntactic relations is revealed.

N.V. Zenenko, L.P. Son
SPANISH PAREMIAS: MANIFESTATION
OF NATIONAL CHARACTER AND PRESERVATION
OF NATIONAL IDENTITY

Keywords: de-globalization, national identity, national character, paremiological units.

The article is devoted to the study of Spanish paremiological units as a reflection of the national character of Spaniards. The image of the world generated by individual consciousness influences the formation of the image of the world in the collective consciousness. These processes develop a national character, the features of which are embodied in the behavioral norms of the nation and in the language.

N.G. Ivanova, A.V. Kirillova, D.E. Merenkova, M.V. Shurupova
THE ROLE OF ABBREVIATION IN THE WORD-
FORMATION PROCESS OF THE MODERN ENGLISH
LANGUAGE

Keywords: abbreviation, word formation, communication, modern English.

The article is devoted to the analysis of the role and meaning of the abbreviation as one of the most productive ways of word formation in modern English. The authors consider the importance of abbreviations in oral and written forms of communication between people. The paper presents examples of abbreviations thematically subdivided.

S.G. Larina, O.N. Poddubskaya, A.V. Sakharova
TO THE QUESTION OF THE FORMATION
OF THE SUBJECTIVE SPHERE OF A LANGUAGE PERSON

Keywords: linguistic personality, personal meaning, pragmatikon, thesaurus, linguistic creativity.

The article is devoted to the consideration of the process of formation of a linguistic personality from the point of view of the formation of its subjective sphere, i.e. areas of personal meanings. Attention is drawn to the fact that the anthropocentric approach in linguistics, which replaced linguocentrism with its "dictatorship of the language", opened up broad prospects not only in terms of reconstructing various types of linguistic personalities, but also understanding how the personality of a native speaker is laid down.

K.A. Melnikova
DIFFERENT APPROACHES TO "DISCOURSE"
AND "MEDIADISCOURSE" DEFINITIONS

Keywords: the concept of discourse, the concept of media discourse, text, media text, communication.

The purpose of this paper is to investigate the origin of the concepts of "discourse" and "media discourse" in linguistics. The paper analyzes different approaches of domestic and foreign researchers to the definition of these concepts and identifies the main specific characteristics of these sophisticated communicative phenomena. Also the work determines the main

«медиадискурса». Также определены основные тенденции в развитии современного дискурса, основывающиеся на взаимодействии участников коммуникации

trends in the development of modern discourse, based on the interaction of communication participants.

Р.Ф. Мирхаев

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ
ПАРАДИГМЫ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА В
ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Ключевые слова: татарский язык, функциональная парадигма языка, форма существования языка, идиом, языковая страта, диахронический аспект.

В статье дается обзор изученности в диахроническом аспекте форм существования татарского языка, которые в своей совокупности представляют собой его функциональную парадигму. Как показывает анализ научной литературы, в настоящее время в данном аспекте исследована только письменная разновидность литературного идиома татарского языка. А научные данные, касающиеся эволюции других его функциональных страт, носят лишь обобщенный и фрагментарный характер. Это обстоятельство в целом обусловлено отсутствием письменных материалов, которые позволили бы в полной мере реконструировать историю их формирования и развития.

R.F. Mirkhayev

ON THE PROBLEM OF STUDYING THE FUNCTIONAL
PARADIGM OF THE TATAR LANGUAGE
IN THE DIACHRONIC ASPECT

Keywords: Tatar language, functional paradigm of language, form of language existence, idiom, linguistic stratum, diachronic aspect.

The article provides an overview of the study in the diachronic aspect of the forms of existence of the Tatar language, which together represent its functional paradigm. As the analysis of scientific literature shows, currently only the written variety of the literary idiom of the Tatar language has been studied in this aspect. And the scientific data concerning the evolution of its other functional strata are only generalized and fragmentary. This circumstance is generally due to the lack of written materials that would allow to fully reconstruct the history of their formation and development.

О.П. Мотина

ТИПОЛОГИЯ ПАРОНИМОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ПО
ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОМУ ПРИНЦИПУ

Ключевые слова: пароним, типология, рекуррентные единицы, окказиональные единицы.

В статье представлена типология паронимов английского языка по функционально-семантическому принципу. Проанализирована семантическая соотнесенность единиц, составляющих группы рекуррентных и окказиональных однокорневых паронимов.

O.P. Motina

TYPOLOGY OF ENGLISH PARONYMS ACCORDING TO
THE FUNCTIONAL-SEMANTIC PRINCIPLE

Keywords: paronym, typology, recurrent units, occasional units. The article presents the typology of English paronyms according to the functional-semantic principle. The semantic correlation of the units that make up the groups of recurrent and occasional cognate paronyms is analyzed.

Э.Г. Оздоева, П.М. Алиева

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФОРМ ГЛАГОЛА
В ИНГУШКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Ключевые слова: аналитические и синтетические формы глагола; ингушский язык; французский язык; сопоставительный анализ.

Статья посвящена сопоставительному анализу синтетических и аналитических форм глагола в типологически разных языках: ингушском и французском. Отмечается, что аналитические формы во французском языке отличаются устойчивостью своих компонентов, а в ингушском языке они более подвержены влиянию лексической семантики вспомогательных глаголов.

E.G. Ozdueva, P.M. Aliyeva

COMPARATIVE CHARACTERIZATION
OF VERB FORMS IN INGUSH AND FRENCH

Keywords: analytical and synthetic forms of the verb; Ingush language; French; comparative analysis.

The article is devoted to a comparative analysis of the synthetic and analytical forms of the verb in typologically different languages: Ingush and French. It is noted that analytical forms in French differ in the stability of their components, and in the Ingush language they are more influenced by the lexical semantics of auxiliary verbs.

А.М. Туктамышова

ОТНОШЕНИЕ УЧИТЕЛЕЙ НАЧАЛЬНЫХ ШКОЛ
К МНОГОЯЗЫЧИЮ И ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКЕ:
ТАТАРСТАН, РОССИЯ

Ключевые слова: многоязычие, языковая политика, отношение к языкам, учителя начальной школы

На основе анализа интервью с учителями в работе представлены результаты исследования отношения учителей начальной школы к многоязычию и языковой политике в 2х школах Республики Татарстан.

A.M. Tuktamysheva

ATTITUDE OF PRIMARY SCHOOL TEACHERS TO
MULTILINGUALISM AND LANGUAGE POLICY:
TATARSTAN, RUSSIA

Keywords: multilingualism, language policy, attitude towards languages, primary school teacher.

Based on the analysis of two interviews with teachers the paper presents the results the attitude of primary school teachers to multilingualism and language policy in the Republic of Tatarstan.

Р.А. Эфендиева, Э.Ю. Улимбашева, Л.Х. Дзасежева
СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ БАЗА ФОРМИРОВАНИЯ
ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ

Ключевые слова: стереотипы поведения, этнос, ценности, обычаи, этнопсихология.

Настоящая статья посвящена исследованию социокультурных основ формирования этнических стереотипов. Данный анализ позволит раскрыть сущность этнических стереотипов, их место и роль в духовной культуре.

R.A. Efendieva, E.Y. Ulimbasheva, L.Kh. Dzasezheva
SOCIO-CULTURAL BASE OF THE FORMING
THE ETHNIC STEREOTYPES

Keywords: stereotypes of the behavior, ethnos, values, traditions, ethnopsychology.

The article is devoted to the research of the social-cultural base of forming the ethnic stereotypes. This analysis will help to uncover the essence of the ethnic stereotypes, their place and role in the spiritual culture.

Публичный лицензионный договор-оферта

Редакция журнала «Казанская наука» предлагает Вам присылать свои статьи для публикации на страницах журнала, а также на сайте Научной электронной библиотеки (НЭБ). Предоставление Автором своего произведения является полным и безоговорочным акцептом, т.е. данный договор считается заключенным с соблюдением письменной формы. Присылая для публикации произведение, Автор также предоставляет Редакции журнала права на использование произведения и гарантирует, что он обладает достаточным объемом прав на передаваемое произведение. Также Автор предоставляет редакции журнала право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему Договору права третьим лицам без выплаты Автору вознаграждения. Все авторские права регулируются в соответствии с действующим законодательством России.

Договор публичной оферты по обработке персональных данных

В процессе осуществления выпуска журнала «Казанская наука» ООО «Рашин Сайнс» осуществляется обработка персональных данных, предоставленных авторами статей в рамках сообщения своих регистрационных данных для осуществления публикации в журнале (имя, фамилия, отчество, адрес автора, контактный телефон и e-mail приводятся в регистрационной форме, заполняемой авторами при отправке статьи в журнал). Обработка осуществляется редакцией журнала для целей надлежащей отправки журнала автору и возможности связи с автором лиц, заинтересованных в результатах труда автора статьи. Под обработкой персональных данных в контексте настоящего согласия понимаются действия редакции по сбору, систематизации, накоплению, хранению, использованию, распространению, уничтожению персональных данных, а также действия по их дальнейшей обработке с помощью автоматизированных систем управления базами данных, и иных программных средств, используемых редакцией журнала. Настоящее согласие автора на обработку персональных данных является бессрочным и может быть отозвано в любой момент путем отказа автора от получения журнала и дальнейшей обработки его персональных данных.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№1 2022

www.kazanscience.ru

Реестровая запись от 08.05.2019 серия ПИ № ФС 77 - 75730

Подписано в печать 21.02.2022

Формат А4. Печать цифровая.

Дата выхода в свет 21.02.2022

10,3 усл.печ.л. 12,1 уч.изд.л. Тираж 500 экз. Заказ 4670.

Учредитель: ООО "Рашин Сайнс":

420111, г. Казань, ул. Университетская, 22, помещение 23.

Адрес редакции, издательства, типографии – ООО "Рашин Сайнс":

420111, г. Казань, ул. Университетская, 22, помещение 23.

Цена - договорная

© Рашин Сайнс

тел.(843) 216-30-35

Отпечатано с готового оригинал-макета

ООО «Рашин Сайнс»